

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ «ИСТОРИЯ, ФИЛОЛОГИЯ»

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

- Х. А. Амирханов чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)
- Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)
- Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)
- А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)
- А. Е. Демидчик д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)
- А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- Н. Л. Жуковская д-р ист. наук, профессор (Институт антропологии и этнографии РАН – зав. Центром азиатских и тихоокеанских исследований, Россия)
- О. Д. Журавель д-р филол. наук, доцент (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Г. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)
- А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Ольштын, Польша)
- С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)
- В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия)
- Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Сэндай, Япония)
- Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)
- Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)
- П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, Мидделтаун, США)
- И. В. Силантьев д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)
- Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
- Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ВЫПУСКА «ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»**

Ответственные редакторы

- Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- С. А. Комиссаров канд. ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Ответственный секретарь

- А. В. Верёнов канд. ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редколлегии

- С. А. Арутюнов чл.-кор. РАН, доктор исторических наук, профессор (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия)
- Ван Вэй член Академии наук КНР, чл.-кор. Германского археологического института, д-р литературы, д-р истории, проф. (Институт археологии, Пекин, КНР)
- Н. Л. Жуковская д-р ист. наук (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия)
- Кан Инук д-р истории, проф. (Университет Кен Хи, Сеул, Республика Корея)
- А. И. Кобзев д-р филос. наук, проф. (Институт востоковедения, Москва, Россия)
- М. Е. Кравцова д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)
- Н. В. Кутафьева канд. филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Ли Хонджон д-р истории, проф. (Национальный университет Мокихо, Республика Корея)
- А. Н. Мещеряков д-р ист. наук, проф. (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия)
- Г. Парцингер д-р истории, проф. (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)
- В. Н. Пластун д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- П. Э. Подалко д-р истории, проф. (Университет Аояма Гакуин, Токио, Япония)
- Н. В. Сухадолник д-р истории, проф. (Университет Любляны, Словения)
- Ж. К. Таймагамбетов чл.-кор. АН Высшей школы Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Национальный музей Казахстана, Астана, Республика Казахстан)
- Такакура Хироки д-р истории, проф. (Университет Тохоку, Япония)
- Такэда Масанао д-р истории, проф. (Университет Хоккай Гакуэн, Япония)
- Л. фон Фалькенхаузен д-р истории, проф. (Калифорнийский университет, США)
- Е. Л. Фролова канд. ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

**ADVISORY BOARD OF ACADEMIC JOURNAL
“VESTNIK OF NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY.
SERIES: HISTORY, PHILOLOGY”**

Chief of the Advisory Board

- V. I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

- A. S. Zuev Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

- S. G. Skobelev Candidate of Historical Sciences, Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

- Kh. A. Amirkhanov Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- B. Viola Doctor in History, Professor (University of Toronto, Canada)
- E. E. Voytishek Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- T. Glantz Doctor in Philology, Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)
- A. V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)
- A. E. Demidchik Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation)
- A. P. Derevyanko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- J. Joubert Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)
- O. D. Zhuravel Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- G. E. Imposti Doctor in Philology, Professor (University of Bologna, Italy)
- A. K. Kiklevich Doctor of Philological Sciences, Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)
- S. M. Kotkin Doctor in History, Professor (Princeton University, United States)
- V. A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- Oka Hiroki Doctor in History, Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)
- H. Parzinger Doctor in History, Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
- H. Plisson Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)
- Bae Kidong Doctor in Archaeology and Anthropology, Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)
- P. Rutland Doctor in History, Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)
- I. V. Silantev Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Tang Chung Doctor in History, Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)
- T. Higham Doctor in History, Professor (University of Oxford, United Kingdom)
- Yu. V. Shatin Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE “ORIENTAL STUDIES”

Executive Editors

- E. E. Voytishchik Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- S. A. Komissarov Candidate of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Executive Secretary

- A. V. Varenov Candidate of Historical Sciences, Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

- S. A. Arutyunov Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- Wang Wei Member of the Chinese Academy of Sciences, Doctor in Literature, Doctor in History, Professor (Institute of Archaeology, Beijing, China)
- N. L. Zhukovskaya Doctor of Historical Sciences (Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- Kang Inuk Doctor in History, Professor (Kyung Hee University, Seoul, Republic of Korea)
- A. I. Kobzev Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Institute of Oriental Studies, Moscow, Russian Federation)
- M. E. Kravtsova Doctor of Philological Sciences, Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)
- N. V. Kutafyeva Candidate of Philological Sciences, Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Lee Heonjong Doctor in History, Professor (Mokpo National University, Republic of Korea)
- A. N. Mescheryakov Doctor of Historical Sciences, Professor (Russian State Humanitarian University, Moscow, Russian Federation)
- G. Parzinger Doctor in History, Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
- V. N. Plastun Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- P. E. Podalko Doctor in History, Professor (Aoyama Gakuin University, Tokyo, Japan)
- N. V. Suhadolnik Doctor in History, Professor (University of Ljubljana, Slovenia)
- Zh. K. Taymagambetov Corresponding Member of Academy of Sciences of the Kazakstan Higher School, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakstan National Museum, Astana, Republic of Kazakstan)
- Takakura Hiroki Doctor in History, Professor (Tohoku University, Sendai, Japan)
- Takeda Masanao Doctor in History, Prof. (Hokkai Gakuen University, Sapporo, Japan)
- L. von Falkenhausen Doctor in History, Professor (University of California, Los Angeles, USA)
- E. L. Frolova Candidate of Historical Sciences, Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

ВЕСТНИК НГУ

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2019. Том 18, № 4: Востоковедение

СОДЕРЖАНИЕ

Археология Китая

- Ван Пэн.* К вопросу о происхождении колесниц из Иньсюй 9
- Шульга П. И., Шульга Д. П., Хаснулина К. А.* Мохучахань: могильник раннескифского времени в Синьцзяне 19
- Варенов А. В.* Обзор погребальных памятников сяньбийского времени на территории Внутренней Монголии 30

Культура стран Восточной Азии

- Кудинова М. А., Черемисин Д. В., Комиссаров С. А.* О семантике основного сюжета на писаницах Хуашань (Гуанси-Чжуанский автономный район, Китай) 51
- Войтишек Е. Э.* «Царственный аромат» в культуре Восточной Азии: виды, свойства и особенности агаровых деревьев 61

Филология стран Восточной Азии

- Кравцова М. Е.* Китайская одическая поэзия династии Западная Цзинь (264/5 – 317) 75
- Кутафьева Н. В.* Сложные двандва в китайском и японском языках: сравнительный аспект 87

Современная история Китая

- Глазунов Д. А.* Особенности процесса урбанизации в Синьцзяне (1980-е – 2000-е годы) 96
- Трушкин А. Г.* Идеологические основания нового внешнеполитического курса КНР (1978–2001 годы) 107

Класс Конфуция

- 毕新惠、王中俊、Азаренко Ю. А. 2018年新西伯利亚国立大学孔子学院工作概述 (Би Синьхуэй, Ван Чжунцзюнь, Азаренко Ю. А. Проект «Институт Конфуция» Новосибирского государственного университета в 2018 г.) 115
- 党瑞。来华留学生中级汉语听力学习情况调查--以复旦大学留学生为例 (Дан Жуй. Обследование отношения иностранных студентов к занятиям аудирования на среднем этапе изучения китайского языка – на примере Университета Фудань) 121

Учебные материалы

Ожогин В. И. Искусство Восточной Азии (Китай, Корея, Япония) (материалы к учебному пособию) 133

Войтишек Е. Э. Информация о спецкурсах приглашенных профессоров на отделении востоковедения Гуманитарного института НГУ 148

Хроника

Комиссаров С. А., Азаренко Ю. А. (Рец.) Археологическое наследие Тайваня 152

Варенов А. В. IX Международная научная конференция «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая» 157

In Memoriam

Памяти Александра Владимировича Старцева 159

Информация для авторов 161

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2019, vol. 18, no. 4: Oriental Studies

CONTENTS

Archaeology of China

- Wang Peng.* The Origin of YinXu Chariots 9
Shulga P. I., Shulga D. P., Hasnulina K. A. Mohuchahan: Early Scythian Age Burial Ground in Xinjiang 19
Varenov A. V. A Review of Burial Sites of the Xianbei Period in Inner Mongolia 30

Culture of East Asia

- Kudinova M. A., Cheremisin D. V., Komissarov S. A.* Semantics of the Main Scene of Huashan Rock-Paintings (Guangxi-Zhuang Autonomous Region, China) 51
Voytishkek E. E. The “Imperial Fragrance” of East Asian Culture: Types, Properties and Features of the Agarwood Tree 61

Philology of East Asia

- Kravtsova M. Ye.* Chinese Rhapsody Poetry (*Fu*) of the Western Jin Dynasty (A. D. 264/5 – 317) 75
Kutafeva N. V. Dvandva Compound Words in Chinese and Japanese Languages: Comparative Aspect 87

Modern History of China

- Glazunov D. A.* Features of the Urbanization Process in Xinjiang (1980s – 2000s) 96
Trushkin A. G. Ideological Foundations for the New Foreign Policy of the Peoples’ Republic of China (1978–2001) 107

Confucius Classroom

- Bi Xinhui, Wang Zhongjun, Azarenko Yu. A.* The 2018 Work Summaries of Confucius Institute at Novosibirsk State University 115
Dang Rui. Investigation of Foreign Students’ Attitude to Intermediate Chinese Auding Lessons (Taking the Students of Fudan University as an Example) 121

Educational Materials

- Ozhogin V. I.* The Art of East Asia (China, Korea, Japan) (Materials for the Tutorial) 133
- Voytishek E. E.* Information about the Courses of Visiting Professors at the Department of Oriental Studies, Institute for Humanities of NSU 148

Chronicle

- Komissarov S. A., Azarenko Yu. A. (Rev.)* Archaeological Heritage of Taiwan 152
- Varenov A. V.* IX International Scientific Conference “Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China” 157

In Memoriam

- In Memoriam A. V. Startsev 159
- Instructions to Contributors 161

УДК 902

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-9-18

К вопросу о происхождении колесниц из Иньсюй¹

Ван Пэн

Институт археологии АОН КНР

Пекин, Китай

Аннотация

В период существования алакульской и срубной археологических культур, которые наследовали синташтинской и петровской культурам, вслед за продвижением на восток индоевропейцев в том же направлении начинают распространяться легкие колесницы, запряженные одной лошастью. В районе Центральной равнины домашние лошади вместе с повозками появляются в эпоху, примерно соответствующую 2-му периоду культуры Иньсюй. Более детально проследить пути контактов в зоне Евразийского степного пояса позволяет сопоставительный анализ конской упряжи и деталей колесниц бронзового века из разных регионов. В данной статье предпринято изучение псалиев, найденных в Иньсюй, а также их сопоставление с аналогами из памятников синташтинской, петровской, алакульской и срубной культур. Проведенное исследование показало, что квадратные иньсюйские псалии, вероятнее всего, были заимствованы из алакульской и срубной культур. Археологические данные указывают на существование ок. XIII в. до н. э. ширококомасштабных культурных контактов между восточной и центральной частями Евразийского континента. Появление колесниц в Восточной Азии служит одним из проявлений этого феномена.

Ключевые слова

Иньсюй, происхождение колесного транспорта, степи Евразии

Для цитирования

Ван Пэн. К вопросу о происхождении колесниц из Иньсюй // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 4: Востоковедение. С. 9–18. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-9-18

The Origin of YinXu Chariots

Wang Peng

Institute of Archaeology CASS

Beijing, China

Abstract

Purpose. During the period of Alakul and Srubnaya cultures, light chariots drawn by one horse spread eastward following the Indo-Europeans' migrations. In the second period of YinXu culture domestic horses and chariots initially appeared in the Central Plain region. The comparative study of horse harness and chariot fittings from different regions allows to trace the routes of cross-cultural contacts in the Eurasian Steppe in the Bronze Age.

Materials. The article focuses on the cheek-pieces (psalia) found in YinXu (Anyang, Henan Province, China) and their analogues from the Eurasian Steppe. The earliest Chinese cheek-pieces were found in YinXu, along with the earliest chariots. Most of the YinXu cheek-pieces were square and dated back to the 2nd–4th periods of YinXu culture. In some cases the cheek-pieces were accompanied by spiked plates attached to their inner side that enhanced the strict control over movements of a horse. Analogous cheek-pieces were unearthed at the sites of Sintashta, Petrovka, Alakul and Srubnaya cultures (a total of 260 items). They evolved from the earliest square cheek-pieces of Sintashta culture to narrow rectangular ones in Alakul and Srubnaya cultures.

Results. The research demonstrates that square Yin cheek-pieces were presumably borrowed from Alakul and Srubnaya cultures. They were probably introduced to YinXu culture at the same time as chariots. Therefore, we

¹ Перевод по авторской рукописи выполнен М. А. Кудиновой.

assume that wheeled vehicles were also borrowed from the Eurasian Steppe region during the time of Alakul and Srubnaya cultures. Nevertheless, the probability of the square cheek-pieces being borrowed from Fedorovo culture cannot be excluded either.

Conclusion. Archaeological data prove that extensive cultural contacts between the eastern and western parts of Eurasia existed circa 13th century BC. The introduction of chariots into East Asia was just one of the manifestations of this phenomenon.

Keywords

Yinxu, the origins of wheeled transport, Eurasian Steppe

For citation

Wang Peng. The Origin of Yinxu Chariots. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 4: Oriental Studies, p. 9–18. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-9-18

Введение

К концу 2-го периода культуры Иньсуй лошади и колесный транспорт внезапно в большом количестве появляются на Центральной равнине [Варенов, 1980]. Поэтому подавляющее большинство археологов уверены, что китайский колесный транспорт не являлся местным изобретением, а был заимствован с запада (см., напр.: [Ван Вэй, 1998]). Однако мнения исследователей о конкретной локализации источника заимствований достаточно сильно разнятся (см.: [Ван Хайчэн, 2002]). В последние годы в связи с огромным количеством новых открытий в археологии евразийских степей и Северного Китая (включая Синьцзян) некоторые ученые выводят происхождение китайского колесного транспорта из степного пояса Евразии, поскольку на севере Китая выявлено значительное влияние культур эпохи бронзы, характерных для более западных областей [Кузьмина, 2010. С. 55–64]. Однако аргументы в пользу непосредственного заимствования колесниц не вполне убедительны². Для решения проблемы происхождения колесного транспорта в Китае эффективным представляется изучение синхронных этому событию комплексов конской упряжи и деталей колесниц из Китая и других регионов. На основании имеющихся археологических материалов и исследований³ мы полагаем, что наиболее релевантным источником в рамках всего Старого Света могут служить псалии и связанные с ними детали конской упряжи.

Материалы и исследование

Наиболее ранние китайские колесницы были найдены на памятнике Иньсуй (Иньское городище), там же обнаружены и самые ранние псалии. Почти все иньсуйские псалии квадратной формы: например, из могилы Фу-хао [Иньсуй фухао му, 1980], погребений памятника Сяотунь M20, M40, M202 [Ши Чжанжу, 1970], Сяоминьтунь-59 [Аньян иньсуй сяоминьтуньдэ..., 1977], Сяоминьтунь-72 [Аньян синь фасяньдэ..., 1972], погребений M216, M217, M1613 в западном секторе Иньсуй [Ян Баочэн, Ян Сичжан, 1979; Чжэн Жокуй Ян Баочэн, 1984], M51, M58, M146, M147, M148 в Гоцзячжуан [Аньян иньсуй гоцзячжуан..., 1998], M1 M40, M41 в Мэйюаньчжуан [Мэн Сянью и др., 1997; Ян Сичжан, Лю Имань, 1998], M76, M226, M231 в Дасыкун [Аньян дасыкун..., 2014]. Их датировки укладываются в интервал от 2-го до 4-го периода Иньсуй (рис. 1).

Квадратным псалиям сопутствовали «зубчатые предметы» – накладки с шипами, крепившиеся на внутренней стороне псалий, шипами в сторону морды лошади, что позволяло жестко контролировать ее движение. Такие предметы найдены в погребениях Мэйюаньчжуан

² В качестве таковых, например, приводится сходство китайских колесниц из Центральной равнины с колесным транспортом евразийских степей, а также изображения колесниц на петроглифах Казахстана, Монголии, Синьцзяна и Внутренней Монголии как отражение маршрута, по которому колесный транспорт распространялся на восток (см.: [Линь Юнь, 1998. С. 296–301]).

³ См.: [У Сяюнь, 2002; Цзин Чжунвэй, 2013].

М41, Дасыкун М76, М226, Цяньчжанда М40, М41 [Тэнчжоу..., 2005. С. 360–361, 629–630]. Примечательно, что по форме эти предметы полностью совпадают с псалями, что подтверждает их использование в едином комплекте (рис. 2, 1–6, 8). Кроме того, найденные в погребении Гочжун М6 квадратные псалии с шипами подтверждают наличие связи между квадратными предметами с шипами и квадратными псалями. К настоящему времени число квадратных предметов с шипами из Иньсюй (включая квадратные псалии с шипами) достигает 18 (найлены на памятниках Мэйюаньчжуан, Дасыкун, Гочжун). Их датировки соответствуют 2–4-му периодам Иньсюй. Это наиболее ранние квадратные накладки на псалии с шипами, известные на территории Китая.

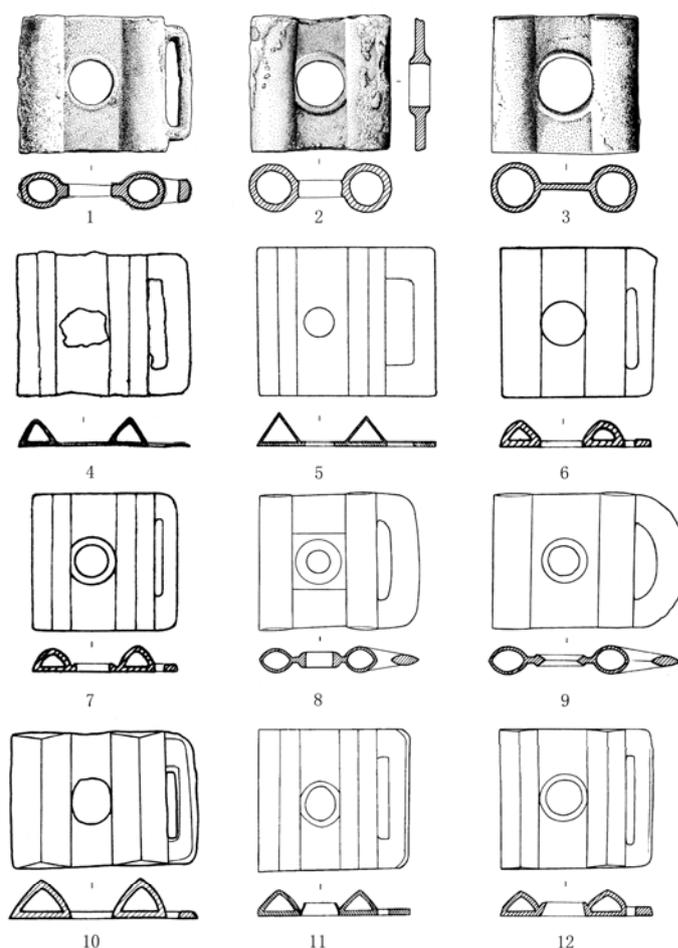

Рис. 1. Квадратные псалии из Иньсюй:

1 – Сяотунь, М20; 2 – Сяотунь, М202; 3 – Сяотунь, М40; 4 – Сяоминьтунь-72; 5 – Западный сектор Иньсюй, М1613; 6 – Гоцзячжуан, М51; 7 – Гоцзячжуан, М58; 8 – Гоцзячжуан, М146; 9 – Гоцзячжуан, М147; 10 – Гоцзячжуан, М148; 11 – Мэйюаньчжуан, М1; 12 – Мэйюаньчжуан, М40 (По: [Ши Чжанжу, 1970; Аньян синь фасяньдэ..., 1972; Чжэн Жокуй Ян Баочэн, 1984; Аньян иньсюй гоцзячжуан..., 1998; Мэн Сяньу и др., 1997; Ян Сичжан, Лю Имань, 1998])

Fig. 1. Yin Xu square cheek-pieces:

1 – Xiaotun, M20; 2 – Xiaotun, M202; 3 – Xiaotun, M40; 4 – Xiaomintun-72; 5 – Yin Xu western section, M1613; 6 – Guojiazhuang, M51; 7 – Guojiazhuang, M58; 8 – Guojiazhuang, M146; 9 – Guojiazhuang, M147; 10 – Guojiazhuang, M148; 11 – Meiyuanzhuang, M1; 12 – Meiyuanzhuang, M40 (by: [Shi Zhangru, 1970; Anyang xin faxiande..., 1972; Zheng Ruokui, Yang Baocheng 1984; Anyang yin Xu guojiazhuang..., 1998; Meng Xianwu et al., 1997; Yang Xizhang, Liu Yiman, 1998])

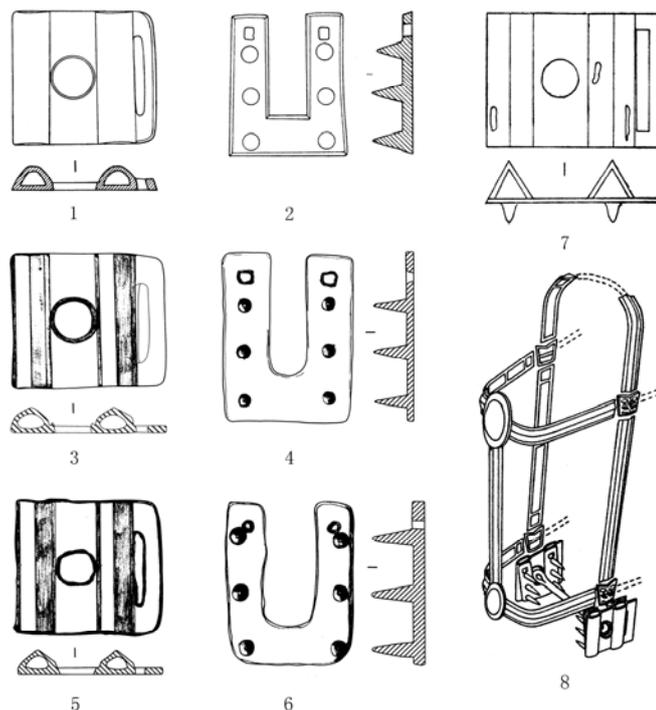

Рис. 2. Квадратные псалии и накладки с шипами:

1, 2 – Мэйюаньчжуан, М41; 3, 4 – Дасыкун, М76; 5, 6 – М226; 7 – Гочжуан, М6; 8 – Цяньчжанда, М41 (По: [Ян Сичжан, Лю Имань, 1998; Аньян дасыкун..., 2014; Мэн Сянью, Ли Гуйчан, 1991; Тэнчжоу..., 2005])

Fig. 2. Square cheek-pieces and spiked plates:

1, 2 – Meiyuanzhuang, M41; 3, 4 – Dasikong, M76; 5, 6 – M226; 7 – Guozhuang, M6; 8 – Qianzhangda, M41 (by: [Yang Xizhang, Liu Yiman, 1998; Anyang dasikong..., 2014; Meng Xianwu, Li Guichang, 1991; Tengzhou..., 2005])

Материалы, аналогичные псалиям из Иньской, происходят из степного пояса Евразии. По данным И. В. Чечушкова [2013. С. 55–69], в настоящий момент их количество превышает 260 экземпляров. Наиболее ранние и архаичные по форме были найдены на памятниках синташтинской культуры. Псалии были изготовлены из рога и имели шипы; по форме выделяются круглые, полукруглые и прямоугольные (квадратные). Все эти три вида псалиев с шипами продолжали существовать в петровской, алакульской и срубной культурах, сменивших синташтинскую. Однако форма их не оставалась неизменной. К примеру, для упрощения и удешевления производства прямоугольные псалии в петровской культуре начали изготавливать из расщепленных длинных костей животных, вследствие чего увеличилась высота изделий, а также изменилось расположение шипов: от четырех по углам, примерно на равном расстоянии друг от друга, как было принято в синташтинской культуре, к расположению в один ряд (рис. 3, 1–10). Ко времени алакульской⁴ и срубной культур псалии прямоугольной формы становятся еще более узкими и вытянутыми вертикально (рис. 3, 11–20).

⁴ Автор раскопок полагает, что 4 экз. прямоугольных псалий с шипами, найденных на могильнике Обилькин луг-III, относятся к синташтинской культуре [Денисов, 2001. С. 38–48]. Однако устройство погребений и керамический комплекс значительно отличаются от синташтинских, поэтому мы разделяем мнение И. В. Чечушкова [2013] об их принадлежности к алакульской культуре.

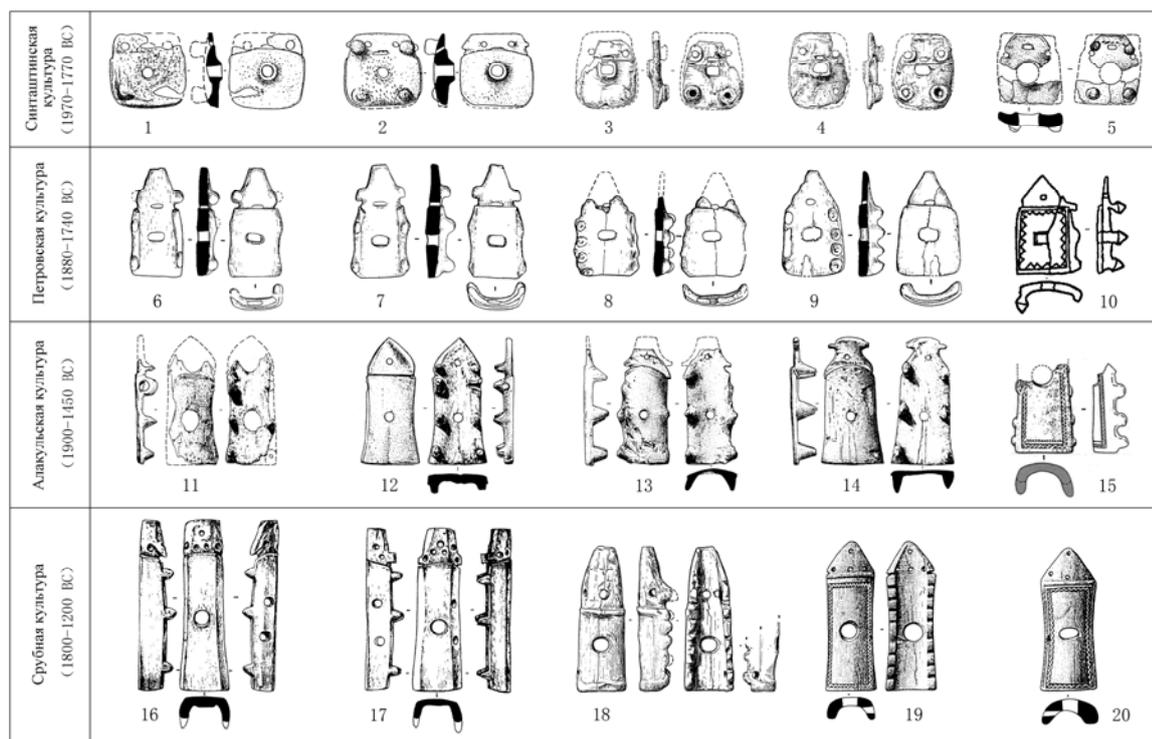

Рис. 3. Прямоугольные псалии с шипами из степей Евразии:

1, 2 – мог. Каменный Амбар-5; 3, 4 – Синташтинский могильник; 5 – пос. Аркаим; 6–9 – мог. Аксайман; 10 – мог. Сатан; 11–14 – мог. Обилькин луг-III; 15 – пос. Тасты-Бутак; 16, 17 – мог. Новые Ключи III; 18 – пос. Гуселка-II; 19, 20 – мог. Комаровка (По: [Усачук, 2013; Новоженев, 2012; Чечушков, 2013])

Fig. 3. Rectangular spiked cheek-pieces from Eurasia Steppe:

1, 2 – Kamennyi Ambar 5 burial ground; 3, 4 – Sintashta burial ground; 5 – Arkaim settlement; 6–9 – Aksayman burial ground; 10 – Satan burial ground; 11–14 – Obil'kin meadow III burial ground; 15 – Tasty-Butak settlement; 16, 17 – Novye Klyuchi III burial ground; 18 – Guselka II settlement; 19, 20 – Komarovka burial ground (by: [Usachuk, 2013; Novozhenov, 2012; Chchushkov, 2013])

Результаты исследования

В целом большинство прямоугольных псалиев, найденных в Иньсюй (в том числе с шипами, а также отдельные зубчатые накладки на псалии), сходно с аналогичными изделиями петровской, алакульской и срубной культур, что проявляется не только в наличии отверстий в средней и верхней частях щитка, но и в расположении шипов в два ряда по краям, что, очевидно, копирует экземпляры, изготовленные из длинных костей животных (рис. 1; 2; 3, 6–10).

Большинство иньсюйских псалиев по форме представляют почти правильный квадрат, что более всего сходно с материалами петровской культуры. Однако у последних отсутствует боковое ушко, характерное для изделий Иньсюй (рис. 1, 1, 4–12; 3, 6–10). Что касается прямоугольных псалиев с шипами, принадлежащих алакульской и срубной культурам, то у них круглые отверстия вдоль одного края (рис. 3, 11, 12, 16–20), по всей видимости, выполняли ту же функцию, что и боковое ушко у псалиев из Иньсюй (рис. 4). Заслуживает внимания тот факт, что в погребении M1136-1137 на памятнике Сибэйган (Хоуцзячжуан) найден экземпляр удлиненной формы [Хуан Минчун, 2015] (рис. 4, 5), отличный от большинства иньсюйских, имевших квадратную форму, однако схожий с удлиненными псалиями алакульской и срубной культур. Вероятно, его происхождение следует связывать с культурами степного пояса.

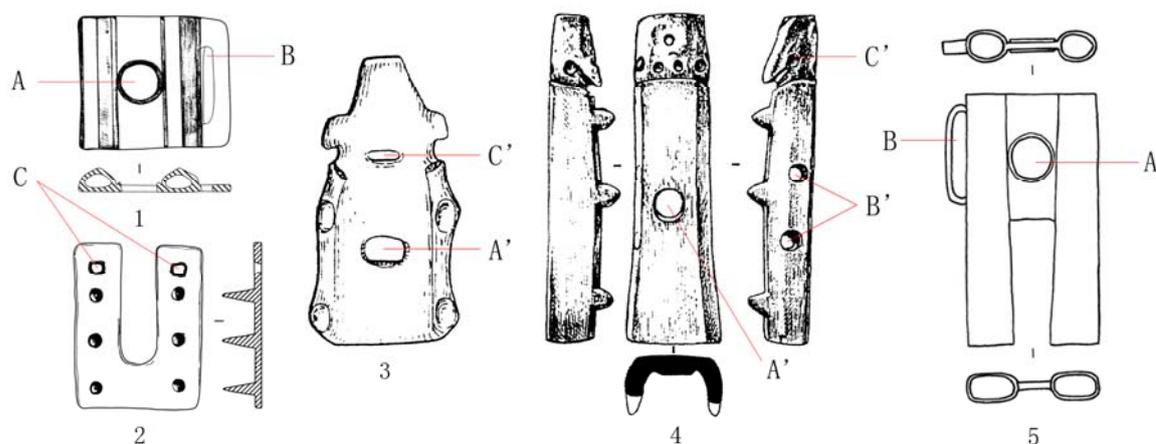

Рис. 4. Сопоставление квадратных псалиев из Иньсуй и степного пояса:
1, 2 – Дасыкун, М76; 3 – мог. Аксайман; 4 – мог. Новые Ключи III; 5 – Сибэйган, М1136-1137
(5 по: [Хуан Минчун, 2015]).

Fig. 4. Comparison of square cheek-pieces from Yinxu and Eurasia Steppe:
1, 2 – Dasikong, M76; 3 – Aksayman burial ground; 4 – Novye Klyuchi III burial ground; 5 – Xibeigang, M1136-1137
(5 by: [Huang Mingchong, 2015]).

Таким образом, мы считаем, что прототипом квадратных псалиев из Иньсуй послужили квадратные псалии с шипами из степных районов Евразии. Их распространение на восток началось, по-видимому, позднее времени существования синташтинской и петровской культур, приблизительно в период, соответствующий алакульской и срубной культурам. Более того, мы полагаем, что квадратные псалии попали в Иньсуй именно из западной части евразийских степей, где располагался ареал алакульской и срубной культур⁵. Необходимо, однако, отметить, что из-за недостатка соответствующих археологических материалов мы пока не вполне представляем себе, какова была ситуация с распространением псалиев с шипами в федоровской культуре, которая так же, как и алакульская, принадлежала к андроновской культурно-исторической общности, была ей практически синхронна, но располагалась восточнее и имела более тесные контакты с восточноазиатским регионом. В связи с этим нельзя исключать возможности происхождения квадратных иньсуйских псалиев из центральной части евразийских степей, где в то время существовала федоровская культура.

Квадратные псалии появляются в Иньсуй одновременно с колесницами. Поэтому, вероятно, колесницы так же пришли сюда из евразийских степей. Время распространения колесного транспорта на восток должно совпадать с появлением в Иньсуй квадратных псалиев и примерно соответствовать периоду существования алакульской и срубной культур.

Заключение

В течение промежутка времени, приблизительно соответствующего 2-му периоду Иньсуй, на Центральной равнине внезапно в большом количестве появляются не только лошади (см.: [Юань Цзин, 2015. С. 99–102]) и колесницы, а также в связи с этим псалии и изделия в форме лука [Ван Пэн, 2015], но и специфические орнаменты на керамике и бронзе (см.:

⁵ Свидетельством продвижения алакульцев на восток можно считать аналогии среди находок керамики и бронзовых изделий на территории Синьцзяна (могильники Сацзы, Вэйсяо и др.) [Молодин, Комиссаров, 2000; Molodin, Komissarov, 2004. P. 217].

[Ван Пэн, 2018]). Истоки для части этих специфических орнаментов можно проследить на памятниках андроновской культурной общности, но особое распространение они получают в «пост-андоновскую эпоху», в археологических культурах позднего бронзового века на территории Южной Сибири и Центрального и Северного Казахстана, что как раз по времени соответствует культуре Иньсюй. В то же время на обширных пространствах, отделяющих Центральную равнину от степного пояса, не прослеживаются никаких следов существования данных элементов культуры. Такая ситуация, вероятно, отражает процесс крупномасштабного единовременного культурного обмена, который произошел в центральной и восточной частях Евразийского континента в крайне небольшой промежуток времени, приблизительно в XIII в. до н. э. В таком случае появление в Иньсюй колесниц, важность которого для исторического развития Китая не нуждается в пояснениях, – всего лишь одно из очень ярких проявлений столь масштабного исторического процесса.

Список литературы / References

- Ван Пэн.** Взаимодействие культур бронзового и раннего железного века Южной Сибири, Синьцзяна и Северного Китая // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2018. Т. 17, вып. 4: Востоковедение. С. 16–29.
Wang Peng. Vzaimodeistviye kul'tur bronzovogo i rannego zhelezного veka Yuzhnoi Sibiri, Sin'tszyana i Severnogo Kitaya [Interaction between Bronze and Early Iron Age cultures in South Siberia, Xinjiang and Northern China]. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2018, vol. 17, iss. 4: Oriental Studies, p. 16–29. (in Russ.)
- Варенов А. В.** Иньские колесницы // Изв. Сиб. отд-ния РАН. Сер. обществ. наук. 1980. № 1, вып. 1. С. 164–169.
Varenov A.V. In'skiye kolesnitsy [Yin chariots]. *Proceedings of Siberian Branch RAS. Social Sciences Series*, 1980, vol. 1, iss. 1, p. 164–169. (in Russ.)
- Денисов И. В.** Могильники эпохи бронзы Обилькина Луга близ Соль-Илецка // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2001. Вып. 5. С. 38–48.
Denisov I.V. Mogil'niki epokhi bronzy Obil'kina Luga bliz Sol'-Iletska [Burial grounds of the Bronze Age at Obilkin meadow near Sol-Iletsk]. *Archaeological monuments of Orenburg region*. Orenburg, Orenburg State Pedagogical University Publ., 2001, vol. 5, p. 38–48. (in Russ.)
- Кузьмина Е. Е.** Предыстория Великого Шёлкового пути: Диалог культур Европа – Азия. М.: КомКнига, 2010. 236 с.
Kuzmina E.E. Predystoriya Velikogo shelkovogo puti [Prehistory of the Great Silk road]. Moscow, KomKniga, 2010, 236 p. (in Russ.)
- Молодин В. И., Комиссаров С. А.** Андронидный могильник на территории Восточного Туркестана (Синьцзяна) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы годичн. юбилейн. сес. Ин-та археологии и этнографии СО РАН, дек. 2000 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. Т. VI. С. 342–349.
Molodin V.I., Komissarov S.A. Andronoidnyi mogil'nik na territorii Vostochnogo Turkeстана (Sin'tszyana) [Andronoid burial ground in East Turkeстан (Xinjiang)]. *Problems of archaeology, ethnography and anthropology of Siberian and neighboring territories*. Proc. of the anniversary annual session of Institute of archaeology and Ethnography SB RAS, Dec. 2000. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2000, vol. 6, p. 342–349. (in Russ.)
- Новоженов В. А.** Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. М.: Таус, 2012. 500 с.
Novozhenov V.A. Chudo kommunikatsii i drevneishii kolesnyi transport Evrazii [Miracle of communications and the earliest wheeled transport of Eurasia]. Moscow, Taus Publ., 2012, 500 p. (in Russ.)
- Усачук А. Н.** Древнейшие псалии (изготовление и использование). Киев; Донецк: ИА НАН Украины, 2013. 304 с.
Usachuk A.N. Drevneishiye psalii (izgotovlenie i ispol'zovanie) [The earliest cheek-pieces (production and use)]. Kiev; Donetsk, NASU Institute of Archaeology Publ., 2013, 304 p. (in Russ.)
- Чечушков И. В.** Колесничный комплекс эпохи поздней бронзы степной и лесостепной Евразии: от Днепра до Иртыша: Дис. ... канд. ист. наук / Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2013. 495 с.

- Chechushkov I.V.** Kolesnichnyi kompleks epokhi pozdnei bronzы stepnoi i lesostepnoi Evrazii: ot Dnepra do Irtysha [The chariot complex of Late Bronze epoch in Eurasian steppe and forest steppe: from Dnieper to Irtysh]. Candidate of historical sciences dissertation / Inst. of History & Archaeology UrB RAS. Yekaterinburg, 2013, 495 p. (in Russ.)
- Molodin V. I., Komissarov S. A.** Recent Finds of Bronze Age Cultures in Xinjiang and their Siberian Affinities. *Taoli chengxi ji: qingzhu An Zhimin xiansheng bashi shouchen* [桃李成蹊: 庆祝安志敏先生八十寿辰] *A path beneath peaches and plums: in celebration of Professor An Zhimin's 80-year jubilee*. Eds. Deng Cong (Tang Chung), Chen Xingcan. Hong Kong, Centre for Archaeology and Art, The Chinese University of Hong Kong Publ., 2004, p. 214–221.
- Аньян дасыкун 2004 нянь фацзюэ баогао [安阳大司空—2004 年发掘报告]. Отчет о раскопках памятника Дасыкун в Аньяне в 2004 году. Пекин: Вэнь чубаньшэ, 2014. 649 с. (на кит. яз.)
Anyang dasikong 2004 nian fajue baogao [安阳大司空—2004 年发掘报告]. Dasikong in Anyang: Report of the excavation in 2004. Beijing, Cultural Relics Publ., 2014, 649 p. (in Chin.)
- Аньян иньсюй гоцзячжуан шандай муцзан. 1982 нянь – 1992 нянь каогу фацзюэ баогао [安阳殷墟郭家庄商代墓葬—1982 年 – 1992 年考古发掘报告]. Погребения эпохи Шан в Гоцзячжуан, Иньсюй, в Аньяне. Отчет о раскопках 1982–1992 гг. Пекин: Чжунго дабайкэ цюаньшу чубаньшэ, 1998. 194 с. (на кит. яз.)
Anyang yinxu guojiazhuang shangdai muzang. 1982 nian – 1992 nian kaogu fajue baogao [安阳殷墟郭家庄商代墓葬—1982 年 – 1992 年考古发掘报告]. Guojiazhuang cemetery of the Shang period within the Yin Ruins, Anyang Excavations in 1982–1992. Beijing, Zhongguo Dabaiké Publ., 1998, 194 p. (in Chin.)
- Аньян иньсюй сяоминьтуньдэ лян цзо чэмакэн [安阳殷墟孝民屯的两座车马坑 // 考古]. Два чэмакэна из Сяоминьтунь, Иньсюй, в Аньяне // Каогу. 1977. № 1. С. 69–70, 72. (на кит. яз.)
Anyang yinxu xiaomintunde liang zuo chemakeng [安阳殷墟孝民屯的两座车马坑]. Two horse-and-chariot pits in Xiaomintun, Yin Ruins, Anyang. *Kaogu (Archaeology)*, 1977, no. 1, p. 69–70, 72. (in Chin.)
- Аньян синь фасяньдэ иньдай чэмакэн [安阳新发现的殷代车马坑 // 考古]. Новый чэмакэн иньской эпохи, обнаруженный в Аньяне // Каогу, 1972. № 4. С. 24–28. (на кит. яз.)
Anyang xin faxiande yindai chemakeng [安阳新发现的殷代车马坑]. Newly discovered horse-and-chariot pit of Yin period in Anyang. *Kaogu (Archaeology)*, 1972, no. 4, p. 24–28. (in Chin.)
- Ван Вэй.** Шандай мачэ юаньюань лицэ // Чжунго шан вэньхуа гоцзи сюэшу таолуньхуй луньвэньци [王巍. 商代马车渊源蠡测 // 中国商文化国际学术讨论会论文集]. Некоторые соображения о происхождении шанских колесниц // Сб. мат-лов междунар. науч. конф. по культуре Шан в Китае. Пекин: Чжунго дабайкэ цюаньшу чубаньшэ, 1998. С. 380–388. (на кит. яз.)
Wang Wei. Shangdai mache yuanyuan lice [王巍. 商代马车渊源蠡测]. Brief research on the origin of Shang chariots. *Zhongguo Shang wenhua guoji xueshu taolunhui wenji* [中国商文化国际学术讨论会论文集]. *Papers of the International symposium on the Shang Culture in Ancient China*. Beijing, Zhongguo Dabaiké Publ., 1998, p. 380–388. (in Chin.)
- Ван Пэн.** Цзай лунь инь чжоу гунсинцидэ юнту [王鹏. 在论殷周弓形器的用途]. Еще раз об использовании инь-чжоуских изделий в форме лука // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 4: Востоковедение. С. 24–36. (на кит. яз.)
Wang Peng. Zai lun yinzhou gongxingqide yongtu [王鹏. 再论殷周弓形器的用途]. Restudy on the functions of bow-shaped objects of Yin and Zhou. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2015, vol. 14, iss. 4: Oriental Studies, p. 24–36. (in Chin.)
- Ван Хайчэн.** Чжунго мачэдэ цюань [王海城. 中国马车的起源 // 欧亚学刊. 第三辑]. Происхождение китайских колесниц // Оуя сюэкань. 2002. Вып. 3. С. 1–75. (на кит. яз.)
Wang Haicheng. *Zhongguo machede qiyan* [王海城. 中国马车的起源]. The origins of Chinese chariot. *Ouya xuekan (International Journal of Eurasian Studies)*, 2002, iss. 3, p. 1–75. (in Chin.)
- Иньсюй фухао му [殷墟妇好墓]. Могила Фу-хао в Иньсюй. Пекин: Вэнь чубаньшэ, 1980. 470 с. (на кит. яз.)
Yinxu fuhao mu [殷墟妇好墓]. The tomb of Fu-hao at Yinxu. Beijing, Wenwu chubanshe, 1980, 470 p. (in Chin.)
- Линь Юнь.** Дуй наньшаньгэнь М102 чуту кэвэнь губаньдэ исе каньфа // Линь юнь сюэшу вэньци [林沅. 对南山根 M102 出土刻纹骨板的一些看法 // 林沅学术文集]. Некоторые подходы к исследованию резной костяной пластины из погребения М102 на памятнике Наньшаньгэнь // Сб. науч. тр. Линь Юня. Пекин: Чжунго дабайкэ цюаньшу чубаньшэ, 1998. С. 296–301. (на кит. яз.)

Lin Yun. Dui nanshangen M102 chutu kewen gubande yixie kanfa [林云. 对南山根 M102 出土刻纹骨板的一些看法]. Some approaches to carved bone plate unearthed from the tomb M102 at Nanshangen. *Lin yun xueshu wenji* [林云学术文集]. *Collection of Lin Yun scientific papers*. Beijing, Zhongguo Dabaike Publ., 1998. p. 296–301. (in Chin.)

Мэн Сяньву, Ли Гуйчан. Хэнань аньян гочжуанцунь бэй фасянь и цзяо инь му [孟宪武、李贵昌. 河南安阳郭庄村北发现一座殷墓 // 考古]. Иньское погребение, обнаруженное к северу от дер. Гочжуан в Аньяне, Хэнань // Каогу, 1991. № 10. С. 902–909. (на кит. яз.)

Meng Xianwu, Li Guichang. Henan anyang guozhuangcun bei faxian yi zuo yin mu [孟宪武、李贵昌. 河南安阳郭庄村北发现一座殷墓]. Yin tomb discovered to north of Guozhuang Village, Anyang, Henan Province, *Kaogu* (*Archaeology*), 1991, no. 10, p. 902–909. (in Chin.)

Мэн Сяньву, Ли Гуйчан, Цзя Цинъюнь. Аньян мэйюаньчжуан иньдай чэмакэн фацзюэ цзяньбао [孟宪武、李贵昌、贾青云. 安阳梅园庄殷代车马坑发掘简报 // 华夏考古]. Краткий отчет о раскопках ямы с лошадьми и повозкой Иньской эпохи в Мэйюаньчжуан, Аньян // Хуася каогу, 1997. № 2. С. 56–63. (на кит. яз.)

Meng Xianwu, Li Guichang, Jia Qingyun. Anyang meiyuanzhuang yindai chemakeng fajue jianbao [孟宪武、李贵昌、贾青云. 安阳梅园庄殷代车马坑发掘简报 // 华夏考古]. Excavations of Yin dynasty's horse-and-chariot burial pit at Meiyuanzhuang, Anyang, *Huaxia kaogu* (*Huaxia Archaeology*), 1997, no. 2, p. 56–63. (in Chin.)

Тэнчжоу Цяньчжан да муди [滕州前掌大墓地]. Большой могильник Цяньчжан [в уезде] Тэнчжоу. Пекин: Вэнь чубаньшэ, 2005. 832 с. (на кит. яз.)

Tengzhou qianzhang da mudi [滕州前掌大墓地]. Large cemetery at Qianzhang in Tengzhou. Beijing, Wenwu chubanshe, 2005, 832 p. (in Chin.)

У Сяюнь. Шан чжи чунью шици чжуньюань дицью цинтун чэмаци синши яньцзю [吴小筠. 商至春秋时期中原地区青铜车马器形式研究 // 古代文明]. Типологическое исследование форм бронзовых деталей колесниц в районе Центральной равнины с эпохи Шан до периода Чунью // Гудай вэньмин [Древние цивилизации]. Пекин: Вэнь чубаньшэ, 2002. Т. 1. С. 180–277. (на кит. яз.)

Wu Xiaoyun. Shang zhi chunqiu shiqi zhongyuan diqu qingtong chemaqi xingshi yanjiu [吴小筠. 商至春秋时期中原地区青铜车马器形式研究]. A typological study of the bronze chariot fittings in the Central Plains from the Shang Dynasty to the Spring and Autumn Period. *Gudai wenming* (*Ancient Civilizations*). Beijing, Wenwu chubanshe, 2002, vol. 1, p. 180–277. (in Chin.)

Хуан Минчун. Цун шандайдэ «С-син масянь» юй «цзяньчжуй цэши» кань шандайдэ «цибин» вэньти [黄铭崇. 从商代的“С形马衔”与“尖锥策饰”看商代的“骑兵”问题 // 纪年殷墟发掘八十周年学术研讨会论文集]. Исследование проблемы шанской «кавалерии» на основе данных о шанских С-образных удилах и «остроконечных украшениях плети» // Сб. мат-лов науч. конф., посвященной 80-летию раскопок Иньской. Тайбэй: Ин-т истории и филологии Академии Синика, 2015. С. 141–187. (на кит. яз.)

Huang Mingchong. Cong shangdaide «C-xing maxian» yu «jianzhui ceshi» kan Shangdaide «qibing» wenti [黄铭崇. 从商代的“С形马衔”与“尖锥策饰”看商代的“骑兵”问题]. A view on the «cavalry» of Shang period based on the study of «C-shaped mouthpieces» and «riding crops with sharp spines». *Jinian yinxu fajue bashi zhounian xueshu yantaohui lunwenji* [纪念殷墟发掘八十周年学术研讨会论文集]. *Proceedings of scientific conference in honor of the 80-year anniversary of Yinxu excavations*. Taipei, Institute of History and Philology Publ., 2015, p. 141–187. (in Chin.)

Цзин Чжунвэй. Чжуйцэ, динчи бяо юй дисянь: гуныюань цян эрцяньцзи чжи сань шици чжунсифан юймаи бицзяо яньцзю [井中伟. 辔策、钉齿镮与镮衔—公元前二千纪至前三世纪中西方御马器比较研究 // 考古学报]. Плети с шипами, псалии с шипами и удила с шипами: сравнительное исследование конской упряжи в Китае и на Западе во 2-м тыс. – III в. до н.э. // Каогу сюэбао, 2013. № 3. С. 297–324. (на кит. яз.)

Jing Zhongwei. Zhuce, dingchibiao yu dixian: gongyuan qian er qianji zhi qian san shiji zhongxifang yumaqi bijiao yanjiu [井中伟. 辔策、钉齿镮与镮衔—公元前二千纪至前三世纪中西方御马器比较研究]. *Zhuce, dingchibiao and dixian: the comparative study of the horse controlling devices in China and the West during the 2nd millennium to the 3rd century BC*. *Kaogu xuebao* (*Acta Archaeologica Sinica*), 2013, no. 3, p. 297–324. (in Chin.)

Чжэн Жокуй, Ян Баочэн. Иньсюй сицью фасянь и цзо чэмакэн [郑若葵、杨宝成. 殷墟西区发现一座车马坑 // 考古]. Чэмакэн, обнаруженный в западном секторе Иньской // Каогу, 1984. № 6. С. 505–509. (на кит. яз.)

Zheng Ruokui, Yang Baocheng. Yinxi xiqu faxian yi zuo chemakeng [郑若葵、杨宝成. 殷墟西区发现一座车马坑]. Discovery of a pit with a chariot and horses in the western section of Yin Ruins. *Kaogu (Archaeology)*, 1984, no. 6, p. 505–509. (in Chin.)

Ши Чжанжу. Сяотунь. Дии бэнь. Ичжидэ фасянь юй фацзюэ. Бин бянь: Иньсюй муцзан чжи и – бэй цзу муцзан. Шан цэ [石璋如. 小屯. 第一本: 遗址的发现与发掘. 丙编: 殷墟墓葬之一北组墓葬. 上册]. Сяотунь. Вып. 1. Открытие и раскопки памятника. Ч. 3. Погребения Иньсюй – северная группа погребений. Т. 1. Тайбэй: Лиши юйянь яньцзюсо, 1970. 415 с. (на кит. яз.)

Shi Zhangru. Xiaotun. Diyi ben. Yizhi de faxian yu fajue. Bingbian, Yinxi muzang zhi yi — bei zu muzang [石璋如. 小屯. 第一本: 遗址的发现与发掘. 丙编: 殷墟墓葬之一北组墓葬. 上册]. Xiaotun. Vol. 1: the site, its discovery and excavations, fasc. 3: burials of the northern section, iss. 1. Taibei, Institute of History and Philology Publ., 1970, 415 p. (in Chin.)

Юань Цзин. Чжунго дуньу каогусюэ. [袁靖. 中国动物考古学]. Зооархеология Китая. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2015. 332 с. (на кит. яз.)

Yuan Jing. Zhongguo dongwu kaoguxue [袁靖. 中国动物考古学]. Zooarchaeology in China. Beijing, Wenwu chubanshe, 2015, 332 p. (in Chin.)

Ян Баочэн, Ян Сичжан. 1969–1977 нянь иньсюй сицзюй муцзан фацзюэ баогао [杨宝成、杨锡璋. 1969 – 1977 年殷墟西区墓葬发掘报告 // 考古学报]. Отчет о раскопках погребений в западном секторе Иньсюй в 1969–1977 гг. // Каогу сюэбао, 1979. № 1. С. 27–157. (на кит. яз.)

Yang Baocheng, Yang Xizhang. 1969–1977 nian Yinxi xi qu muzang fajuebaogao [杨宝成、杨锡璋. 1969 – 1977 年殷墟西区墓葬发掘报告]. Report on the excavation of Yinxi west region's tombs from 1969 to 1977. *Kaogu xuebao (Acta Archaeologica Sinica)*, 1979, no. 1, p. 27–157. (in Chin.)

Ян Сичжан, Лю Имань. Хэнань аньян ши мэйюаньчжуан дуннаньдэ иньдай чэмакэн [杨锡璋、刘一曼. 河南安阳市梅园庄东南的殷代车马坑 // 考古]. Чэмакэны эпохи Инь, расположенные к юго-востоку от Мэйюаньчжуан в г. Аньян, Хэнань // Каогу, 1998. № 10. С. 48–65. (на кит. яз.)

Yang Xizhang, Liu Yiman. Henan anyangshi meiyuanzhuang dongnande yindai chemakeng [杨锡璋、刘一曼. 河南安阳市梅园庄东南的殷代车马坑]. Horse-and-chariot burial pits of the Yin period, southeast to Meiyuanzhuang, Anyang City, Henan. *Kaogu (Archaeology)*, 1998, no. 10, p. 48–65. (in Chin.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
10.12.2018*

Сведения об авторе / Information about the Author

Ван Пэн, научный сотрудник Института археологии АОН КНР (пр. Ванфуцзин, 27, Пекин, 100710, Китай)

Wang Peng, researcher at the Institute of Archaeology CASS (27 Wangfujing Ave., Beijing, 100710, China)

wp@cass.org.cn

Мохучахань: могильник раннескифского времени в Синьцзяне

П. И. Шульга¹, Д. П. Шульга², К. А. Хаснулина³

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН*

² *Сибирский институт управления РАНХиГС*

³ *Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В статье рассматриваются материалы могильника Мохучахань IX–VIII (VII) вв. до н. э., расположенного в уезде Хэцзин (Южное Притяньшанье). В 2011–2012 гг. на могильнике исследовано 236 погребений культуры Чауху, в том числе самые ранние из известных в этой культуре, датируемых китайскими и российскими исследователями в рамках X–VIII вв. до н. э. В настоящее время ранняя группа захоронений в Мохучахань является единственным представительным комплексом IX в до н. э. в восточной части скифского мира, существенно дополняющим материалы Аржана-1. В ходе сравнительного анализа отмечено сходство погребального обряда ранних погребений в Мохучахань с захоронениями в кольцах из могильника Курту-2. Можно полагать, что схема погребального обряда бийкенской культуры могла сформироваться в Притяньшанье. Особое значение имеет и обнаружение в Курту-2 и в Мохучахань псалиев аржанского типа. Это хронологический маркер и показатель вовлеченности Притяньшанья в культурную общность преимущественно европеоидного населения Казахстана и Южной Сибири, существовавшую не только в VIII–VII вв. до н. э., но и в IX в. до н. э. – во время становления скифской культуры.

Ключевые слова

Синьцзян, Китай, Мохучахань, Чауху, раннескифское время

Для цитирования

Шульга П. И., Шульга Д. П., Хаснулина К. А. Мохучахань: могильник раннескифского времени в Синьцзяне // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 4: Востоковедение. С. 19–29. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-19-29

Mohuchahan: Early Scythian Age Burial Ground in Xinjiang

P. I. Shulga¹, D. P. Shulga², K. A. Hasnulina³

¹ *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS*

² *Siberian Institute of Management – the Branch of RANEPА*

³ *Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article considers the materials of the Mohuchahan burial ground of IX–VIII (VII) centuries BC located to the south-west of Urumqi in Hejing county in the South Tien Shan region. In 2011 and 2012 236 graves of Chawuhu culture were excavated at this burial ground. The earliest Mohuchahan burials are dated back to the X–IX centuries BC by Chinese and Russian researchers. In the Mohuchahan cemetery we can observe a fairly dense location of a large number of graves surrounded by fences, stone grave chambers with passages at the ends, the deceased positioned with bent legs and the head pointing northwest. Inventory analysis also confirms these specifics of groups. Nowadays it is the only representative complex in the eastern part of the Scythian world essentially supplementing the materials of Arzhan-1 and giving a new insight into the early Scythian culture formation processes. During analysis the similarity between early Mohuchahan burials' funeral rites and graves inside stone rings from Kurtu-2 burial ground in the Mountain Altai (Eastern Kazakhstan) was noted. The Mohuchahan materials permit to conclude with a high degree of certainty that the Early Scythian time Biikenskaya culture funeral rite scheme could have formed in the Tian Shan re-

gion. The specific Arzhan-type cheek-pieces discovery in Kurtu-2 and Mohuchahan is of particular importance. This is not only a chronological marker but also an indicator of the Tian Shan region's involvement in the predominantly European populated cultural community of Kazakhstan and Southern Siberia which existed not only in VIII–VII centuries BC but also in the IX century during the time of Scythian culture formation.

Keywords

Xinjiang, China, Mohuchahan, Chawuhu, early Scythian age

For citation

Shulga P. I., Shulga D. P., Hasnulina K. A. Mohuchahan: Early Scythian Age Burial Ground in Xinjiang. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 4: Oriental Studies, p. 19–29. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-19-29

Могильник Мохучахань располагался в южных предгорьях Тянь-Шаня, к юго-западу от г. Урумчи, примерно в 55 км к северо-западу от уездного города Хэцзин, на террасе восточного берега реки Мохучахань-Усунь. Некрополь делится на две части (северо-западную и юго-восточную) оврагом, образованным сезонным водным потоком. В 2011 и 2012 гг. силами Института археологии и культурного наследия Синьцзяна здесь были проведены спасательные работы, в результате которых обнаружено и исследовано 248 погребений: в юго-восточной части (сектор 1) – 170 погребений, и 78 – в северо-западной (сектор 2). Почти все они (235) относятся к раннему этапу скифской культуры IX–VIII (VII) вв. до н. э., за исключением 13 погребений эпох Хань и Цзинь.

Указанные 236 погребений в обоих секторах могут быть отнесены к культуре Чауху, наиболее полно изученной в Синьцзяне [Чжан Цюаньчао и др., 2005; Хань Цзянье, 2007; Шао Хуйцю, 2008; Хань Цзянье, 2017; Шао Хуйцю, 2013] и сравнительно хорошо известной в России [Худяков, Комиссаров, 2002; Шульга, 2010; Комиссаров, 2011], хотя и имеют определенные отличия от других подобных могильников. Наиболее полно особенности погребального обряда, а также инвентаря культуры Чауху удалось проследить в местности Чаухугоу, прежде всего, на полностью исследованном могильнике Чаухугоу-4 (вскрыто 248 могил) и могильнике Чаухугоу-1 (вскрыто 234 могилы), находящихся всего в 48 км к востоку от Мохучахань [Синьцзян чауху., 1999; Шульга, 2010]. Отличительная особенность планировки могильников культуры Чауху – большое количество захоронений (до 700), устраивавшихся на очень близком расстоянии друг от друга последовательно в каком-либо направлении, в основном, северном. Благодаря установленной последовательности захоронений там удалось впервые для Синьцзяна понять особенности эволюции погребальных сооружений, погребальной обрядности и инвентаря в течение трех-четырех столетий (VIII–V вв. до н. э.).

Захоронения в Чаухугоу-4, как правило, совершались в оградах из крупных галек, уложенных в один ряд. На первом этапе самые ранние ограды в южной части могильника в плане сооружались в виде овала или окружности. Но вскоре они приобрели основную подтреугольную (стремечковидную) форму с выгнутыми сторонами (рис. 1, 3). В конце этапа I на вершинах оград-«треугольников» начали устраивать небольшие ямки с жертвенными захоронениями шкур лошадей с черепами и костями ног (рис. 1, 3). Конское снаряжение (только удила и псаии от уздечек) помещалось не в этих жертвенниках, а с человеком в могиле. Умершие захоранивались в сложенных из камня погребальных камерах, установленных в овальных могилах глубиной около 1,5–2 м. Большинство камер имели в одном или двух торцах своеобразные проходы. На первом этапе оставлялось по два таких прохода. Ограды и умершие в Чаухугоу-4 ориентировались на северо-запад или в меридиональном направлении (рис. 1, 3). Умершие погребались на дне ямы в один слой по 1–3 человека. Их размещали на спине с подогнутыми ногами головой к вершине «треугольника» с керамическими сосудами в головах и немногочисленным инвентарем по сторонам тела (рис. 1, 3).

На более поздних (втором и третьем) этапах в северной части могильника Чаухугоу-4 ограды вновь приобретают форму эллипса, затем становятся округлыми. Над самыми позд-

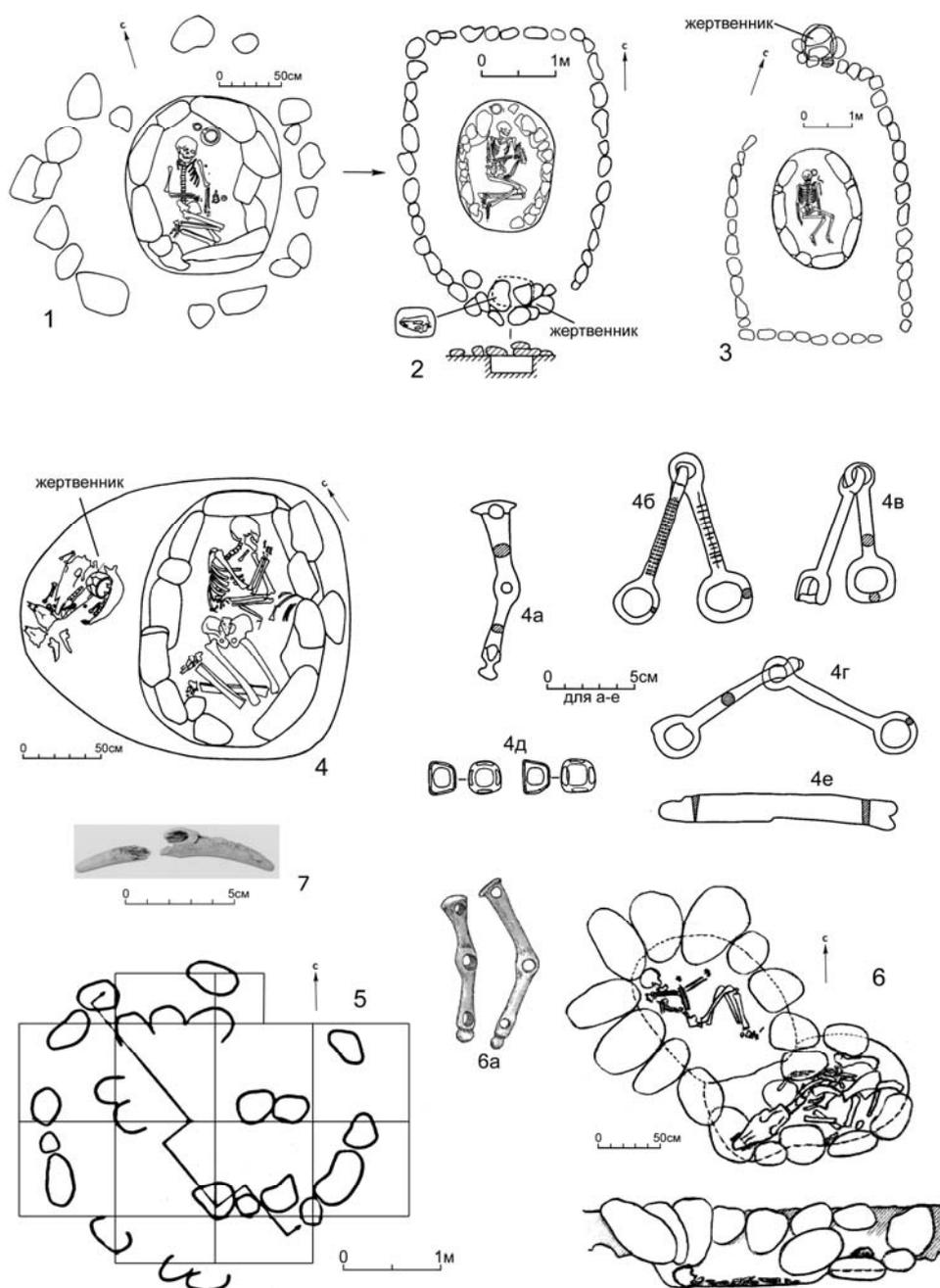

Рис. 1. Материалы могильников Мохучахань (сектор 1) (1, 2, 4), Чаухугоу-4 (3) и Курту-2 (5, 6):

1 – план могилы M12 с оградкой (сектор 1); 2 – план могилы M2 с оградкой и жертвенником (сектор 2); 3 – план могилы с оградкой и жертвенником; 4 – план могилы M54 с жертвенником; 4a–4e – бронзовые детали сбруи и нож из M54; 5 – план кольца 3; 6 – план и разрез погребения человека и лошади в кольце 3; 6a – роговые псалии аржанского типа из кольца 3; 7 – фрагменты рогового псалия из могилы M32 (1, 2, 4, 4a–4e, 7 – по: [Чжан Тенань и др., 2016, рис. 21, 77, 78, 252, табл. 24, 3]; 3 – по: [Синьцзян чауху..., 1999, рис. 27]; 5, 6, 6a – по: [Сорокин, 1966, рис. 3, 5])

Fig. 1. Materials of Mohuchahan burial ground (section 1) (1, 2, 4), Chawuhugou-4 (3) and Kurtu-2 (5, 6):

1 – ground plan of tomb-M12 with fence (section 1); 2 – ground plan of tomb-M2 with fence and sacrifice (section 2); 3 – ground plan with fence and sacrifice; 4 – ground plan of tomb M54 with sacrifice; 4a–4e – bronze harness and knife parts from M54; 5 – plan of ring 3; 6 – plan and section of the burial of man and horse in the ring 3; 6a – arzhan type horn psalium from a ring 3; 7 – fragments of horn psalium from tomb-M32 (1, 2, 4, 4a–4e, 7 – by: [Zhang Tienan et al., 2016, fig. 21, 77, 78, 252, tab. 24, 3]; 3 – by: [Xinjiang chawuhu..., 1999, fig. 27]; 5, 6, 6a – by: [Sorokin, 1966, fig. 3, 5])

ними могилами в рамках оградок появляются невысокие насыпи. Количество умерших в могилах увеличивается до 9–21 человек, укладываемых последовательно слоями. Проходы в камерах постепенно исчезают, но появляются дромосы для подхоронений. Увеличивается доля оград с подхоронениями жертвенных лошадей, чаще встречаются детали сбруи (в том числе застёжки седельных ремней), поясная фурнитура, оружие (наконечники стрел) и оселки. Там же, в финальных погребениях типа АІ (этап 1), найдено и три зеркала.

Материалы из Мохучахань имеют с могильниками в Чаухугоу много общего, но есть и существенные отличия. В значительной мере эти отличия объясняются более ранней датой его функционирования, а также культурной спецификой местных обитателей. В этом отношении могильник Мохучахань выглядит в культуре Чауху несколько обособленно, как и курган Аржан-1 в Туве, также хронологически предшествовавший другим исследованным там раннескифским комплексам.

В могильнике Мохучахань мы также видим довольно плотное расположение большого количества захоронений в оградах, находившихся в непосредственной близости друг от друга. Формирование могильника происходило, вероятно, не столь упорядоченно, как в Чаухугоу-1 и 4, но очевидно, что захоронения производились в целом также последовательно в северном направлении. Показательно, что в южной группе (сектор 1 – 170 погребений культуры Чауху) находились самые ранние погребения, а в северной – самые поздние (сектор 2 – 65 погребений культуры Чауху). На ранних этапах большинство оградок устраивались по периметру могильных ям, а потому они имели овальную или округлую форму и небольшие размеры (рис. 1, 1), как и самые ранние в Чаухугоу-4. В средней части сектора 2 появляются могилы с довольно большими оградами в форме стремени, и по направлению к северу доля их увеличивается (рис. 1, 2). В отличие от Чаухугоу-4, вершины оград обращены не в северную, а в южную сторону. Вполне вероятно, что эта обратная (по отношению к умершему) ориентация оград явление осознанное, отражающее этническую специфику населения в Мохучахань (ср. рис. 1, 2 и 1, 3). В позднем северном секторе 2 почти все могилы сопровождалась обращенными на юг стремечковидными оградами (рис. 1, 2). У некоторых из них имелись жертвенные (?) выкладки, в том числе с черепами лошади. Могильные ямы в Мохучахань неглубокие – от 30–50 см до 100–150 см. Сложенные из камня погребальные камеры, как правило, также имеют в торцах проходы (рис. 1, 2). На начальном этапе в секторе 1, преимущественно, устраивался один проход с северной стороны, или его совсем не было (рис. 1, 1). Затем стали преобладать камеры с двумя проходами, но сохранялись и с одним проходом. Ноги умерших подогнуты. Тела укладывали чаще не на спину (как в Чаухугоу), а на левый или правый бок (рис. 1, 1, 2, 4). Инвентарь размещался подобным образом, в частности, керамика обычно ставилась с севера в проходе (рис. 1, 1, 2). В большинстве случаев на всех участках погребался один человек (192 могилы). 26 погребений были парными. Второго умершего, как правило, подхоранивали по прошествии нескольких лет, сдвигая в сторону кости погребенного ранее. Сдвинутые кости фиксируются в разрозненном состоянии, что указывает на полное разложение плоти и связок к моменту подхоронения второго умершего. Чаще всего в парных погребениях находились костяки однополых умерших: мужчин (12 могил), реже – женщин (3 могилы). В восьми могилах были погребены мужчина с женщиной, при этом почти всегда подхоранивалась женщина. Все парные погребения довольно равномерно распределены по могильнику. Групповые погребения (3–4 человека) зафиксированы в пяти могилах, из которых две находились по краям групп и могли быть пристроены позже, а три устроены на окраине позднего сектора 1. Это соответствует отмеченной в Чаухугоу тенденции постепенного увеличения количества подхораниваемых в одной погребальной камере. На могильнике также зафиксировано шесть кенотафов.

Судя по планиграфии могил и инвентарю, погребения раннескифского времени в юго-восточной части могильника Мохучахань (сектор 1) совершались значительно раньше, чем в северо-западной. Однако погребальная обрядность везде почти одинаковая. Существенные различия наблюдаются только в форме постепенно изменявшихся оград и жертвенников. В самой ранней группе могил № 1 в юго-восточном секторе 1 сохранившиеся ограды имели

овальную или округлую форму (рис. 1, 1), а жертвенники с черепами лошадей устраивались в сравнительно больших ямах, или на уступе рядом с умершим (рис. 1, 4). В остальных группах № 2 и № 3 сектора 1 ограды уже приобретают такую же стремечковидную форму, как и в позднем северном секторе 2 (рис. 1, 2), но без жертвенников на вершинах. Таким образом, на могильнике прослеживается эволюция оград: 1) овальные и округлые (рис. 1, 1); 2) стремечковидные без жертвенников; 3) стремечковидные с жертвенниками (рис. 1, 2). Данное наблюдение показывает, что захоронения в южном секторе 1 не однородны, поэтому на могильнике Мохучахань необходимо выделять не две, а по меньшей мере четыре группы памятников. Анализ инвентаря также подтверждает специфику этих групп.

Могильник Мохучахань выделяется среди других памятников культуры Чауху значительным количеством инвентаря. Самую большую группу составляют лепные керамические сосуды (177 экз.), найденные в большинстве могил. Керамический комплекс существенно отличается от известного в Чаухугоу. В частности, совсем нет характерных для Чаухугоу кружек со сливом и котлов со сливом (рис. 2, С). Окрашенные сосуды представлены лишь тремя экземплярами, при этом криволинейный орнамент имеется лишь на одном сосуде из сектора 2 (М34). Исходя из большого количества расписной керамики на прилегающей территории в памятниках нескольких культур VIII–VI вв. до н. э., логично предположить, что могильник Мохучахань функционировал до широкого распространения данной традиции.

На могильнике найдено значительное количество бронзовых изделий (258 экз.), в том числе: 87 ножей; копье; кинжал; 9 наконечников стрел; 3 палия; 6 удила; 8 распределителей; 11 зеркал с петелькой на обороте; около 40 бляшек; большое количество украшений, в том числе пронизок и своеобразных женских наборов, состоящих из крупных «заколов», планок с жемчужным орнаментом и крестовых бляшек, а также другие изделия. Получено также значительное количество предметов из рога (кости). Основная часть инвентаря происходит из раннего сектора 1, предварительно датируемого в рамках IX в. до н. э. Если эта дата верна, то сектор 1 в Мохучахань можно считать самым ранним и наиболее представительным погребальным комплексом ранних кочевников на востоке Евразии. Соответственно, любое обнаруженное там изделие представляет особый интерес уже в силу его относительной древности по сравнению с другими раннескифскими могильниками. Далее мы кратко остановимся на характеристике инвентаря из сектора 1.

В трех погребениях впервые за пределами Южной Сибири обнаружены фрагмент рогового палия и три бронзовых палия редкого аржанского типа (рис. 1, 4а) с бронзовыми удилами (рис. 1, 4б, 4в, 4г), соотносимых с самыми ранними уздечками кочевников. Из сектора 1 происходит наиболее крупная в Синьцзяне полностью опубликованная серия из 63 бронзовых ножей, которые могут быть подразделены на выгнутообушковые (рис. 2, А1–9), вогнутообушковые (рис. 2, А25–31), прямые и с отогнутым вверх концом лезвия (рис. 2, А10–24). В целом они существенно отличаются от ножей из Чаухугоу-1, 4, что в значительной степени обусловлено их большей древностью. Предварительно можно выделить следующие особенности указанных ножей от коллекции из Чаухугоу: 1) почти у всех ножей из Мохучахань выделена рукоять; 2) редко встречаются кольчатые навершия (всего четыре случая) (рис. 2, А28, 31); 3) значительная доля ножей с отогнутым вверх концом лезвия (в Чаухугоу отсутствуют) (рис. 2, А17–24); наличие двух ножей (дуговидного и с «аркой на кронштейне»), имеющих аналогии эпохи поздней бронзы и переходного времени в Казахстане, Южной Сибири и Монголии (в Чаухугоу ножи таких типов отсутствуют) (рис. 2, А8, 15).

Особый интерес представляют найденные в секторе 1 при женских костях 10 зеркал, а также украшения: 1) многочисленные бронзовые бляшки с петелькой на обороте (рис. 3, 13, 14) и разнообразные бронзовые бусы-пронизки (рис. 3, 15–19); 2) немногочисленные, но очень характерные и необычные наборы из крестовых нашивных бляшек (рис. 3, 20), планок, украшенных полушарными выступами-«жемчужинами» (рис. 3, 21) и «заколов» неясного назначения длиной от 26 до 39 см (рис. 3, 22–26), помещавшихся перед грудью умерших. Подобные наборы встречены впервые, но отдельные единичные детали в Синьцзяне известны.

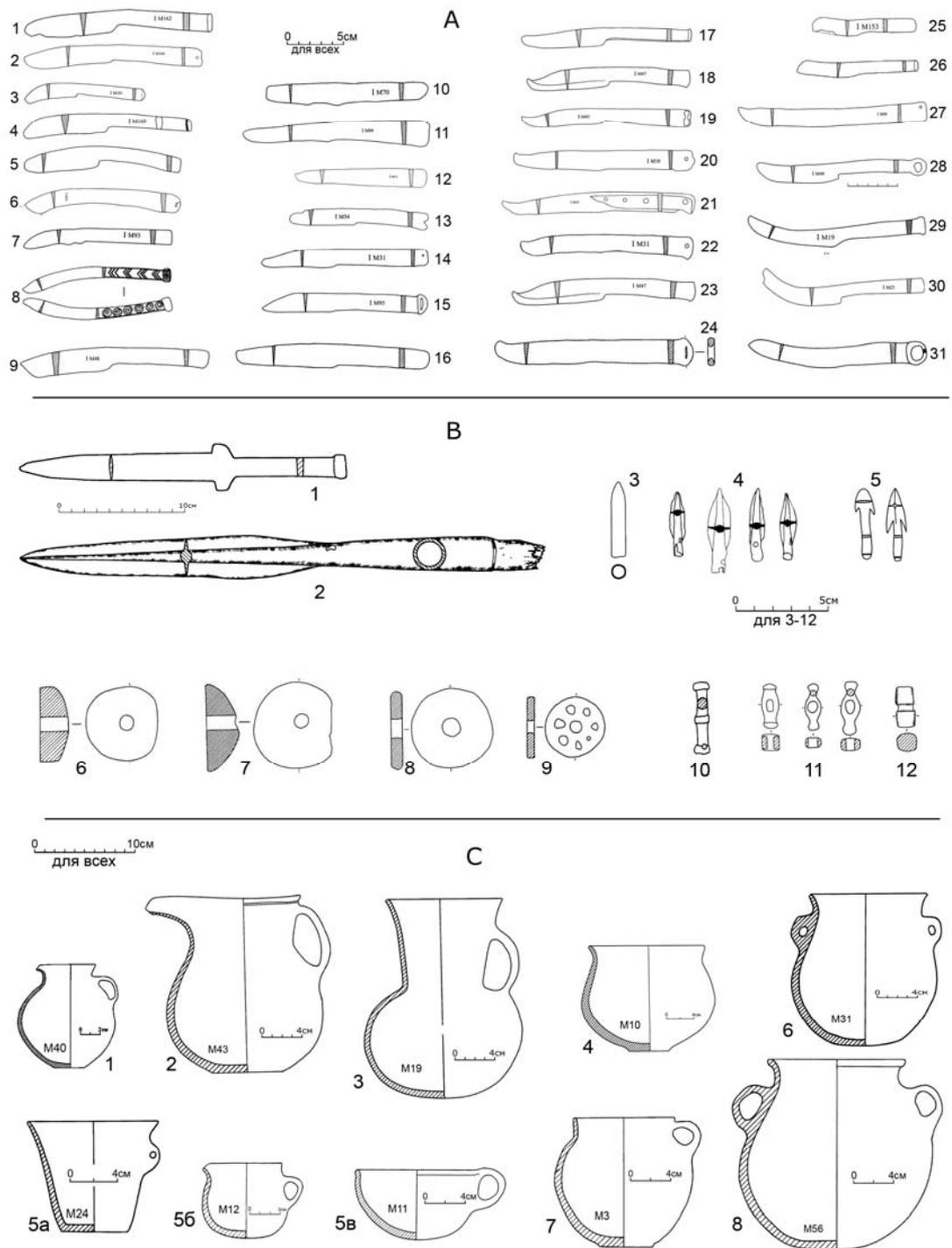

Рис. 2. Могильник Мохучахань, сектор 1. Инвентарь:

A – ножи; B – оружие (1–5), пряслица (6–9) и застёжки (10–12); C – основные формы керамических сосудов. Бронза – A1–A31, B1, B2, B4, B5, B9–B11; кость (рог) – B3, B6–B8, B12, керамика – C1–C8. Все изображения по: [Чжан Тенань и др., 2016, рис. 364]

Fig. 2. Mohuchahan burial ground, section 1. Inventory:

A – knives; B – arms inventory (1–5), distaff (6–9) and clips (10–12); C – basic forms of ceramic vessels. Bronze – A1–A31, B1, B2, B4, B5, B9–B11; bone (horn) – B3, B6–B8, B12, ceramics – C1–C8. All images by: [Zhang Tienan et al., 2016, fig. 364]

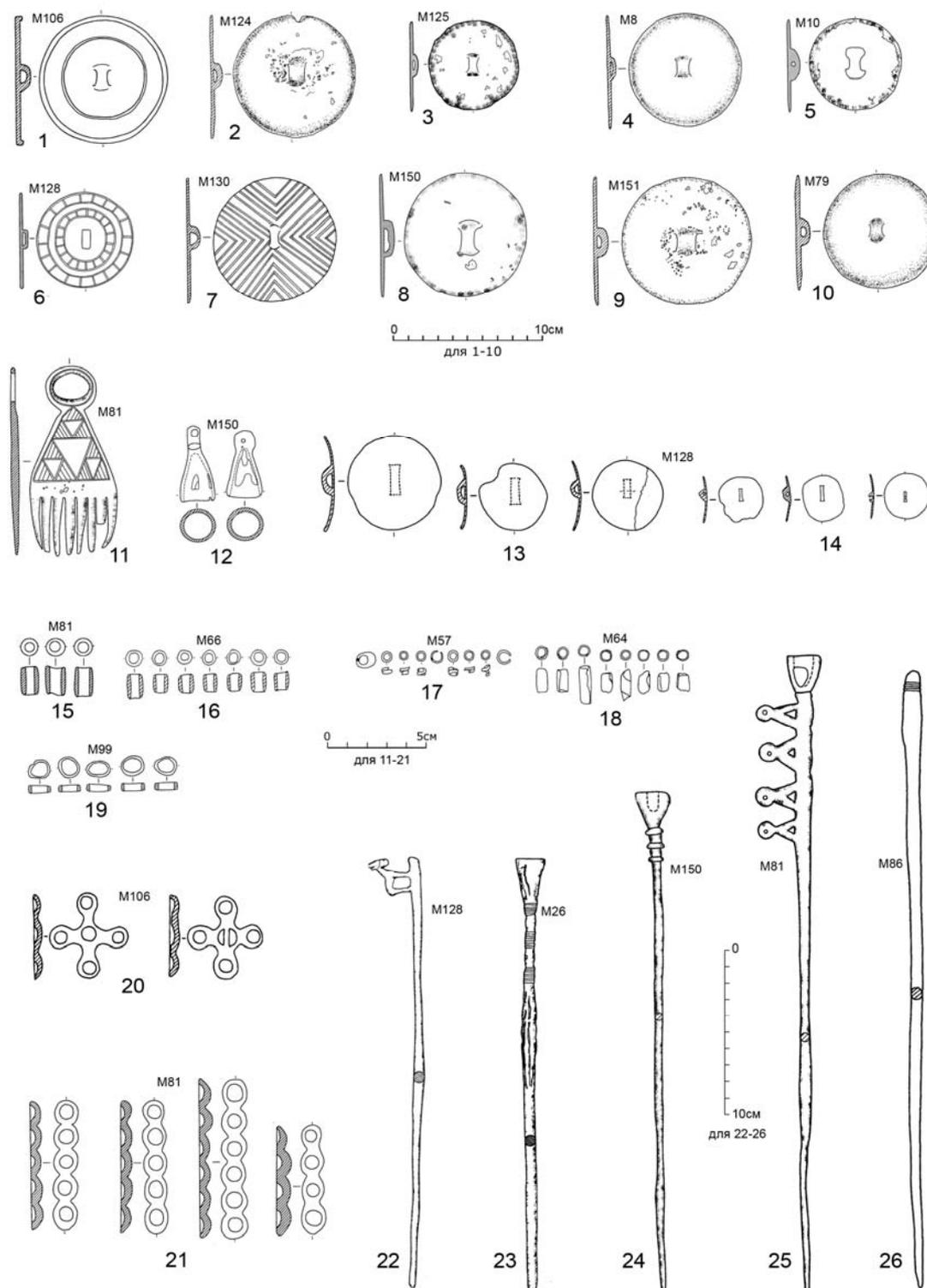

Рис. 3. Могильник Мохучахань, сектор 1. Инвентарь из бронзы:

1–10 – зеркала; 11 – гребень; 12 – колоколовидные подвески; 13, 14 – бляшки; 15–19 – бусы-пронизки; 20 – крестовые бляшки; 21 – планки с жемчужным орнаментом; 22–26 – «заколки». Все изображения по: [Чжан Тенань и др., 2016, С. 11–214]

Fig. 3. Mochuchan burial ground, section 1. Bronze equipment:

1–10 – mirrors; 11 – comb; 12 – bell-shaped pendant; 13, 14 – metal plate; 15–19 – threading beads; 20 – cross-tip metal plate; 21 – pearl-ornament strips; 22–26 – «clips». All images by: [Zhang Tienan et al., 2016, p. 11–214]

В настоящее время погребения в секторе 1 являются единственным столь ранним представительным комплексом в восточной части скифского мира, существенно дополняющим материалы Аржана-1, позволяющим по-новому взглянуть на процессы формирования раннескифской культуры. Большая часть образцов из погребений по С14 датируется около 1000 г. до н. э. [Чжан Тенань и др., 2016. С. 317], но более вероятно, что могильник функционировал в IX–VIII(VII) вв. до н. э. Китайские исследователи обоснованно полагают, что захоронения X(?)–IX вв. до н. э. в юго-восточном секторе 1 Мохучахань наиболее ранние в культуре Чауху. Совершенные позже захоронения в северо-западном секторе 2 синхронизируются ими с ранними могилами из могильников в Чаухугоу VIII в. до н. э. [Там же. С. 318, 321]. Судя по приведенной таблице, радиоуглеродные датировки захоронений в Мохучахань по дереву и костям ложатся в X–IX вв. до н. э. [Там же. С. 352–353], но явной разницы во времени между секторами по ним не видно. Очевидно, это следствие слишком широких допусков и несовершенства метода. Так или иначе, но столь ранняя дата подтверждается наличием в трех могилах четырех псалиев аржанского типа, встречающихся в Южной Сибири на памятниках IX–VIII вв. до н. э. (рис. 1, 4а). Верхний диапазон дат из погребений Мохучахань по С14, в целом, был принят К. В. Чугуновым, предположившим, что группа погребений в Мохучахань с указанными псалиями может быть более ранней, чем Аржан-1, т. е. относится к IX в. до н. э. [Чугунов, 2018. С. 274]. На более раннюю дату, по мнению автора, указывает и отсутствие там звериного стиля [Чугунов, 2017. С. 492]. Однако необходимо отметить, что в соседствующей с северо-востока культуре Субэйси на раннем этапе могильника Янхай-2 практически весь замечательный звериный стиль представлен изображениями только на сохранившихся деревянных ведрах и блюдах [Шульга, 2010, рис. 39, 41, 43, 45, 46, 49]. Если бы в Янхэе-2 изделия из дерева не сохранились (как в Мохучахань), то и там бы звериный стиль фактически отсутствовал.

Следует обратить внимание на наличие в инвентаре сектора 1 «поздних» изделий. Так, в могиле М54 (рис. 1, 4) вместе с псалием аржанского типа были найдены бронзовые уздечные распределители с цельным верхним щитком (рис. 1, 4д). Аналогии им известны в значительном количестве в памятниках VII в. до н. э. Казахстана и Южной Сибири. В Аржане-1 и в других комплексах с подобными псалиями какие-либо распределители отсутствуют. Между тем, на юге Восточной Европы эти детали бытовали в IX–VIII вв. до н. э. [Махортых, 2017. С. 173]. Обнаружение в Мохучахань распределителей «классической» формы с псалиями аржанского типа пока не находит обоснованного объяснения. Довольно поздними выглядят фрагмент рогового псалия из могилы М32 (сектор 1) с окончанием, похожим на клювовидное (рис. 1, 7) [Чжан Тенань и др., 2016. Табл. 24, 3], а также бронзовое пряслице («колесико-амулет») в М12 (рис. 2, В9). Все известные к настоящему времени документированные подобные пряслица происходят из более поздних комплексов.

В завершение краткого обзора обратим внимание на уже отмечавшееся (Чугунов, 2017. С. 494) сходство погребального обряда в секторе 1 в Мохучахань с обрядом в кольцах могильника Курту-2 в Горном Алтае (Восточный Казахстан) [Сорокин, 1966. С. 43–45]. Исследованные в Курту-2 пять объектов представляли собой ограды диаметром до 4 м, в рамках которых располагались овальные могильные ямы глубиной 0,5–0,6 м. Стенки их обкладывались крупными гальками. На дне двух могил зафиксированы костяки умерших, уложенных на левый бок с подогнутыми ногами, головой в северо-западный сектор (рис. 1, 5, б). Инвентарь отсутствовал. В кольце 3 имелось обложенное гальками подхоронение лошади, примыкавшее к могиле человека с юго-востока (рис. 1, б). У морды лошади находились характерные псалии аржанского типа (рис. 1, ба). В последние десятилетия захоронение в кольце 3 считается самым ранним погребением бийкенской культуры Горного Алтая. Действительно, в более поздних бийкенских захоронениях прослеживаются все основные черты погребальной обрядности, зафиксированные в кольце 3 из Курту-2: наличие внешнего кольца; захоронение умершего в мелкой яме или у поверхности в каменной конструкции; положение человека на боку с подогнутыми ногами, головой в северо-западный сектор; наличие примыкающего с юго-востока подхоронения туши лошади или черепа со шкурой. Относи-

тельно истоков этого обряда и собственно бийкенской культуры существует ряд предположений общего порядка [Тишкин, 2011. С. 288]. В частности, в свое время А. А. Тишкин обратил внимание на тогда еще почти не изученные прилегающие к Горному Алтаю районы Монголии и Синьцзяна, откуда могли прийти племена скотоводов, заложивших основу культуры [Кирюшин, Тишкин, 1997. С. 111; Тишкин, 2011. С. 288]. Вероятность подобной миграции в ряде работ обосновывал А. Д. Таиров [Таиров, 2017. С. 40–56]. Материалы Мохучахань позволяют с большой долей уверенности полагать, что схема погребального обряда бийкенской культуры могла сформироваться в X–IX вв. до н. э. в Притяньшанье. Она характеризуется следующими основными чертами: наличие округлой (овальной) оградой из камней в один ряд без насыпи; мелкая овальная в плане могила с выложенной из галек погребальной камерой; положение умершего на боку с подогнутыми ногами, головой в северный сектор; различные варианты подхоронения черепов (со шкурами?) лошади и уздечкой, в том числе с юго-востока от могилы человека. Особое значение имеет наличие в Курту-2 и в Мохучахань специфических псалиев аржанского типа. Это не только важный хронологический маркер, но и показатель вовлеченности Притяньшанья в культурную общность преимущественно европеоидного населения Казахстана и Южной Сибири, существовавшую не только в VIII–VII до н. э., но и в IX в. до н. э. – во время становления скифской культуры.

Список литературы / References

- Комиссаров С. А.** Культура Чауху – центральная культура скифской эпохи на территории Синьцзяна (КНР) // «Terra Scythica»: Материалы междунар. симп. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 121–129.
Komissarov S. A. Kul'tura Chauhu – tsentral'naia kul'tura skifskoi epokhi na territorii Sin'tszyana (KNR) [Chawuhu culture – the central culture of Scythian age in Xinjiang area]. «Terra Scythica»: Mat-ly mezhduнар. simpoziuma ["Terra Scythica": Proceedings of the intl. symposium], Novosibirsk, IAET SB RAS Press, 2011, p. 121–129. (in Russ.)
- Махортых С. В.** Пронизи для перекрестных ремней конской упряжи на юге Восточной Европы в VII–VI вв. до н. э. // Археологія і давня історія України. Київ, 2017. Вип. 2: Старожитності раннього залізного віку. С. 166–184.
Makhortykh S. V. Pronizi dlia perekrestnykh remnei konskoi upriazhi na iuge Vostochnoi Evropy v VII–VI vv. do n. e. [Tubural beads for crossing belts of Eastern Europe horse harness in VII–VI centuries BC]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini* [Archaeology and the ancient history of Ukraine], 2017, Issue 2: Starozhitnosti rann'ogo zaliznogo viku [The antiquities of the early Iron Age], p. 166–184. (in Russ.)
- Сорокин С. С.** Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л.; М.: Сов. художник, 1966. Вып. 8. С. 39–60.
Sorokin S. S. Pamyatniki rannikh kochevnikov v verkhov'yakh Bukhtarmy [Monuments of early nomads in the upper Buhtarma]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [The State Hermitage Museum archaeological papers], 1966, issue 8, p. 39–60. (in Russ.)
- Таиров А. Д.** Ранние кочевники Жайык-Иртышского междуречья в VIII–VI вв. до н. э. Астана: Казахский научно-исследовательский ин-т культуры, 2017. 392 с.
Tairov A. D. Rannie kochevniki Zhaiyk-Irtyshskogo mezhdurech'ya v VIII–VI vv. do n. e. [Early nomads of Zhaiyk-Irtysh interflaves in the VIII–VI centuries BC], Astana, Kazakh Scientific Research Institute of Culture, 2017, 392 p. (in Russ.)
- Тишкин А. А.** Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации // «Terra Scythica»: Материалы междунар. симп. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 272–290.
Tishkin A. A. Biikenskaya kul'tura Altaya arzhano-maiemirskogo vremeni: sodержanie i opyt periodizatsii [Altai Biike culture at Arzano-Mayemir time: content and experience of periodization]. «Terra Scythica»: Materialy mezhduнародnogo simpoziuma ["Terra Scythica": Proceedings of the intl. symposium]. Novosibirsk, IAET SB RAS Press, 2011, p. 272–290. (in Russ.)
- Худяков Ю. С., Комиссаров С. А.** Кочевые цивилизации Восточного Туркестана: Учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 2002. 156 с.
Khudiakov Yu. S., Komissatov S. A. Kochevye tsivilizatsii Vostochnogo Turkestana: Uchebnoe posobie [Nomadic Civilizations of Eastern Turkestan: Teaching Medium], Novosibirsk: NSU, 2002, 156 p. (in Russ.)

Чугунов К. В. Проблемы датирования азиатских материалов эпохи ранних кочевников и вопросы их синхронизации с древностями Восточной Европы // Археология і давня історія України. Київ, 2017. Вип. 2: Старожитності раннього залізного віку. С. 484–499.

Chugunov K. V. Problemy datirovaniia aziatskikh materialov epokhi rannikh kochevnikov i voprosy ikh sinkhronizatsii s drevnostiami Vostochnoi Evropy [The problems of Asian materials dating from the early nomads era and problem of their synchronization with the antiquities of Eastern Europe]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini*. [Archaeology and the ancient history of Ukraine], 2017, Issue 2: Starozhitnosti rann'ogo zaliznogo viku [The antiquities of the early Iron Age], p. 484–499. (in Russ.)

Чугунов К. В. Трансконтинентальные связи Европы и Азии в предскифское время: старые проблемы и новые данные // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье: XXX Крупновские чтения. Карачаевск: Изд-во Карачаево-Черкесского гос. ун-та им. У. Д. Алиева, 2018. С. 272–275.

Chugunov K. V. Transkontinental'nye sviazi Evropy i Azii v predskifskoe vremia: starye problemy i novye dannye [Transcontinental links of Europe and Asia in pre-Scythian times: old problems and new data]. *Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazei Evrazii v drevnosti i srednevekov'e: XXX Krupnovskie chteniia* [The Caucasus in the system of cultural links of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages: XXX Proceedings in honour of Krupnov]. Karachaevsk: Karachaev-Cherkessk State Univ. Press, 2018, p. 272–275. (in Russ.)

Шульга П. И. Синьцзян в VIII–III вв. до н. э.: Погребальные комплексы: Хронология и периодизация. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. 238 с.

Shulga P. I. Sin'tszyan v VIII–III vv. do n. e.: Pogrebal'nye komplekсы: Khronologiya i periodizatsiya [Xinjiang in VIII–III centuries BC.: Burial complexes: Chronology and periodization]. Barnaul: AltSTU Publ., 2010, 238 p. (in Russ.)

Синьцзян чауху: дасин шизцу муди фацзюэ баогао [新疆察吾呼：大型氏族墓地发掘报告]. Чауху в Синьцзяне – отчет о раскопках больших родовых могильников. Пекин: Дунфан чубаньшэ, 1999. 416 с. (на кит. яз.)

Xinjiang chawuhu: daxing shizu mudi fajue baogao [新疆察吾呼：大型氏族墓地发掘报告], Xinjiang Chawuhu: large-scale clan cemeteries excavation report, Beijing, Dongfang Press, 1999, 416 p. (in Chin.)

Хань Цзянье. Синьцзяндэ цинтун шидай хэ цаотеци шидай вэньхуа [韩建业。新疆的青铜时代和早铁器时代文化]. Культуры Синьцзяна бронзового и раннего железного века. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2007. 128 с. (на кит. яз.)

Han Jianye. Xinjiangde qingtong shidai he zaotieqi shidai wenhua [韩建业。新疆的青铜时代和早铁器时代文化], Bronze and Early Iron Ages' Cultures in Xinjiang. Beijing: Wenwu chubanshe, 2007, 128 p. (in Chin.)

Хань Цзянье. Гунъюаньянь эрцянъци чжунхоу'е ячжоу чжунбу дицюйдэ юаньди таогуань [韩建业。公元前2千纪中后叶亚洲中部地区的圜底陶罐]. Круглодонная керамическая посуда в Центральной Азии второй половины II тыс. до н. э. // Каогу, 2017. № 9. С. 82–93. (на кит. яз.)

Han Jianye. Gongyuanqian erqianji zhonghouye yazhou zhongbu diqude yuandi taoguan [韩建业。公元前2千纪中后叶亚洲中部地区的圜底陶罐], Round-bottom pots of Middle Asia of the second half of 2nd millennium BC. // Kaogu, 2017, no. 9, p. 82–93. (in Chin.)

Чжан Тенань, Алифуцзян Нияз, Тань Нинчжи. Синьцзян Мохучахань муди [张铁男、阿里甫江·尼亚孜、谈宁执。新疆莫呼查汗墓地]. Могильник Мохучахань в Синьцзяне. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2016. 410 с. (на кит. яз.)

Zhang Tienan, Alifujiang Niyazi, Tan Ningzhi. Xinjiang Mohuchahan mudi [张铁男、阿里甫江·尼亚孜、谈宁执。新疆莫呼查汗墓地]. Xinjiang Mohuchahan cemetery. Beijing, Kexue chubanshe, 2016, 410 p. (in Chin.)

Чжан Цюаньчао, Ван Минхуй, Цзинь Хайянь, Чжу Хун. Синьцзян хэцзинсянь чаухуоукоу сыхао муди чуту жэньгу хуасюэ юаньсудэ ханьян фэньси [张全超、王明辉、金海燕、朱泓。新疆和静县察吾呼沟口四号墓地出土人骨化学元素的含量分析/人类学报]. Анализ содержания химических элементов в человеческих костях из могильника Чауху-4 (уезд Хэцзин, Синьцзян) // Жэньлэй сюэбао. 2005. № 4. С. 328–333. (на кит. яз.)

Zhang Quanchao, Wang Minghui, Jin Haiyan, Zhu Hong. Xinjiang Hejingxian Chawuhugoukou sihao mudi chutu rengu huaxue yuansude hanliang fenxi [张全超、王明辉、金海燕、朱泓。新疆和静县察吾呼沟口四号墓地出土人骨化学元素的含量分析], Analysis of Chemical Elements of Human Bone in Bronze Age from Cemetery No. 4 of Chawuhugoukou, Xinjiang // Renlei xuebao [Acta Anthropologica Sinica], 2005, no. 4, p. 328–333 (in Chin.)

- Шао Хуйцю.** Синьцзян субэйси вэньхуа яньцзю [邵会秋。新疆苏贝希文化研究 // 边疆考古研究]. Исследование культуры Субэйси в Синьцзяне // Бяньцзян каогу яньцзю, 2013. Вып. 12. С. 193–220. (на кит. яз.)
Shao Huiqu. Xinjiang subeixi wenhua yanjiu [邵会秋。新疆苏贝希文化研究], Xinjiang Subeixi Culture Research // Bianjiang kaogu yanjiu, 2013, issue 12, p. 193–220. (in Chin.)
- Шао Хуйцю.** Синьцзян цзагуньлукэ вэньхуа чулунь [邵会秋。新疆扎滚鲁克文化初论]. Предварительное обсуждение материалов культуры Цзагуньлукэ в Синьцзяне // Бяньцзян каогу яньцзю, 2008. Вып. 7. С. 170–182. (на кит. яз.)
Shao Huiqu. Xinjiang Zagunluke wenhua chulun [邵会秋。新疆扎滚鲁克文化初论], Initially discussion on the Zagunluke culture in Xinjiang. // Bianjiang kaogu yanjiu, 2009, issue 4, p. 78–91. (in Chin.)

Материал поступил в редколлегию

Received

30.01.2019

Сведения об авторах / Information about the Authors

Шульга Петр Иванович, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)

Petr I. Shulga, senior scientist researcher, Candidate of Science (History), Institute of Archaeology and Ethnography of SD RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

shulgapi55@yandex.ru

Шульга Даниил Петрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных основ государственной службы факультета политики и международных отношений, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС (ул. Нижегородская, 6, Новосибирск, 630102, Россия)

Danil P. Shulga, Candidate of Science (History), senior lecturer, Chair of Humanitarian Foundations of Public Service of the Faculty of Politics and International Relations, Siberian institute of Management – the branch of RANEPa (6 Nizhegorodskaya Str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation)

alkaddafa@gmail.com

Хаснулина Карина Артуровна, аспирант, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (Красный проспект, 38, Новосибирск, 630099, Россия)

Karina A. Hasnulina, post-graduate student, Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (38 Krasnyi Ave., Novosibirsk, 630099, Russian Federation)

searchorient@gmail.com

УДК 903.59
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-30-50

Обзор погребальных памятников сяньбийского времени на территории Внутренней Монголии

А. В. Варенов

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В проблеме археологического изучения перехода от эпохи поздней Древности к раннему Средневековью в Северном Китае сяньбийская (сяньбэйская) тематика занимает одно из ключевых мест. Данная статья посвящена обзору всех погребальных памятников сяньбийского времени из Внутренней Монголии. Автор, обратившись к первичным китайским и японским публикациям материала, сообщает о времени и обстоятельствах обнаружения каждого из памятников, количестве исследованных на нем захоронений, описывает их надмогильные и внутримогильные конструкции, погребальный обряд и сопроводительный инвентарь. Вся территорию Внутренней Монголии можно разделить на три части: северную, восточную, южную. Северная часть насчитывает восемь памятников. Важнейшие из них – Чжалайнор, Ваньгун, Лабудалинь, Туаньцзе. Восточная часть насчитывает шесть памятников. Важнейшие из них Бэйманиту, Люцзяцзы, Наньянцзяинцзы. Южная часть насчитывает 29 памятников. Важнейшие из них – Саньдаовань, Дундацзин и Циланшань. «Сяньбийские» памятники из трех частей Внутренней Монголии не сходны между собой, что можно объяснить как их территориально-хронологической эволюцией, так и этноплеменными различиями их создателей.

Ключевые слова

Китай, археология, Внутренняя Монголия, сяньби (сяньбэй), погребальные памятники, переходный период от поздней Древности к раннему Средневековью

Для цитирования

Варенов А. В. Обзор погребальных памятников сяньбийского времени на территории Внутренней Монголии // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 4: Востоковедение. С. 30–50. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-30-50

A Review of Burial Sites of the Xianbei Period in Inner Mongolia

A. V. Varenov

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Among archaeological research of the transitional period from late Antiquity to the Early Middle Ages in North China, Xianbei studies hold one of the key positions. This paper is devoted to the review of all Xianbei period burial sites from Inner Mongolia. Based on the primary Chinese and Japanese publications of the material discussed, the author examines the time and circumstances of the investigation of each site, the number of unearthened burials, describes burial constructions, burial rites and grave goods. The entire territory of Inner Mongolia can be divided into three parts: Northern, Eastern and Southern. The Northern part includes the territory of the Hulubuir Prefecture-level City (previously – League) and contains eight burial sites. The most important of these are Zhalaioer, Wangong, Labudalin and Tuanjie. The Eastern part of includes the territory of the Hinggan League with the administrative center in Ulanhot city, Tongliao Prefecture-level City (previously – Zhelimu League) and Chifeng Prefecture-level City (previously – Zhaowuda League) and contains six burial sites. The most important of them are Beimanitu, Liujiazi and Nanyangjiayingzi. The Southern part includes the territory of the Xilingol League with the administrative center in Xilinhot city, Ulanqab Prefecture-level City (previously – League), Hohhot Prefecture-level City, Baotou Prefecture-level City and Ordos Prefecture-level City (previously – Yikezhao League) and contains 29 burial sites. The most

© А. В. Варенов, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 4: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 4: Oriental Studies

important of them are Sandaowan, Dongdajing and Qilangshan. It is noteworthy to mention that “Xianbei” burial sites from the three parts of Inner Mongolia differ greatly from each other which may be explained either by their evolution spreading in time and space or by the ethno-tribal diversity of their masters.

Keywords

China, archaeology, Inner Mongolia, Xianbei, burial sites, transitional period from late Antiquity to the Early Middle Ages

For citation

Varenov A. V. A Review of Burial Sites of the Xianbei Period in Inner Mongolia. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 4: Oriental Studies, p. 30–50. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-30-50

Введение

В проблеме археологического изучения перехода от эпохи поздней Древности к раннему Средневековью в Северном Китае сяньбийская (сяньбэйская) тематика занимает одно из ключевых мест. До определенного момента главное внимание в китайской, как и в отечественной историографии уделялось этнической истории племен сяньби (сяньбэй), написанной с опорой на письменные источники, а немногочисленные еще тогда археологические памятники привлекались для иллюстрации тех или иных ее эпизодов [Юй Сухуа, 2006. С. 13–14]. Археология вышла на первый план (и то лишь у некоторых исследователей) только с конца 1970-х гг. Прорывной здесь стала статья Су Бая, который разделил практически все известные ему могильники сяньбийского времени на мужунские и тобаские [Су Бай, 1977]. Однако и у него, и у большинства китайских ученых этническая атрибуция того или иного памятника или группы памятников оставались основным смыслом и итогом исследования [См.: Юй Сухуа, 2006. С. 15–20].

Для отечественной науки ситуация усугублялась незнакомством подавляющего большинства специалистов с китайским археологическим материалом. Например, уже упомянутая статья Юй Сухуа зачастую ограничивается простым перечислением памятников, не давая их характеристики [Там же. С. 15]. Хотя бы отчасти восполнить этот пробел и призвана данная работа, посвященная обзору всех погребальных памятников сяньбийского времени из Внутренней Монголии, известных в Китае на середину 2000-х годов. Предполагается, обратившись к первичным китайским и японским публикациям материала, кратко рассказать о времени и обстоятельствах обнаружения каждого из памятников, количестве исследованных на нем захоронений, охарактеризовать их надмогильные и внутримогильные конструкции, погребальный обряд и сопроводительный инвентарь.

В соответствии со степенью распространенности и особенностями встреченных там погребальных памятников сяньбийского времени всю территорию Внутренней Монголии можно условно разделить на четыре части: северную, восточную, южную и западную (рис. 1). В западной части, включающей аймак Алашань и городской округ Баян-Нур (Баяннаоэр), погребальных памятников сяньбийского времени пока не обнаружено. Впрочем, археологических исследований в том районе вообще проводилось очень немного.

Погребальные памятники северной части

Северная часть Внутренней Монголии охватывает территорию городского округа (ранее – аймака) Хулун-Буир (Хулуньбэйэр) и насчитывает восемь памятников: Чжалайнор, Ваньгун, Лабудалинь, Цица (Цика), Ихэула, Туаньцзе, Иминьчэжэнь, Мэнгэньчулу (рис. 2).

1. Могильник Чжалайнор. Расположен на восточном берегу р. Мутная (ее местное китайское название, ставшее с 70-х гг. XX в. официальным, – р. Цюаньхэ, т. е., «Извилистая») близ г. Маньчжурия, в районе городского подчинения Чжалайнор (рис. 2, 1). В 1959 г. в ходе разведки выявлено до 300 погребений и расчищено два из них, разрушаемых береговым обрывом. Летом 1960 г. исследована еще 31 могила. Погребения совершены в деревянных гробах, помещенных в грунтовые ямы, умершие лежали в вытянутом положении на спине, головами на север. Сопроводительный инвентарь, добытый в течение двух сезонов, включал 49 кера-

мических сосудов, железное оружие, бронзовый котел на поддоне, накладки на пояс, зеркала и другие бронзовые украшения, костяные, роговые и нефритовые изделия [Чжэн Лун, 1961a. С. 16–19; 1961b. С. 673–680].

В дальнейшем могильник продолжал разрушаться не только рекой, но и близлежащим кирпичным заводом. В 1982 г. местные жители подобрали две витых серьги из золотой проволоки и золотую поясную пластинку с изображением трех оленей, а в 1984 г. сообщили об обнаружении пяти погребений, доследованных в июле того же года археологами. Находки, помимо шести керамических сосудов, включали костяные и железные с костяными свистунками наконечники стрел, каменные накладки на пояс [Ван Чэн, 1987. С. 19–22].

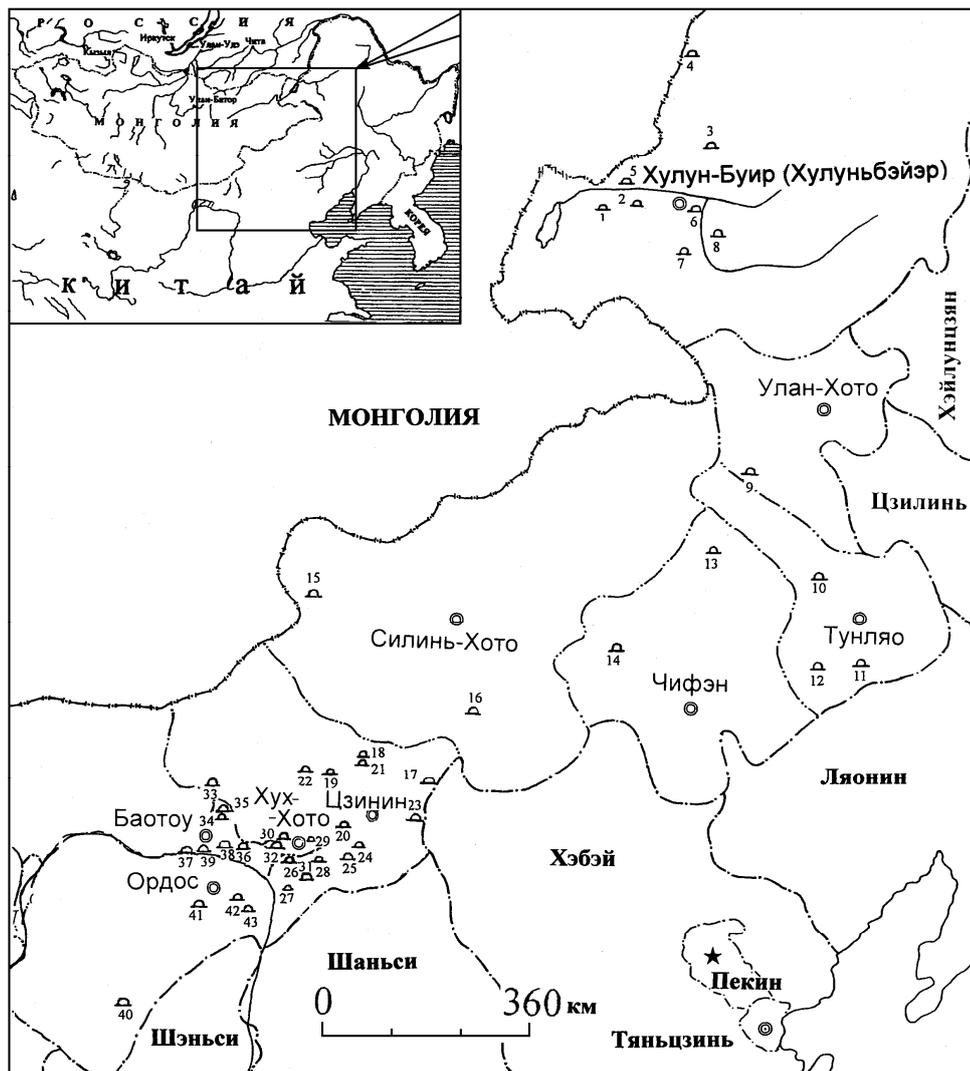

Рис. 1. Карта распространения погребальных памятников сяньбийского времени во Внутренней Монголии (по: [Вэй Цзянь, 2004. С. 213])

Fig. 1. Map of distribution of burial sites of Xianbei period in Inner Mongolia (after: [Wei Jian, 2004. P. 213])

Рис. 2. Карта распространения погребальных памятников сяньбийского времени в северной части Внутренней Монголии (по: [Вэй Цзянь, 2004. С. 213])

Fig. 2. Map of distribution of burial sites of Xianbei period in the Northern part of Inner Mongolia (after: [Wei Jian, 2004. P. 213])

В июне 1986 г. карьер кирпичного завода вскрыл большое количество могил, оперативно исследованных археологами. В пределах карьера они изучили 11 погребений, и еще четыре – в речном обрыве. Могилам дана новая система нумерации, поскольку, по мнению китайских ученых, раскопки 1986 г. располагались в нескольких сотнях метров от места предыдущих исследований. В этот раз выявлены не только гробы, но и укрывающие их деревянные саркофаги, а также случаи применения берестяного покрова (чехла). В составе сопроводительного инвентаря, помимо 14 керамических сосудов, есть бронзовый котел на поддоне, витые серьги из бронзовой проволоки и бронзовая поясная пластинка с тремя оленями (аналогичные ранее найденным золотым), каменные накладки на пояс и бусины, костяные наконечники стрел и роговые накладки на лук) [Го Чжичжун, 1994. С. 369–383].

В июне 1994 г. в процессе работ, проводившихся кирпичным заводом за пределами охранной зоны могильника, разрушено шесть древних погребений, три из которых археологам удалось исследовать. Умершие лежали в деревянных гробах в вытянутом положении на спине, головами на север или северо-запад. Сопроводительный инвентарь – один керамический сосуд, изделия из бересты, железные наконечники стрел, костяная подпружная пряжка с T-образным вырезом, роговые накладки на лук – размещался в головах погребенных [Чэнь Фэншань, Бай Цзинсун, 1994. С. 27–30].

2. Могильник Ваньгун. Находится в хошуне Чэнь-Барга (Чэньбаэрхуци) (рис. 2, 2). Осенью 1961 г. в Ваньгун открыто две могилы в грунтовых ямах длиной 2,5 и шириной 1,9 м, с ориентацией длинной осью по линии север-юг. Внутри находились деревянные камеры, заполненные человеческими костяками, лежащими рядами на спине с вытянутыми конечностями (всего в двух могилах захоронено свыше 20 человек). На перекрытии погребальных камер располагались четыре черепа крупного рогатого скота. Сопроводительный инвентарь –

пять керамических сосудов, костяные наконечники стрел, роговые накладки на лук, бусины, бронзовая серьга – помещен в головах умерших [Пань Синжун, 1962. С. 590–591].

В сентябре 1963 г. в сомоне Ваньгун открыты четыре погребения (реально – три, но двухъярусное первое погребение китайские археологи считают за два отдельных – 1А и 1В). Погребения 2 и 3 сильно разрушены, в каждом было по несколько костяков. Устье могильной ямы погребения 1 размерами 2,65 на 2,6 м в плане близко к квадрату, ориентированному углами по странам света. На глубине 1,1 м устроены широкие заплечики, ниже которых могильная яма прямоугольная в плане, размерами 2,15 на 1,2 м и глубиной 1,6 м, в ней прослежены остатки деревянной погребальной камеры. На уровне заплечиков могила перекрыта деревянными плахами длиной 2,6 м, шириной 20–25 и толщиной 7 см, укутанными сверху полотнищами бересты длиной 70–80 и шириной 50 см каждое. Поверх бересты размещены костяки четырех детей моложе 10 лет, два лошадиных черепа и четыре черепа крупного рогатого скота, сопроводительный инвентарь в виде керамических, каменных, костяных, бронзовых и железных изделий. В нижней погребальной камере захоронены останки 26 человек (по предварительным определениям, 14 мужчин, 11 женщин и одного ребенка), черепа 10 лошадей, восьми быков и трех собак. Сопроводительный инвентарь включал 18 керамических сосудов (в том числе, три – выше берестяного покрытия), 26 костяных наконечников стрел, многочисленные роговые накладки на лук, 22 бронзовых украшения (ложечковидные привески, прорезные колокольчики, пряжки со шпеньком и т. п.), 20 железных изделий (наконечники стрел, ножи, кольца, пряжки), золотое украшение, серебряную серьгу, бусины из камня и раковин, фрагменты лакового изделия. Двадцать три ретушированных каменных наконечника стрел в основном встречены в разрушенных погребениях 2 и 3 [Ли Цзочжи, 1965. С. 273–283].

3. Могильник Лабудалинь. Располагается в городском уезде Аргунь (ранее – хошуне Аргунь-Юци / Эргунаюци) (рис. 2, 3). Начиная с 1984 г. в Лабудалинь в карьере местного кирпичного завода постоянно находили черепа лошадей, крупного рогатого скота и кости людей. Летом 1987 г. об этом узнали археологи, 7 августа они провели в Лабудалинь разведку и охранные раскопки, а 9 сентября – повторное обследование и спасательные работы. В стенке карьера выявлены следы семи разрушенных погребений, из которых частично сохранилось лишь одно (уцелели кости ног умершего). В ходе спасательных работ раскопаны еще два погребения. Покойные лежали в прямоугольных грунтовых ямах, на спине, головами на север, в одном случае – в деревянном гробу. На перекрытии гроба или рядом с умершим положены черепа крупного рогатого скота. Сопроводительный инвентарь – два керамических сосуда, сосуды из бересты и их детали (круглые доньшки), костяные наконечники стрел, застежки, роговые накладки на лук, корродированные остатки железных наконечников стрел, копий, пряжек и удил, золотая серьга, каменные бусины – захоронен в головах погребенных [Чжао Юэ, 1990. С. 890–893, 928].

В июле 1992 г. исследовано 24 могилы. Умершие лежали в деревянных гробах в вытянутом положении на спине, головами на север или северо-восток. Помимо гробов, по заплечикам могил выявлено дополнительное перекрытие из поперечных деревянных планок. Сопроводительный инвентарь – 13 керамических сосудов, 30 изделий из бересты, бронзовые украшения (в том числе пять монет эпохи Ван Мана и обломки зеркал), три золотых серьги, от трех до шести железных наконечников стрел с костяными свистунками, 24 костяных наконечника стрел, 28 роговых накладок на лук, семь ретушированных каменных наконечников стрел, каменные бусины – размещался в головах погребенных [Ван Чэн, Та Ла, Чжан Чунь, 1994. С. 384–396].

4. Могильник Циця (Цика). Расположен в городском уезде Аргунь (рис. 2, 4). В 1988 г. после сообщения «широких масс производственной бригады Циця» о находке в процессе сельхозработ человеческих черепов и фрагментов керамики, археологи доследовали два разрушенных погребения. Четвертого августа 1990 г., в результате повторной разведки, они провели охранные раскопки еще трех разрушенных погребений. Умершие похоронены в прямоугольных грунтовых ямах в вытянутом положении на спине, головами на запад. Рас-

полагавшийся в головах сопроводительный инвентарь включал два керамических сосуда, костяные и железные с костяными свистунками наконечники стрел, железные удила, нож, застежку ремня, бронзовую серьгу [Чжао Юймин, 1997. С. 457–460].

5. Могильник Ихэула. Находится в хошуне Шинэ-Барга-Цзоци (Синьбаэрхуцзоци) (рис. 2, 5). 18 июня 1996 г. археологами исследовано два случайно открытых двумя днями ранее погребения. Умершие лежали в прямоугольных грунтовых ямах вытянуто на спине, головами на северо-запад. Сопроводительный инвентарь – четыре керамических сосуда, железные удила и нож, золотое украшение – располагался в головах погребенных [Сяо Хайсинь, 1997. С. 453–456].

6. Могильник Туаньцзе. Расположен в районе городского подчинения Хайлар (Хайлар) (рис. 2, 6). Разрушаемый песчаным карьером памятник насчитывал семь погребений, все раскопаны в 2001 г. Умершие похоронены в прямоугольных грунтовых ямах в вытянутом положении на спине, головами на северо-запад. В трех случаях в головах у них помещены черепа крупного рогатого скота. Сопроводительный инвентарь – пять керамических сосудов, остатки сильно корродированных железных изделий, бронзовая серьга с бусинами – также располагался в головах погребенных. На разрушенных участках могильника собрано еще пять керамических сосудов [Чэнь Фэншань и др., 2004. С. 3–15]. Материалы памятника полностью изданы и проанализированы в отечественной публикации [Варенов и др., 2006. С. 298–303].

7. Могильник Иминьчэжэнь (Автовокзал Иминь). Находится на левом берегу реки Иминьхэ в Эвенкийском автономном хошуне (рис. 2, 7). В 1979 г. исследовано четыре могилы. Умершие лежали в вытянутом положении на спине, головами на север (в одном случае на северо-восток), в головах у них помещались черепа лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, собак. Сопроводительный инвентарь – один керамический сосуд, бронзовые «костыльки», несколько бронзовых и две серебряных застежки, 12 костяных наконечников стрел [Чэнь Даохун, 1982. С. 20–21].

8. Могильник Мэнгэньчулу. Располагается на правом берегу реки Иминьхэ в Эвенкийском автономном хошуне (рис. 2, 8). В 1980 г. раскопано семь погребений, одно – хорошей сохранности, остальные шесть, расположенные в 20 с лишним километрах от него, повреждены водной эрозией. Умершие похоронены в вытянутом положении на спине, головами на северо-запад, нередко с черепами лошадей и / или крупного рогатого скота на особой земляной приступке в головах. В ряде случаев удалось проследить остатки гробов. Сопроводительный инвентарь включал 9 керамических сосудов, железное оружие (105 панцирных пластин из погребения М1 и две из погребения М7), 30 железных наконечников стрел разных типов (в том числе пять с костяными свистунками), три ножа, один наконечник копья, удила, 11 костяных наконечников стрел, шесть золотых украшений (в том числе четыре серьги) [Там же. С. 18–23].

Погребальные памятники восточной части

Восточная часть Внутренней Монголии охватывает территорию аймака Хинган (Синьянь) с административным центром в городе Улан-Хото (Уланьхаотэ), городского округа Тунляо (ранее – аймака Джирим / Чжэлиму) и городского округа Чифэн (Улан-Хад) (ранее – аймака Джун-Уд / Чжаоуда) и насчитывает шесть памятников: Бэйманиту, Люцзяцзы, Шигэнь, Синьшэньтун, Наньянцзяинцзы, Сусытай (рис. 3).

1 (9). Могильник Бэйманиту. Находится в хошуне Хорчин-Юичжунци (Кээрциньюичжунци) аймака Хинган (Синьянь) (рис. 3, 9). Разрушающийся вследствие водной и ветровой эрозии памятник насчитывал до 123 погребений. В апреле-мае 1991 г. исследовано 26 из них, представлявших собой прямоугольные грунтовые ямы с вертикальными стенками. Погребенные лежали в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад, с сопроводительным инвентарем в головах. Найдено 36 керамических сосудов, четыре железных меча (?) и семь наконечников стрел, три костяных и один бронзовый наконечники стрел, четыре бронзовых браслета и одна серьга, бусины из бирюзы и стекла [Цянь Юйчэн, Мэн Цзяньжэнь, 1994. С. 397–406].

Рис. 3. Карта распространения погребальных памятников сяньбийского времени в восточной части Внутренней Монголии (по: [Вэй Цзянь, 2004. С. 213])

Fig. 3. Map of distribution of burial sites of Xianbei period in the Eastern part of Inner Mongolia (after: [Wei Jian, 2004. P. 213])

2 (10). Могильник Люцзяцзы. Располагается в сомоне Сибайхуа хошуна Хорчин-Цзоичжунци (Кээrcиньцзоичжунци) городского округа Тунляо (рис. 3, 10). Разрушающийся памятник, насчитывавший до 30 погребений, исследован в 1984 г. Найдено 26 керамических сосудов, четыре золотых подвески длиной 8–9,5 см в виде стилизованных лошадей для ношения на груди, пять золотых браслетов, две золотых заколки для волос, два золотых кольца на палец из проволоки в полтора оборота, три обычных золотых кольца и один перстень, серебряная заколка для волос, аналогичная золотым, серебряные кольца на палец, два бронзовых зеркала, бронзовый поясной крючок и другая поясная фурнитура, 27 бусин из бирюзы, пять пуговиц из стекла и пр. [Чжан Байчжун, 1989. С. 430–438, 443].

3 (11). Могильник Шэгэнь. Расположен в хошуне Хорчин-Цзоихоуци (Кээrcиньцзоихоуци) городского округа Тунляо (рис. 3, 11). Памятник, открытый в 1975 г., представлял собой разрушенный (развеянный) могильник. Умершие похоронены вытянуто, в каменных гробах длиной 1,8 – 2, шириной 0,6 и высотой 0,4 м, головами на восток. Из инвентаря собранно только 12 керамических сосудов [Чжан Байчжун, 1981. С. 9–15].

4 (12). Могильник Синьшэнтунь. Находится в хошуне Хорчин-Цзоихоуци городского округа Тунляо (рис. 3, 12). В мае 1989 г. археологами прослежено три ряда разрушенных (развеянных и растоптанных скотом) погребений, исследовано две относительно целые могилы. Погребенные лежали в вытянутом положении, головами на северо-запад (по азимуту 335 градусов). Инвентарь в головах и в ногах: семь керамических сосудов, железные нож, кольцо, подвеска из нефрита [Тянь Ликунь, 1997. С. 49–50].

5 (13). Могильник Наньянцзянцзы. Расположен в хошуне Байрин-Цзоци (Балиньцзоци) городского округа Чифэн (рис. 3, 13). В 1962 г. раскопано 20 погребений в прямоугольных грунтовых ямах. В восьми случаях встречены остатки деревянных внутримогильных конструкций. Погребенные лежали головами на северо-запад. Сопроводительный инвентарь располагался в головах и включал 31 керамический сосуд, железные пряжки, гвозди, ножи, наконечники стрел, изделия из бронзы (в том числе два колечка на палец, шесть бубенчиков и одна монета *у-чжу*), костяные наконечники стрел и концевые накладки на лук, бусины из камня, стекла, нефрита [Лю Гуаньминь, 1964. С. 36–43].

6 (14). Погребение Сусыгай. Случайно найдено в январе 1981 г. в уезде Линьси городского округа Чифэн (рис. 3, 14). Сопроводительный инвентарь включал бронзовый котел, керамический сосуд, золотую поясную пластинку с изображением трех оленей и каменную бусину [Ван Ган, 1997. С. 461–462].

Погребальные памятники южной части

Южная часть Внутренней Монголии охватывает территорию аймака Шилин-Гол (Силиньголэй) (ранее – пров. Чахар) с административным центром в городе Шилин-Хото (Силиньхаотэ), городского округа (ранее аймака) Уланчаб (Уланьчабу), городского округа Хух-Хото (Хухэхаотэ), городского округа Баотоу и городского округа Ордос (Ээрдосы) (ранее – аймака Их-Джу / Икэчжао) и насчитывает 29 памятников (рис. 4).

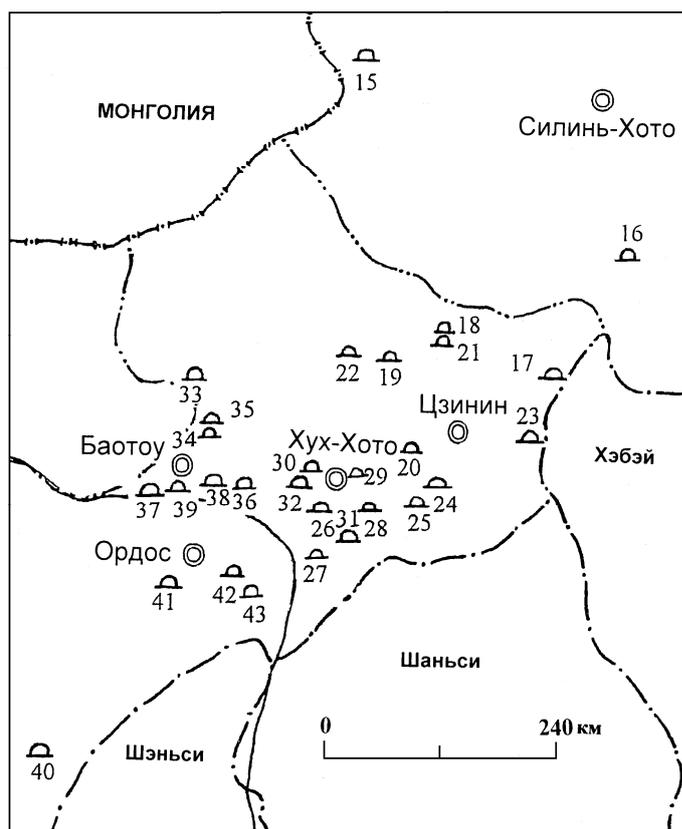

Рис. 4. Карта распространения погребальных памятников сяньбийского времени в южной части Внутренней Монголии (по: [Вэй Цзянь, 2004. С. 213])

Fig. 4. Map of distribution of burial sites of Xianbei period in the Southern part of Inner Mongolia (after: [Wei Jian, 2004. P. 213])

1 (15). Погребение Яньчи. Находится в 23,5 км к северо-востоку от г. Эрэн-Хото (Эрлянхотэ) в аймаке Шилин-Гол (рис. 4, 15). В августе 1999 г. доследовано разрушающееся захоронение. Погребение совершено в прямоугольной грунтовой яме с остатками деревянных внутримогильных конструкций. Умерший захоронен в вытянутом положении на спине, головой на запад. Инвентарь: бронзовая поясная пряжка и 12 накладок на пояс с зооморфным орнаментом, бронзовое колечко, две бусины и берестяное доньшко от сосуда [Нин Пэйцзе, Вэй Цзянь, 2004. С. 106–111]. Материалы памятника полностью изданы и проанализированы в отечественной публикации [Варенов и др., 2007. С. 193–198].

2 (16). Погребение (?) Хэжимуту. Расположено в хошуне Чжэнлань на юге аймака Шилин-Гол (рис. 4, 16). В 1990 г. найдена бронзовая пластина с изображением трех оленей и фрагменты керамики, возможно, инвентарь разрушенного погребения [Шань Дань, Вэй Цзянь, 2004. С. 103–105].

3 (17). Могильник Дундацин. Располагается в уезде Шанду на востоке городского округа (ранее аймака) Уланчаб (рис. 4, 17). Случайно открыт местными жителями в апреле 1998 г., подвергся масштабному разграблению. Научные раскопки на не затронутой грабежами юго-восточной части памятника проведены в сентябре того же года. Исследовано 18 погребений в прямоугольных грунтовых ямах, некоторые из них с деревянными внутримогильными конструкциями. Умершие лежали в вытянутом положении на спине, головами на северо-запад. В сопроводительном инвентаре керамики относительно немного, только 16 сосудов, зато часто встречается железное оружие и снаряжение, бронзовые украшения (в том числе зеркала и монеты *у-чжу*), есть несколько золотых изделий, каменные бусины, костяные (роговые) накладки на лук [Ли Синчэн, Вэй Цзянь, 2004. С. 55–102]. Материалы воинского погребения SDM4 опубликованы на русском языке [Варенов и др., 2006. С. 128–135].

4 (18). Могильник Саньдаовань. Находится в хошуне Чахар-Юихоуци (Чаюхоу) городского округа Уланчаб (рис. 4, 18), содержал не менее 50 погребений. В июле 1983 г. могильник подвергся разграблению, но часть находок властям удалось вернуть. В августе того же года ученые раскопали 23 погребения (M101–M123) и доследовали 25 разграбленных погребений (M1–M25). В августе 1984 г. исследовано еще два погребения (M124, M125). Умершие похоронены в прямоугольных грунтовых ямах (иногда с деревянными внутримогильными конструкциями) в вытянутом положении на спине, головами на северо-запад. Сопроводительный инвентарь, состоящий из 29 керамических сосудов, четырех бронзовых ажурных пластин, 21 браслета, шести серег, девяти колец на палец, семи монет *у-чжу*, 11 зеркал, золотых украшений, железного оружия и снаряжения, костяных (роговых) изделий, каменных бусин располагался в головах и иногда в ногах погребенных [Ду Чэнью, Ли Синчэн, 1994. С. 407–433; 2004. С. 16–54].

5 (19). Могильник Эрланьхугоу. Расположен в хошуне Чахар-Юихоуци городского округа Уланчаб (рис. 4, 19). В 1949 г. разрушающийся водной эрозией памятник обнаружен местными жителями, в следующем году о нем получили известия хошунные власти, но археологическая разведка на месте находки проведена только весной 1956 г. По словам местных жителей, умершие были погребены в грунтовых ямах, ориентированных по линии восток-запад, с керамическими сосудами в головах и бронзовыми украшениями на теле. Собранный инвентарь могильника представлен 12 керамическими и двумя бронзовыми сосудами, поясными ажурными пластинами, зеркалами, железным оружием [Ли Юю, 1957. С. 29; 1963. С. 5, 30–36; Чжэн Лун, Ли Юю, 1964. С. 99–101].

6 (20). Могильник Шицзягоу. Располагался в уезде Чжоцзы городского округа Уланчаб (рис. 4, 20). Памятник разрушен местными жителями в 1996–1997 гг. в ходе сельхозработ. По их сообщениям, могилы представляли собой прямоугольные в плане грунтовые ямы с ориентацией на северо-запад. Собранный погребальный инвентарь включал девять керамических и 12 бронзовых сосудов, украшения, зеркала, монеты *у-чжу*, железное оружие, орудия труда, три железных котла на поддоне [Фу Нин, Дин Юн, 1998. С. 9–21].

7 (21). Могильник Чжаоцзяфан. Находится в хошуне Чахар-Юихоуци городского округа Уланчаб, в 5 км южнее могильника Саньдаовань (рис. 4, 21). Памятник открыт весной 1969 г.

на выдуве площадью 500 на 200 м, расположенном между песчаными барханами. Могилы глубиной 1–3 м, некоторые с гробами. Погребенные лежали в вытянутом положении на спине, головами на северо-запад. Инвентарь представлен пятью керамическими сосудами, железным оружием, бронзовыми зеркалами, монетами *у-чжу*, наконечниками стрел, украшениями [Гай Шаньлинь, 1977. С. 139–141].

8 (22). Могильник Циланшань. Расположен в хошуне Чахар-Юичжунци (Чаючжун) городского округа Уланчаб (рис. 4, 22). В 1995 г. раскопано 20 погребений в грунтовых катакомбах (иногда – в сочетании с деревянным гробом), вход в которые заложен каменной стенкой. Умершие лежали в вытянутом положении на спине или на боку, головами на север – северо-восток. Инвентарь – восемь керамических сосудов, железные изделия, бронзовые украшения, монеты эпохи Ван Мана [Ван Синью, Вэй Цзянь, 2004. С. 123–183]. Материалы погребения ZQM20 опубликованы и проанализированы на русском языке [Варенов и др., 2014. С. 138–141].

9 (23). Могильник Багоу. Расположен в уезде Синхэ городского округа Уланчаб (рис. 4, 23), разрушен карьером действовавшего с 1986 г. кирпичного завода. 6–15 июля 1988 г. археологами раскопаны три погребения в грунтовых ямах, в одном случае с деревянной внутримогильной конструкцией. Умершие лежали в вытянутом положении на спине, головой на север (в одном случае на северо-запад). Погребальный инвентарь располагался у них в головах и представлен керамикой (12 сосудов, еще восемь сосудов происходят из подъемных сборов) и двумя железными изделиями [Цуй Лимин и др., 2004. С. 112–122].

10 (24). Погребение Сяхэйгоу. Случайно найдено в хошуне Чахар-Юицяньци (Чаюцянь) городского округа Уланчаб (рис. 4, 24) в сентябре 1985 г. Умерший лежал в прямоугольной яме с каменными внутримогильными конструкциями, головой на северо-запад. Инвентарь составляли один керамический и два бронзовых сосуда, бронзовое кольцо и подвеска, каменные, костяные, стеклянные бусины [Го Чжичжун, Вэй Цзянь, 1994. С. 434–437].

11 (25). Погребения Хух-Усу (Хухэусу). Находятся в хошуне Чахар-Юицяньци городского округа Уланчаб (рис. 4, 25). Две могилы исследованы археологами в сентябре 1995 г. Одна – погребение в прямоугольной грунтовой катакомбе, вход в которую перекрыт каменной стенкой. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на север, с керамическим сосудом в головах. Другая могила – захоронение в однокамерном кирпичном сводчатом склепе. Кости умершего перемешаны, инвентарь, по словам находчиков, составляли три керамических сосуда [Цао Цзяньэн, Вэй Цзянь, 2004. С. 184–188].

12 (26). Могильник Питяогоу. Расположен в уезде Тогто (Токэто) городского округа Хух-Хото (ранее – аймака Уланчаб) (рис. 4, 26). По словам местных жителей, в 30–40-х гг. XX в. памятник неоднократно подвергался грабительским раскопкам. В ходе разведки в августе-сентябре 1958 г. археологами исследованы три видимые на поверхности земли могилы. Умершие захоронены в грунтовых ямах в вытянутом положении на спине, головами на запад (в одном случае – на юг). Расположенный в головах сопроводительный инвентарь представлен двумя керамическими сосудами, бронзовым зеркалом, железным ножом и каменными бусинами [Цзинь Сюэшань, 1991. С. 426–428].

13 (27). Могильник Сигоуцзыцунь. Расположен в уезде Хорингэр (Хэлиньгээр) городского округа Хух-Хото (рис. 4, 27). В октябре 1986 г. исследованы две могилы. Погребения совершены в грунтовых катакомбах с наклонным полом, вход в которые перекрыт стенкой, сложенной из дикого камня. Внутри – остатки древесины гроба, семь керамических сосудов, небольшие железные изделия, два бронзовых кольца [Ли Синчэн, 1992. С. 12–14].

14 (28). Погребения в Мэйдайцунь. Расположены в Пригородном районе (ныне район Сайхань) городского округа Хух-Хото (рис. 4, 28). В октябре 1955 г. местные жители (тогда деревня называлась Майдайцунь и входила в хошун Тумотэ) нашли погребение в кирпичном склепе. Извлеченные оттуда золотые украшения и бронзовые изделия (которые тоже приняли за золото) они передали местным властям Хух-Хото, а фрагменты керамики и лаковых изделий оставили на месте. В числе находок бронзовый котел на поддоне, сломанная пластинка

со сценой борьбы зверей (сохранилось только изображение орла), верительная бирка в виде тигра с надписями и пр. [Ли Юю, 1956. С. 60–61; 1963. С. 6, 61–65].

Осенью 1961 г. в 200 м от предыдущего раскопано еще одно погребение в однокамерном прямоугольном кирпичном склепе с уступчатым сводом, большую часть площади которого занимал деревянный гроб, стоявший головами на северо-запад. В числе находок котел на поддоне и другая бронзовая утварь, золотые украшения, 38 керамических сосудов [Ли Юю, 1962. С. 86–97, 91].

15 (29). Погребение Дасюэлу (Университетская улица). Расположено в черте г. Хух-Хото (рис. 4, 29). В июле 1975 году исследована однокамерная могила в кирпичном сводчатом склепе. Внутри найдены железные гвозди и остатки древесины гроба. Погребальный инвентарь представлен тремя керамическими сосудами, 15 статуэтками людей (мужчин, женщин, воинов), 10 статуэтками домашних животных (лошадей, верблюдов, баранов, свиней, собак, куриц, запряженных в повозки быков) [Го Сусинь, 1977. С. 38–41, 77].

16 (30). Погребение (?) Таохэци. Расположено в хошуне Тумэд-Цзоци (Тумотэцзоци) городского округа Хух-Хото (рис. 4, 30). В 1980 г. найдена группа северовэйских вещей, видимо, инвентарь разрушенного погребения: золотые пряжки и накладки на пояс, железные меч, нож, наконечники стрел, удила, бронзовый котел и др. [И Кэцзянь, Лу Сысянь, 1984. С. 55, 51].

17 (31). Погребение Линпияоцунь. Находилось в уезде Хорингэр (Хэлиньгээр), городского округа Хух-Хото (рис. 4, 31). В 1982 г. там случайно разрушено северовэйское погребение. Инвентарь включал 38 изделий, в том числе значительное количество золотых пряжек и накладок на пояс, одно серебряное украшение, бронзовый котел на обломанном поддоне, семь других изделий из меди и бронзы, восемь – из нефрита и большой керамический сосуд [Лу Сысянь, 1984. С. 52–54].

18 (32). Погребение Тяньмилян. Расположено в районе Сайхань городского округа Хух-Хото (рис. 4, 32). Исследована одна могила, содержащая золотую поясную пластину и керамический сосуд с гребенчатым орнаментом [Юань Пин, 1987].

19 (33). Могильник Байлинмяо (Шаяоди). Располагался в объединенном хошуне Дархан-Муминган (Даэрхань-Маоминьань) городского округа Баотоу (ранее – аймака Уланчаб) (рис. 4, 33). Описание местоположения памятника в песчаной котловине (*яп.* «сао:ти», *кит.* «шяяоди») близ г. Байлинмяо вскоре стало восприниматься как топоним Байлинмяо-Шаяоди. В октябре 1935 г. японскими археологами обнаружено три древних погребения, а в июне 1939 г. – еще три. Умершие лежали головами на северо-запад, сопроводительный инвентарь – пять керамических сосудов, железные ножи, наконечник стрелы, пять бронзовых браслетов, колечко на палец, монета *у-чжэу*, золотые украшения, многочисленные каменные и стеклянные бусины – располагался в основном в головах погребенных [Эгами Намё, 1967. С. 247–264].

20 (34). Могильник у Монгольской Школы. Находился в уезде Гуян городского округа Баотоу (рис. 4, 34). Весной 1985 г. в процессе строительства нового школьного здания разрушено два погребения в однокамерных кирпичных склепах с цилиндрическими сводами и выходами на восток и несколько (до пяти) одиночных погребений в грунтовых катакомбах. В июле того же года прибывшие археологи раскопали еще два погребения в грунтовых катакомбах, вход в которые был перекрыт стенками из дикого камня. Умершие лежали вытянуто на спине, головами на северо-запад, выход из катакомб (дромос) ориентирован в том же направлении. Сопроводительный инвентарь представлен тремя керамическими сосудами, шестью железными кольцами, тремя панцирными пластинами, 39 гвоздями, двумя сломанными лаковыми изделиями. Еще девять керамических сосудов сдано находчиками. По их словам, в одном из кирпичных склепов был встречен железный меч [Чжэн Лун, 1987. С. 38–41, 4].

21 (35). Погребение Бубудай. Расположено в уезде Гуян городского округа Баотоу (рис. 4, 35), где осенью 1999 г. местными жителями случайно найдена могила в однокамерном кирпичном склепе с купольным сводом и дромосом, идущим на юг. Находок не сохранилось, кроме рельефов на кирпичах и нескольких костей животных [Чжан Хайбинь, 2004. С. 200–201].

22 (36). Погребение Яоцици. Располагается в хошуне Тумэд-Юци (Тумотэюци) городского округа Баотоу (рис. 4, 36). В 1986 г. исследован однокамерный кирпичный склеп с купольным сводом и длинным дромосом. Внутри – разрозненные кости скелетов двух женщин и керамический сосуд [Чжэн Лун, 1988. С. 856–857].

23 (37). Погребение Уцзягэдань. Расположено в районе Цзююань городского округа Баотоу (рис. 4, 37). При сплошном археологическом обследовании района в 1988 г. обнаружен полуразрушенный однокамерный кирпичный склеп. Происходящий из него инвентарь (три керамических сосуда) собран у местного населения [Чжан Хайбинь, 2004. С. 194–199].

24 (38). Погребения Ашаньгоумэнь. Расположены в районе Цзююань городского округа Баотоу (рис. 4, 38). В 1994 г. исследовано две могилы – ВАМ1 и ВАМ2, вторая из которых сильно разрушена. Погребение ВАМ1 совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад в деревянном гробу, помещенном в земляную катакомбу, вход в которую перекрыт стенкой, сложенной из дикого камня. Инвентарь – один керамический сосуд [Там же. С. 189–191].

25 (39). Погребения Люэргэлян. Находятся в (микро-) районе Ситугаосинь (*кит.* «редкоземельный, высокий, новый») в черте г. Баотоу (рис. 4, 39). В 1997 г. исследовано два разрушающихся погребения в однокамерных кирпичных склепах, в которых умершие лежали вытянуто, головами на северо-восток. Инвентарь – три керамических сосуда [Там же. С. 191–194].

26 (40). Могильник Батувань. Располагается в хошуне Ушин-ци (Ушэнь) городского округа Ордос (рис. 4, 40). Исследовано семь погребений в земляных и кирпичных склепах с купольными сводами. В отдельных случаях в них сохранились деревянные гробы. Сопроводительный инвентарь представлен 10 керамическими сосудами [Лу Сысянь, 1981. С. 60–66].

27 (41). Могильник Будунгоу. Находился в уезде (ныне – районе) Дуншэн городского округа Ордос (рис. 4, 41). В июне 1980 г. раскопано девять погребений, совершенных в прямоугольных грунтовых ямах с одним-двумя умершими, лежащими вытянуто на спине головой на север или на северо-запад. Инвентарь: пять керамических сосудов, четыре железных котла (в том числе один на поддоне), оружие, удила, пряжки с язычком, бронзовые поясные накладки, обломки зеркал, изделия из кости [Гао И, 1981. С. 27–33; 1986. С. 394–402].

28 (42). Могильник Дафаньпу. Находится в хошуне Чжунгар-ци (Чжунгээр) городского округа Ордос (рис. 4, 42). С апреля по сентябрь 1983 г. перед началом нового строительства проводилось сплошное археологическое обследование рудничного участка Хэйдэйгоу (*кит.* «Ущелье Черный мешок»), в ходе которого открыт и могильник Дафаньпу, насчитывающий свыше 20 погребений. Раскопаны четыре частично разрушенные могилы с плохо сохранившимися костяками, ориентированные по линии север – юг. Инвентарь: пять керамических сосудов, бронзовая пряжка, обломки бронзовых зеркал и железных вещей, изделия из кости [Вэй Цзянь, Ван Чжихао, 1990. С. 6–7, 9].

29 (43). Погребение Эрлибань. Находится в хошуне Чжунгар-ци городского округа Ордос (рис. 4, 43). Случайно открыто местным жителем в октябре 1994 г. Прямоугольная в плане грунтовая яма, ориентированная длинной осью по линии восток–запад с разрозненными костями человека (ключица и бедро). Инвентарь – железный котел и керамический сосуд, расположенные, предположительно, в головах погребенного [Вэй Цзянь, 2004. С. 205–207].

Заключение

Переходя к краткому анализу рассмотренных выше материалов, прежде всего, стоит отметить разную «представительность» перечисленных могильников. Одни памятники насчитывают десятки раскопанных специалистами захоронений, другие – одну-две могилы, подвергшиеся разграблению или разрушенные вследствие воздействия природных факторов и только потом доследованные археологами. По нашему мнению, такие памятники, как Ваньгун с очень яркой, но одной-единственной могилой или Мэнгэньчулу с семью погребениями, шесть из которых сильно разрушены и вдобавок расположены в 20 км от единственного хорошо сохранившегося захоронения, отнесенного к этому же памятнику, следует

с очень большой осторожностью использовать в каких-либо типолого-хронологических или этногенетических построениях.

Вследствие этого по-настоящему представительными для северной части Внутренней Монголии следует считать могильники Чжалайнор (не менее 56 погребений), Лабудалинь (26-27 погребений) и Туаньцзе (семь научно исследованных погребений). Для восточной части представительными могильниками являются Бэйманиту (не менее 26 погребений), Люцзяцзы (30 погребений), Наньянцзянцзы (20 погребений). Для южной части Внутренней Монголии представительны Дундацзин (не менее 18 погребений), Саньдаовань (50 погребений, половина из которых, правда, подверглась разграблению), Циланшань (20 погребений) – все в районе Цзинина, Батувань (7 погребений), Будунгоу (9 погребений) и Дафаньпу (4 изученных погребения, но могильник насчитывал их до 20) в Ордосе. Именно на эти памятники, давшие массовый материал, и следует в первую очередь обращать внимание.

Ближайшие аналогии могильникам из северной части Внутренней Монголии дают памятники пров. Хэйлуунцзян и российского Забайкалья. Могильники восточной части Внутренней Монголии находят аналогии в пров. Цзилинь (Гирин), Ляонин и Хэбэй, а могильники южной части – в пров. Шаньси, Шэньси и даже в Нинся, Ганьсу и Цинхае (в последнем случае речь идет о поздних погребениях, относящихся к северовэйскому времени). Стоит отметить, что «сяньбийские» памятники из разных частей Внутренней Монголии между собой заметно различаются. Этому явлению могут быть даны разные объяснения. Вэй Цзянь, сравнив рассмотренные здесь материалы, разделил их на пять хронологических периодов: I (конец I в. до н. э. – конец I в. н. э.), II (начало II в. н. э. – первая половина II в. н. э.), III (конец II в. н. э. – конец III в. н. э.), IV (начало IV в. н. э. – начало V в. н. э.), V (первая половина V в. н. э. – первая половина VI в. н. э.) [Вэй Цзянь, 2004. С. 212–235]. Причем у него получилось так, что эволюция погребальных памятников Внутренней Монголии разворачивалась не только во времени, но и в пространстве, отражая миграцию сяньбийских племен из района верховий Амура в Ордос [Там же. С. 235–249]. Другой вопрос, насколько обоснованы использованные Вэй Цзянем хронологические определения возраста отдельных анализируемых им памятников.

Большинство же китайских археологов, начиная с публикации Су Бая, активно развивает идеи о принадлежности разных групп памятников Внутренней Монголии и сопредельных территорий разным сяньбийским племенам (ухуаням, тоба, мужунам, юйвэням, собственно сяньби). Тут в полный рост встает проблема отделения сяньбийских (в широком смысле слова) памятников от памятников фуэй (пуё), сюнну (хунну) и других соседних народов. Пикантность ситуации заключается в том, что, если признать все перечисленные в данной статье отдельные захоронения и могильники сяньбийскими, археологических остатков сюнну (хунну) на территории Внутренней Монголии как будто бы и вовсе нет (если, конечно, не считать памятников так называемых «ранних сюнну», которые реально все относятся к скифскому времени [Варенов, 2010]).

Из сообщений письменных источников известно, что южные сюнну, перешедшие после раскола в этом племенном союзе в 48 г. н.э. на сторону империи Хань, вплоть до начала IV в. н. э. обитали южнее пустыни Гоби, в районе Великой стены, а потом приняли активное участие в политогенезе на территории Северного Китая. Единственный (благодаря встреченным там ажурным поясным пластинам) «общепризнанно сюннуский» памятник Северного Китая – могильник Даодуньцзы I в. до н. э., исследованный в Нинся. Вдобавок и Даодуньцзы, и перечисленные здесь памятники сяньбийского времени из Внутренней Монголии не имеют почти ничего общего ни в над- и внутримогильных конструкциях, ни в погребальном обряде, ни в инвентаре с памятниками сюнну, известными на территории Монгольской Народной республики и российского Забайкалья. Решение проблемы археологической идентификации южных сюнну видится в поиске новых и выделении из числа уже известных памятников южной и, возможно, восточной частей Внутренней Монголии погребений и могильников I–III вв. н. э.

Список литературы / References

- Варенов А. В.** Погребальные памятники скифо-сакского времени на юге Внутренней Монголии // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 4: Востоковедение. С. 39–46.
Varenov A. V. Burial Sites of Scythian Time in the Southern Part of Inner Mongolia. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2010, vol. 9, no. 4: Oriental Studies, p. 39–46. (in Russ.)
- Варенов А. В., Митько А. О., Митько О. А.** Погребение воина сяньбийского времени на могильнике Дундажин (Внутренняя Монголия, КНР) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3: Археология и этнография. С. 128–135.
Varenov A. V., Mitko A. O., Mitko O. A. Pogrebenie voina Xianbiiskogo vremeni na mogilnike Dongdajing (Vnutrennyaya Mongoliya, KNR) [Burial of a Xianbei time warrior at Dongdajing cemetery (Inner Mongolia, PRC)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2006, vol. 5, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 128–135. (in Russ.)
- Варенов А. В., Митько А. О., Митько О. А.** Туаньцзе – сяньбийский могильник на севере Внутренней Монголии близ границы с Забайкальем // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2006. Т. 12. С. 298–303.
Varenov A. V., Mitko A. O., Mitko O. A. Tuanjie – Xianbeiskiy mogilnik na severe Vnutrennei Mongolii bliz granitsy s Zabaikal'em [Tuanjie – a Xianbei cemetery at the north of Inner Mongolia near the Trans-Baikal boundary]. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories*. Novosibirsk, IAE SB RAS Publish., 2006, vol. 12, p. 298–303. (in Russ.)
- Варенов А. В., Митько А. О., Митько О. А.** Сяньбийское погребение с поясными украшениями из района Яньчи близ города Эрэн-Хото // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2007. Т. 13. С. 193–198.
Varenov A. V., Mitko A. O., Mitko O. A. Xianbeiskoe pogrebenie s poyasnymi ukrasheniyami iz raiona Yanchi bliz goroda Eren-Hoto [Xianbei burial with belt ornaments from Yanchi near Eren-Hoto city]. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories*. Novosibirsk, IAE SB RAS Publish., 2007, vol. 13, p. 193–198. (in Russ.)
- Варенов А. В., Митько А. О., Шульга Д. П.** Погребение с комбинированными серьгами на могильнике сяньбийского времени Циланшань во Внутренней Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2014. Т. 20. С. 138–141.
Varenov A. V., Mitko A. O., Shulga D. P. Pogrebenie s kombinirovannymi sergami na mogilnike Xianbeiskogo vremeni Qilanshan vo Vnutrennei Mongolii [A burial with combined earrings at Xianbei time cemetery Qilanshan in Inner Mongolia]. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories*. Novosibirsk, IAE SB RAS Publish., 2014. Vol. XX, p. 138–141. (in Russ.)
- Юй Сухуа.** Изучение археологических памятников сяньбэй в китайской историографии // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3: Археология и этнография. С. 13–23.
Yu Suhua. Izuchenie arheologicheskikh pamyatnikov Xianbei v kitaiskoi istoriografii [The Study of Archaeological Relicts of Xianbei in Chinese Historiography]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2006, vol. 5, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 13–23. (in Russ.)
- Ван Ган.** Линьсисянь Сусытай сяньбэй муцзан [王刚。林西县苏泗汰鲜卑墓葬]. Сяньбийские захоронения в Сусытай уезда Линьси // Нэй Мэнгу вэньу каогу вэньцзи [内蒙古文物考古文集]: Сб. тр. по материальной культуре и археологии Внутренней Монголии / Под ред. Вэй Цзяня [魏坚]. Пекин: Чжунго дабайкэцюаньшу чубаньшэ, 1997. Вып. 2. С. 461–462. (на кит. яз.)
Wang Gang. Linxixian Susitai Xianbei muzang [王刚。林西县苏泗汰鲜卑墓葬]. Xianbei burials of Susitai in Linxi county. *Nei Menggu wenwu kaogu wenji* [内蒙古文物考古文集]. A collection of Papers on the Material Culture and Archaeology of Inner Mongolia. Ed. Wei Jian [魏坚]. Beijing, Zhongguo Dabaikéquanshu publishers, 1997, iss. 2, p. 461–462. (in Chin.)
- Ван Синью, Вэй Цзянь.** Чаючжунци Циланшань муди [王新宇、魏坚。察右中旗七郎山墓地]. Могильник Циланшань в хошуне Чаючжун // Нэй Мэнгу дицюй сяньбэй муцзан дэ фасянь юй яньцзю [内蒙古地区鲜卑墓葬的发现与研究]. Открытие и исследование погребений сяньби в районах Внутренней Монголии. Под ред. Вэй Цзяня [魏坚]. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2004. С. 123–183. (на кит. яз.)

- Wang Xinyou, Wei Jian.** Chayouzhongqi Qilangshan mudi [王新宇、魏坚。察右中旗七郎山墓地]. Qilangshan cemetery in Chayouzhong banner. *Nei Menggu diqu Xianbei muzang de faxian yu yanjiu* [内蒙古地区鲜卑墓葬的发现与研究]. *The Discovery and Research of Xianbei Burials in Inner Mongolia Regions*. Ed. Wei Jian [魏坚]. Beijing, Kexue publishers, 2004, p. 123–183. (in Chin.)
- Ван Чэн.** Чжалайнор Цюаньхэ гуму цинли цзяньбао [王成。托赉诺尔圈河古墓清理简报]. Краткое сообщение об охранных раскопках древних могил на р. Цюаньхэ в Чжалайноре // Бэйфан вэнью. 1987. № 3. С. 19–22. (на кит. яз.)
- Wang Cheng.** Zhalaioer Quanhe gumu qinli jianbao [王成。托赉诺尔圈河古墓清理简报]. A brief report on the clearing of ancient tombs at Quanhe river in Zhalaioer. *Beifang wenwu*, 1987, № 3, p. 19–22. (in Chin.)
- Ван Чэн, Та Ла, Чжан Чунь.** Ээргунаюци Лабудалинь сяньбэй муцзюнь фацзюэ цзяньбао [王成、塔拉、张春。额尔古纳右旗拉布达林鲜卑墓群发掘简报]. Краткий отчет о раскопках сяньбийского могильника Лабудалинь в хошуне Ээргунаюци // Нэй Мэнгу вэнью каогу вэньцзи [内蒙古文物考古文集]: Сб. тр. по материальной культуре и археологии Внутренней Монголии / Под ред. Ли Ию, Вэй Цзяня [李逸友、魏坚]. Пекин: Чжунго дабайкэцзюаньшу чубаньшэ, 1994. Вып. 1. С. 384–396. (на кит. яз.)
- Wang Cheng, Ta La, Zhang Chun.** Eergunayouqi Labudalin Xianbei muqun fajue jianbao [王成、塔拉、张春。额尔古纳右旗拉布达林鲜卑墓群发掘简报]. A brief report on the excavation of Labudalin Xianbei cemetery in Ergunayou banner. *Nei Menggu wenwu kaoqu wenji* [内蒙古文物考古文集]. A collection of Papers on the Material Culture and Archaeology of Inner Mongolia. Ed. Li Yiyu, Wei Jian [李逸友、魏坚]. Beijing, Zhongguo Dabaikéquanshu publishers, 1994, iss. 1, p. 384–396. (in Chin.)
- Вэй Цзянь.** Нэй Мэнгу дицзюй сяньбэй муцзан дэ чубу яньцзю [魏坚。内蒙古地区鲜卑墓葬的初步研究] Предварительное исследование сяньбийских захоронений в районах Внутренней Монголии // Нэй Мэнгу дицзюй сяньбэй муцзан дэ фасянь юй яньцзю [内蒙古地区鲜卑墓葬的发现与研究]. Открытие и исследование погребений сяньби в районах Внутренней Монголии / Под ред. Вэй Цзяня [魏坚]. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2004. С. 211–272. (на кит. яз.)
- Wei Jian.** Nei Menggu diqu Xianbei muzang de chubu yanjiu [魏坚。内蒙古地区鲜卑墓葬的初步研究] A preliminary research of Xianbei burials in Inner Mongolia regions. *Nei Menggu diqu Xianbei muzang de faxian yu yanjiu* [内蒙古地区鲜卑墓葬的发现与研究]. *The Discovery and Research of Xianbei Burials in Inner Mongolia Regions*. Ed. Wei Jian [魏坚]. Beijing, Kexue publishers, 2004, p. 211–272. (in Chin.)
- Гай Шаньлинь.** Нэй Мэнгу Чаюхоу ци Чжаоцзяфанцунь фасянь сунну муцзюнь [盖山林。内蒙古察右后旗赵家房村发现匈奴墓群]. В Чжаоцзяфанцунь хошуна Чаюхоу во Внутренней Монголии найден суннуский могильник // Каогу. 1977. № 2. С. 139–141. (на кит. яз.)
- Gai Shanlin.** Nei Menggu Chayouhouqi Zhaojiafangcun faxian Xiongnu muqun [盖山林。内蒙古察右后旗赵家房村发现匈奴墓群]. Zhaojiafangcun Xiongnu cemetery found at Chayouhou banner in Inner Mongolia. *Kaogu*, 1977, № 2, p. 139–141. (in Chin.)
- Гао И.** Икэчжао мэн Будунгоу сунну му цинли цзяньбао [高毅。伊克昭盟补洞沟匈奴墓清理简报]. Краткий отчет об охранных раскопках суннуских погребений в Будунгоу аймака Икэчжао // Нэй Мэнгу вэнью каогу. 1981. № 1 (Спецвыпуск). С. 27–33. (на кит. яз.)
- Gao Yi.** Yikezhaomeng Budonggou Xiongnu mu qinli jianbao [高毅。伊克昭盟补洞沟匈奴墓清理简报]. A brief report on the rescue excavation of Budonggou Xiongnu burials at Yikezhao. *Nei Menggu wenwu kaoqu*. 1981. № 1 (Special issue). С. 27–33. (in Chin.)
- Гао И.** Будунгоу сунну муцзан [高毅。补洞沟匈奴墓葬]. Суннуские погребения в Будунгоу // Ээрдосы ши цинтунци [鄂尔多斯式铜器]. Бронзы ордосского стиля. Пекин: Вэнью чубаньшэ, 1986. С. 394–402. (на кит. яз.)
- Gao Yi.** Budonggou Xiongnu muzang [高毅。补洞沟匈奴墓葬]. Xiongnu burials at Budonggou. *Eerdosishi qingtongqi* [鄂尔多斯式铜器]. *Ordos Style Bronzes*. Beijing, Wenwu publishers, 1986. p. 394–402. (in Chin.)
- Го Сусинь.** Нэй Мэнгу Хухэхаотэ Бэй Вэй му [郭素新。内蒙古呼和浩特北魏墓]. Северовэйское погребение в черте г. Хух-Хото во Внутренней Монголии // Вэнью. 1977. № 5. С. 38–41, 77. (на кит. яз.)
- Guo Suxin.** Nei Menggu Huhehaote Bei Wei mu [郭素新。内蒙古呼和浩特北魏墓]. Northern Wei grave at Hohhot city in Inner Mongolia. *Wenwu*. 1977. № 5. С. 38–41, 77. (in Chin.)

- Го Чжичжун.** Чжалайнор гумуцунь 1986 нянь цинли фацзюэ баогао [郭治中. 扎赉诺尔古墓群1986年清理发掘报告]. Отчет об охранных раскопках древнего могильника Чжалайнор в 1986 г. // Нэй Мэнгу вэньу каогу вэньцзи [内蒙古文物考古文集]: Сб. тр. по материальной культуре и археологии Внутренней Монголии / Под ред. Ли Юю, Вэй Цзяня [李逸友、魏坚]. Пекин: Чжунго дабайкэцюаньшу чубаньшэ, 1994. Вып. 1. С. 369–383. (на кит. яз.)
- Guo Zhizhong.** Zhalainoer gumujun 1986 nian qinli fajue baogao [郭治中. 扎赉诺尔古墓群1986年清理发掘报告]. A report on the rescue excavations of the ancient cemetery Zhalainoer in 1986. *Nei Menggu wenwu kaogu wenji* [内蒙古文物考古文集]. A collection of Papers on the Material Culture and Archaeology of Inner Mongolia. Ed. Li Yiyou, Wei Jian [李逸友、魏坚]. Beijing, Zhongguo Dabaikequanshu publishers, 1994. iss. 1. p. 369–383. (in Chin.)
- Го Чжичжун, Вэй Цзянь.** Чаюцяньци Сяхэйгоу сяньбэй му цзи ци вэньхуа синчжи чулунь [郭治中、魏坚. 察右前旗下黑沟鲜卑墓地及其文化性质初论]. Сяньбийский могильник Сяхэйгоу в хошуне Чаюцянь и предварительное обсуждение характера его культуры // Нэй Мэнгу вэньу каогу вэньцзи [内蒙古文物考古文集]: Сб. тр. по материальной культуре и археологии Внутренней Монголии / Под ред. Ли Юю, Вэй Цзяня [李逸友、魏坚]. Пекин: Чжунго дабайкэцюаньшу чубаньшэ, 1994. Вып. 1. С. 434–437. (на кит. яз.)
- Guo Zhizhong, Wei Jian.** Chayouqianqi Xiaheigou Xianbei mu ji qi wenhua xingzhi chulun [郭治中、魏坚. 察右前旗下黑沟鲜卑墓地及其文化性质初论]. Xiaheigou Xianbei cemetery in Chayouqian banner and preliminary discussion of the nature of its culture. *Nei Menggu wenwu kaogu wenji* [内蒙古文物考古文集]. A collection of Papers on the Material Culture and Archaeology of Inner Mongolia. Ed. Li Yiyou, Wei Jian [李逸友、魏坚]. Beijing, Zhongguo Dabaikequanshu publishers, 1994. iss. 1. p. 434–437. (in Chin.)
- Ду Чэнь, Ли Синчэн.** Чаюхоу ци Сандаовань муди [杜承武、李兴盛. 察右后旗三道湾墓地]. Могильник Сандаовань в хошуне Чаюхоу // Нэй Мэнгу вэньу каогу вэньцзи [内蒙古文物考古文集]: Сб. тр. по материальной культуре и археологии Внутренней Монголии / Под ред. Ли Юю, Вэй Цзяня [李逸友、魏坚]. Пекин: Чжунго дабайкэцюаньшу чубаньшэ, 1994. Вып. 1. С. 407–433. (на кит. яз.)
- Du Chengwu, Li Xingcheng.** Chayouhouqi Sandaowan mudi [杜承武、李兴盛. 察右后旗三道湾墓地]. Sandaowan cemetery in Chayouhou banner. *Nei Menggu wenwu kaogu wenji* [内蒙古文物考古文集]. A collection of Papers on the Material Culture and Archaeology of Inner Mongolia. Ed. Li Yiyou, Wei Jian [李逸友、魏坚]. Beijing, Zhongguo Dabaikequanshu publishers, 1994. iss. 1. p. 407–433. (in Chin.)
- Ду Чэнь, Ли Синчэн.** Чаюхоу ци Сандаовань муди [杜承武、李兴盛. 察右后旗三道湾墓地]. Могильник Сандаовань в хошуне Чаюхоу // Нэй Мэнгу дицзюй сяньбэй муцзан дэ фасянь юй яньцзю [内蒙古地区鲜卑墓葬的发现与研究]. Открытие и исследование погребений сяньби в районах Внутренней Монголии. Под ред. Вэй Цзяня [魏坚]. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2004. С. 16–54. (на кит. яз.)
- Du Chengwu, Li Xingcheng.** Chayouhouqi Sandaowan mudi [杜承武、李兴盛. 察右后旗三道湾墓地]. Sandaowan cemetery in Chayouhou banner. *Nei Menggu diqu Xianbei muzang de faxian yu yanji* [内蒙古地区鲜卑墓葬的发现与研究]. The Discovery and Research of Xianbei Burials in Inner Mongolia Regions. Ed. Wei Jian [魏坚]. Beijing, Kexue publishers, 2004, p. 16–54. (in Chin.)
- И Кэцзянь, Лу Сысянь.** Тумотэцзоци чуту Бэй Вэй шици вэньу [伊克坚、陆思贤. 土默特左旗出土北魏时期文物]. Изделия северовэйского времени, найденные в хошуне Тумотэцзоци // Нэй Мэнгу вэньу каогу. 1984. № 3. С. 55, 51. (на кит. яз.)
- Yi Kejian, Lu Sixian.** Tumotezuoci chutu Bei Wei shiqi wenwu [伊克坚、陆思贤. 土默特左旗出土北魏时期文物]. Relicts of Northern Wei time found at Tumote left banner. *Nei Menggu wenwu kaogu*, 1984, № 3, p. 55, 51. (in Chin.)
- Ли Юю.** Нэй Мэнгу Тумотэ ци чуту дэ ханьдай тунци [李逸友. 内蒙古土默特旗出土的汉代铜器]. Бронзовые изделия ханьского времени, найденные в хошуне Тумотэ во Внутренней Монголии // Каогу тунсюнь. 1956. № 2. С. 60–61. (на кит. яз.)
- Li Yiyou.** Nei Menggu Tumoteqi chutu de Handai tongqi [李逸友. 内蒙古土默特旗出土的汉代铜器]. Bronzes of Han period found at Tumote banner in Inner Mongolia. *Kaogu tongxun*, 1956, № 2, p. 60–61. (in Chin.)

- Ли Юю.** Нэй Мэнгу сибу дицью дэ сюнну хэ ханьдай вэньу [李逸友. 内蒙古西部地区的匈奴和汉代文物]. Сюннуские и ханьские древности западных районов Внутренней Монголии // Вэньу цанькао цзыляо. 1957. № 4. С. 29–32. (на кит. яз.)
Li Yiyou. Nei Menggu xibu diqu de Xiongnu he Handai wenwu [李逸友. 内蒙古西部地区的匈奴和汉代文物]. Xiongnu and Han relicts from the Western regions of Inner Mongolia. *Wenwu cankao ziliao*, 1957, № 4, p. 29–32. (in Chin.)
- Ли Юю.** Нэй Мэнгу Хухэхаотэ Мэйдайцунь Бэй Вэй му [李逸友. 内蒙古呼和浩特美岱村北魏墓]. Северовэйская могила в Мэйдайцунь городского округа Хух-Хото во Внутренней Монголии // Каогу. 1962. № 2. С. 86–87, 91. (на кит. яз.)
Li Yiyou. Nei Menggu Huhehaote Meidaicun Bei Wei mu [李逸友. 内蒙古呼和浩特美岱村北魏墓]. Meidaicun Northern Wei burial at Hohhot Prefecture-level city in Inner Mongolia. *Kaogu*, 1962, № 2, p. 86–87, 91. (in Chin.)
- Ли Юю.** Нэй Мэнгу чуту вэньу сюаньцзи [李逸友. 内蒙古出土文物选集]. Собрание древностей, найденных во Внутренней Монголии. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1963. 10, 20, 144 с. (на кит. яз.)
Li Yiyou. Nei Menggu chutu wenwu xuanji [李逸友. 内蒙古出土文物选集]. A Collection of Antiquities found in Inner Mongolia. Beijing, Wenwu publishers, 1963. 10, 20, 144 p. (in Chin.)
- Ли Синчэн.** Нэй Мэнгу Хэлиньгээр Сигоуцзыцунь Бэй Вэй му [李兴盛. 内蒙古和林格尔西沟子村北魏墓]. Северовэйские погребения в Сигоуцзыцунь уезда Хэлиньгээр во Внутренней Монголии // Вэньу. 1992. № 8. С. 12–14. (на кит. яз.)
Li Xingcheng. Nei Menggu Helingeer Xigouzicun Bei Wei mu [李兴盛. 内蒙古和林格尔西沟子村北魏墓]. Xigouzicun Northern Wei burials at Helingeer county in Inner Mongolia. *Wenwu*, 1992, № 8, p. 12–14. (in Chin.)
- Ли Синчэн, Вэй Цзянь.** Шанду сянь Дундацзин муди [李兴盛、魏坚. 商都县东大井墓地]. Могильник Дундацзин в уезде Шанду // Нэй Мэнгу дицью сяньбэй муцзан дэ фасянь юй яньцзю [内蒙古地区鲜卑墓葬的发现与研究]. Открытие и исследование погребений сяньби в районах Внутренней Монголии / Под ред. Вэй Цзяня [魏坚]. Пекин: Кэсюэ чубаньше, 2004. С. 55–102. (на кит. яз.)
Li Xingcheng, Wei Jian. Shangduxian Dongdajing mudi [李兴盛、魏坚. 商都县东大井墓地]. Dongdajing cemetery in Shangdu county. *Nei Menggu diqu Xianbei muzang de faxian yu yanjiu* [内蒙古地区鲜卑墓葬的发现与研究]. *The Discovery and Research of Xianbei Burials in Inner Mongolia Regions*. Ed. Wei Jian [魏坚]. Beijing, Kexue publishers, 2004, p. 55–102. (in Chin.)
- Ли Цзочжи.** Нэй Мэнгу Чэньбаэрхуци Ваньгун гуму цинли цзяньбао [李作智. 内蒙古陈巴尔虎旗完工古墓清理简报]. Краткий отчет об охранных раскопках древних могил в Ваньгун хошуна Чэньбаэрху во Внутренней Монголии // Каогу. 1965. № 6. С. 273–283. (на кит. яз.)
Li Zuozhi. Nei Menggu Chenbaerhuqi Wangong gumu qinli jianbao [李作智. 内蒙古陈巴尔虎旗完工古墓清理简报]. A brief report on the rescue excavations of Wangong ancient graves at Chenbaerhu banner in Inner Mongolia. *Kaogu*, 1965, № 6, p. 273–283. (in Chin.)
- Лу Сысянь.** Батувань шуйку цюй дэ гумму [陆思贤. 巴图湾水库区的古墓]. Древние могилы в районе водохранилища Батувань // Нэй Мэнгу вэньу каогу. 1981. № 1 (Спецвыпуск). С. 60–66. (на кит. яз.)
Lu Sixian. Batuwán shuiku qu de gumu [陆思贤. 巴图湾水库区的古墓]. Ancient burials at Batuwán water reservoir region. *Nei Menggu wenwu kaoгу*, 1981, № 1 (Special issue), p. 60–66. (in Chin.)
- Лу Сысянь.** Хэлиньгээр сянь Линпияоцунь Бэй Вэй му чуту дэ цзиньци [陆思贤. 和林格尔县另皮窰村北魏墓出土的金器]. Золотые изделия, найденные в северовэйском погребении в Линпияоцунь уезда Хэлиньгээр // Нэй Мэнгу вэньу каогу. 1984. № 3. С. 52–54. (на кит. яз.)
Lu Sixian. Helingeer xian Lingpiyaocun Bei Wei mu chutu de jinqi [陆思贤. 和林格尔县另皮窰村北魏墓出土的金器]. Golden ornaments found in Lingpiyaocun Northern Wei burial at Helingeer county. *Nei Menggu wenwu kaoгу*, 1984, № 3, p. 52–54. (in Chin.)
- Лю Гуаньминь.** Нэй Мэнгу Баньлиньцзоци Наньянцзяинцзы дэ ичжи хэ муцзан [刘观民. 内蒙古巴林左旗南杨家营子的遗址和墓葬]. Стоянка и погребения в Наньянцзяинцзы хошуна Баньлиньцзоци во Внутренней Монголии // Каогу. 1964. № 1. С. 36–43. (на кит. яз.)

Liu Guanmin. Nei Menggu Balinzuoqi Nanyangjiayingzi de yizhi he muzang [刘观民. 内蒙古巴林左旗南杨家营子的遗址和墓葬]. Nanyangjiayingzi dwelling site and burials at Balinzuo banner in Inner Mongolia. *Kaogu*, 1964, № 1, p. 36–43, (in Chin.)

Нин Пэйцзе, Вэй Цзянь. Эрляньхаотэ ши Яньчи муцзан [宁培杰、魏坚. 二连浩特市盐池墓葬]. Погребение Яньчи у г. Эрляньхаотэ (Эрэн-Хото) // Нэй Мэнгу дицуй сяньбэй муцзан дэ фасянь юй яньцзю [内蒙古地区鲜卑墓葬的发现与研究]. Открытие и исследование погребений сяньби в районах Внутренней Монголии / Под ред. Вэй Цзяня [魏坚]. Пекин: Кэсюэ чубаньше, 2004. С. 106–111. (на кит. яз.)

Ning Peijie, Wei Jian. Erliahaote shi Yanchi muzang [宁培杰、魏坚. 二连浩特市盐池墓葬]. Yanchi burial near Erliahaote city. *Nei Menggu diqu Xianbei muzang de faxian yu yanju* [内蒙古地区鲜卑墓葬的发现与研究]. *The Discovery and Research of Xianbei Burials in Inner Mongolia Regions*. Ed. Wei Jian [魏坚]. Beijing, Kexue publishers, 2004. p. 106–111. (in Chin.)

Пань Синжун. Нэй Мэнгу Чэньбаэрхуци Ваньгун суму фасянь гумуцзан [潘行荣. 内蒙古陈巴尔虎旗完工索木发现古墓葬]. В сомоне Ваньгун хошуна Чэньбаэрху во Внутренней Монголии найдены древние погребения // Каогу. 1962. № 11. С. 590–591. (на кит. яз.)

Pan Xingrong. Nei Menggu Chenbaerhuqi Wangong sumu faxian gu muzang [潘行荣. 内蒙古陈巴尔虎旗完工索木发现古墓葬]. Ancient burials found at Wangong sum of Chenbaerhu banner in Inner Mongolia. *Kaogu*, 1962, № 11, p. 590–591. (in Chin.)

Су Бай. Дунбэй, Нэй Мэнгу дицуй дэ сяньбэй ици – сяньбэй ици цзилу чжии [宿白. 东北、内蒙古地区的鲜卑遗迹 – 鲜卑遗迹辑录之一]. Памятники сяньби районов Дунбэя и Внутренней Монголии – каталог памятников сяньби // Вэньу. 1977. № 5. С. 42–54. (на кит. яз.)

Su Bai. Dongbei, Nei Menggu diqu de Xianbei yiji – Xianbei yiji jilu zhiyi [宿白. 东北、内蒙古地区的鲜卑遗迹 – 鲜卑遗迹辑录之一]. Xianbei sites in Dongbei and Inner Mongolia regions – a catalogue of Xianbei sites. *Wenwu*, 1977, № 5, p. 42–54. (in Chin.)

Сяо Хайсинь. Синьбаэрхуцзоци Ихэула сяньбэй му [肖海昕. 新巴尔虎左旗伊和乌拉鲜卑墓]. Сяньбийские погребения в Ихэула хошуна Синьбаэрхуцзоци // Нэй Мэнгу вэньу каогу вэньцзи [内蒙古文物考古文集]: Сб. тр. по материальной культуре и археологии Внутренней Монголии / Под ред. Вэй Цзяня [魏坚]. Пекин: Чжунго дабайкэцюаньшу чубаньшэ, 1997. Вып. 2. С. 453–456. (на кит. яз.)

Xiao Haixin. Xinbaerhuzuoqi Yihewula Xianbei mu [肖海昕. 新巴尔虎左旗伊和乌拉鲜卑墓]. Yihewula Xianbei burials in Xinbaerhu left banner. *Nei Menggu wenwu kaogu wenji* [内蒙古文物考古文集]. *A collection of Papers on the Material Culture and Archaeology of Inner Mongolia*. Ed. Wei Jian [魏坚]. Beijing, Zhongguo Dabaikequanshu publishers, 1997, iss. 2, p. 453–456. (in Chin.)

Тянь Ликунь. Кэцзохоуци Синьшэнтунь сяньбэй муди цзяоча [田立坤. 科左后旗新胜屯鲜卑墓地调查]. Разведка сяньбийского могильника Синьшэнтунь в хошуне Кэцзохоуци // Вэньу. 1997. № 11. С. 49–50. (на кит. яз.)

Tian Likun. Kezuohouqi Xinshengtun Xianbei mudi jiaocha [田立坤. 科左后旗新胜屯鲜卑墓地调查]. Reconnaissance of Xinshengtun Xianbei cemetery at Kezuohou banner. *Wenwu*, 1997, № 11, p. 49–50. (in Chin.)

Фу Нин, Дин Юн. Чжоцзы сянь Шицзягоу муцюнь чуту цзыляо [傅宁、丁勇. 卓资县石家沟墓群出土资料]. Материал, найденный на могильнике Шицзягоу в уезде Чжоцзы // Нэй Мэнгу вэньу каогу. 1998. № 2. С. 9–21. (на кит. яз.)

Fu Ning, Ding Yung. Zhuozixian Shijiagou muqun ziliao [傅宁、丁勇. 卓资县石家沟墓群出土资料]. The material found at Shijiagou cemetery in Zhuozizi county. *Nei Menggu wenwu kaogu*, 1998, № 2, p. 9–21. (in Chin.)

Цао Цзяньэнь, Вэй Цзянь. Чаюцяньци Хухэусу муцзан [曹建恩、魏坚. 察右前旗呼和乌素墓葬]. Погребения Хух-Усу в аймаке Чаюцянь // Нэй Мэнгу дицуй сяньбэй муцзан дэ фасянь юй яньцзю [内蒙古地区鲜卑墓葬的发现与研究]. Открытие и исследование погребений сяньби в районах Внутренней Монголии / Под ред. Вэй Цзяня [魏坚]. Пекин: Кэсюэ чубаньше, 2004. С. 184–188. (на кит. яз.)

Sao Jianen, Wei Jian. Chayouqianqi Huhewusu muzang [曹建恩、魏坚. 察右前旗呼和乌素墓葬]. Huhewusu burials in Chayouqian banner. *Nei Menggu diqu Xianbei muzang de faxian yu yanju* [内蒙古地区鲜卑

墓葬的发现与研究]. *The Discovery and Research of Xianbei Burials in Inner Mongolia Regions*. Ed. Wei Jian [魏坚]. Beijing, Kexue publishers, 2004, p. 184–188. (in Chin.)

Цзинь Сюэшань. Нэй Мэнгу Токэто сянь Питяогоу фасянь саныцзо сяньбэй му [金学山。内蒙古托克托县皮条沟发现三座鲜卑墓]. Три сяньбийских могилы, найденных в Питяогоу уезда Токэто во Внутренней Монголии // Каогу. 1991. № 5. С. 426–428. (на кит. яз.)

Jin Xueshan. Nei Menggu Toketoxian Pitiaogou faxian sanzuo Xianbei mu [金学山。内蒙古托克托县皮条沟发现三座鲜卑墓]. Three Xianbei burials found in Pitiaogou at Toketo county in Inner Mongolia. *Kaogu*, 1991, № 5, p. 426–428. (in Chin.)

Цуй Лимин, Хэ Сяофэй, Вэй Цзянь. Синхэ сянь Багоу муди [崔利明、郝晓菲、魏坚。兴河县叭沟墓地]. Могильник Багоу в уезде Синхэ // Нэй Мэнгу дицой сяньбэй муцзан дэ фасянь юй яньцзю [内蒙古地区鲜卑墓葬的发现与研究]. Открытие и исследование погребений сяньби в районах Внутренней Монголии / Под ред. Вэй Цзяня [魏坚]. Пекин: Кэсюэ чубаньше, 2004. С. 112–122. (на кит. яз.)

Cui Liming, He Xiaofei, Wei Jian. Xinghe xian Bagou mudi [崔利明、郝晓菲、魏坚。兴河县叭沟墓地]. Bagou cemetery in Xinghe county. *Nei Menggu diqu Xianbei muzang de faxian yu yanjiu* [内蒙古地区鲜卑墓葬的发现与研究]. *The Discovery and Research of Xianbei Burials in Inner Mongolia Regions*. Ed. Wei Jian [魏坚]. Beijing, Kexue publishers, 2004, p. 112–122. (in Chin.)

Цянь Юйчэн, Мэн Цзяньжэнь. Кэючжунци Бэйманиту сяньбэй муцюнь [钱玉成、孟建仁。科右中旗北马泥吐鲜卑墓群]. Сяньбийский могильник Бэйманиту в хошуне Кэючжунци // Нэй Мэнгу вэньу каогу вэньцзи [内蒙古文物考古文集]. Сборник трудов по материальной культуре и археологии Внутренней Монголии / Под ред. Ли Юю, Вэй Цзяня [李逸友、魏坚]. Пекин: Чжунго дабайкэцюаньшу чубаньшэ, 1994. Вып. 1. С. 397–406. (на кит. яз.)

Qian Yucheng, Meng Jianren. Keyouzhongqi Beimanitu Xianbei muqun [钱玉成、孟建仁。科右中旗北马泥吐鲜卑墓群]. Beimanitu Xianbei cemetery in Keyouzhong banner. *Nei Menggu wenwu kaoqu wenji* [内蒙古文物考古文集]. *A collection of Papers on the Material Culture and Archaeology of Inner Mongolia*. Ed. Li Yiyu, Wei Jian [李逸友、魏坚]. Beijing, Zhongguo Dabaikequanshu publishers, 1994, iss. 1, p. 397–406. (in Chin.)

Чжан Байчжун. Чжэлиму мэн фасянь дэ сяньбэй ицунь [张柏忠。哲里木盟发现的鲜卑遗存]. Сяньбийские остатки, найденные в аймаке Чжэлиму // Вэньу. 1981. № 2. С. 9–15. (на кит. яз.)

Zhang Baizhong. Zhelimu meng faxian de Xianbei yicun [张柏忠。哲里木盟发现的鲜卑遗存]. Xianbei relicts found at Zhelimu League. *Wenwu*, 1981, № 2, p. 9–15. (in Chin.)

Чжан Байчжун. Нэй Мэнгу Кэцзочжунци Люцзяцзы сяньбэй муцюнь [张柏忠。内蒙古科左中旗六家子鲜卑墓群]. Сяньбийский могильник Люцзяцзы в хошуне Кэцзочжунци во Внутренней Монголии // Каогу. 1989. № 5. С. 430–438, 443. (на кит. яз.)

Zhang Baizhong. Nei Menggu Kezuozhongqi Liujiazi Xianbei muqun [张柏忠。内蒙古科左中旗六家子鲜卑墓群]. Xianbei cemetery at Kezuozhong banner in Inner Mongolia. *Kaogu*, 1989, № 5, p. 430–438, 443. (in Chin.)

Чжан Хайбинь. Баотоуши сяньбэй муцзан [张海斌。包把头市鲜卑墓葬]. Сяньбийские погребения в городском округе Баотоу // Нэй Мэнгу дицой сяньбэй муцзан дэ фасянь юй яньцзю [内蒙古地区鲜卑墓葬的发现与研究]. Открытие и исследование погребений сяньби в районах Внутренней Монголии / Под ред. Вэй Цзяня [魏坚]. Пекин: Кэсюэ чубаньше, 2004. С. 189–204. (на кит. яз.)

Zhang Haibin. Baotou shi Xianbei muzang [张海斌。包把头市鲜卑墓葬]. Xianbei burials in Baotou Prefecture-level city. *Nei Menggu diqu Xianbei muzang de faxian yu yanjiu* [内蒙古地区鲜卑墓葬的发现与研究]. *The Discovery and Research of Xianbei Burials in Inner Mongolia Regions*. Ed. Wei Jian [魏坚]. Beijing, Kexue publishers, 2004, p. 189–204. (in Chin.)

Чжао Юймин. Эргунаюци Циця сяньбэй му цинли цзяньбао [赵玉明。额尔古纳右旗七卡鲜卑墓清理简报]. Краткий отчет об охранных раскопках сяньбийских могил в Циця хошуна Эргунаюци // Нэй Мэнгу вэньу каогу вэньцзи [内蒙古文物考古文集]. Сборник трудов по материальной культуре и археологии Внутренней Монголии / Под ред. Вэй Цзяня [魏坚]. Пекин: Чжунго дабайкэцюаньшу чубаньшэ, 1997. Вып. 2. С. 457–460. (на кит. яз.)

- Zhao Yuming.** Eergunayouqi Qiqia (Qika) Xianbei mu qingli jianbao [赵玉明. 额尔古纳右旗七卡鲜卑墓清理简报]. A brief report on the rescue excavation of Qiqia (Qika) Xianbei burials in Ergunayou banner. *Nei Menggu wenwu kaogu wenji* [内蒙古文物考古文集]. A collection of Papers on the Material Culture and Archaeology of Inner Mongolia. Ed. Wei Jian [魏坚]. Beijing, Zhongguo Dabaikequanshu publishers, 1997, iss. 2, p. 457–460. (in Chin.)
- Чжао Юэ.** Нэй Мэнгу Эюци Лабудалинь фасянь сяньбэй му [赵越. 内蒙古额右旗拉布达林发现鲜卑墓]. Сяньбийские погребения, найденные в Лабудалинь хошуна Эюци во Внутренней Монголии // Каогу. 1990. № 10. С. 890–893, 928. (на кит. яз.)
- Zhao Yue.** Nei Menggu Eyouqi Labudalin faxian Xianbei mu [赵越. 内蒙古额右旗拉布达林发现鲜卑墓]. Xianbei burials found at Labudalin of Eyou banner in Inner Mongolia. *Kaogu*, 1990, № 10, p. 890–893, 928. (in Chin.)
- Чжэн Лун.** Нэй Мэнгу Чжалаиноэр гумуцунь цзяоча цзи [郑隆. 内蒙古扎赉诺尔古墓群调查记]. Записки о разведке древнего могильника Чжалайнор во Внутренней Монголии // Вэньбу. 1961. № 9. С. 16–19. (на кит. яз.)
- Zheng Long.** Nei Menggu Zhalainoer gumuqun jiaocha ji [郑隆. 内蒙古扎赉诺尔古墓群调查记]. Notes on the reconnaissance of Zhalainoer ancient cemetery in Inner Mongolia. *Wenwu*, 1961, № 9, p. 16–19. (in Chin.)
- Чжэн Лун.** Нэй Мэнгу Чжалаиноэр гумуцунь фацзюэ цзяньбао [郑隆. 内蒙古扎赉诺尔古墓群发掘简报]. Краткий отчет о раскопках древнего могильника Чжалайнор во Внутренней Монголии // Каогу. 1961. № 12. С. 673–680. (на кит. яз.)
- Zheng Long.** Nei Menggu Zhalainoer gumuqun fajue jianbao [郑隆. 内蒙古扎赉诺尔古墓群发掘简报]. A brief report on the excavation of Zhalainoer ancient cemetery in Inner Mongolia. *Kaogu*, 1961, № 12, p. 673–680. (in Chin.)
- Чжэн Лун.** Баотоу Гуян сянь фасянь Бэй Вэй муцунь [郑隆. 包头固阳县发现北魏墓群]. Северовэйский могильник, найденный в уезде Гуян городского округа Баотоу // Каогу. 1987. № 1. С. 38–41, 4. (на кит. яз.)
- Zheng Long.** Baotou Guyangxian faxian Bei Wei muqun [郑隆. 包头固阳县发现北魏墓群]. Northern Wei cemetery found at Guyang county of Baotou Prefecture-level city. *Kaogu*, 1987, № 1, p. 38–41, 4. (in Chin.)
- Чжэн Лун.** Нэй Мэнгу Баотоу ши Бэй Вэй Яоцици му [郑隆. 内蒙古包头市北魏姚齐姬墓]. Северовэйское погребение Яоцици в городском округе Баотоу во Внутренней Монголии // Каогу. 1988. № 9. С. 856–857. (на кит. яз.)
- Zheng Long.** Nei Menggu Baotou shi Bei Wei Yaoqiji mu [郑隆. 内蒙古包头市北魏姚齐姬墓]. Yaoqiji Northern Wei burial at Baotou Prefecture-level city in Inner Mongolia. *Kaogu*, 1988, № 9, p. 856–857. (in Chin.)
- Чжэн Лун, Ли Юэ.** Чаюхоуци Эрланьхугоу дэ гумуцунь [郑隆、李逸友. 察右后旗二兰虎沟的古墓群]. Древний могильник Эрланьхугоу в хошуне Чаюхоу // Нэй Мэнгу вэньбу цзыляо сюаньцзи [内蒙古文物资料选辑]. Сборник материалов по древностям Внутренней Монголии. Пекин: Нэй Мэнгу жэньминь чубаньшэ, 1964. С. 99–101. (на кит. яз.)
- Zheng Long, Li Yiyu.** Chayouhouqi Erlanhuogou de gumuqun [郑隆、李逸友. 察右后旗二兰虎沟的古墓群]. Erlanhuogou ancient cemetery in Chayouhou banner. *Nei Menggu wenwu ziliao xuanji* [内蒙古文物资料选辑]. A Collection of Materials on Inner Mongolian Material Culture. Beijing: Nei Menggu renmin publishers, 1964, p. 99–101. (in Chin.)
- Чэнь Даохун.** Иминьхэ дицюй дэ сяньбэй му [程道宏. 伊敏河地区的鲜卑墓]. Сяньбийские погребения в районе Иминьхэ // Нэй Мэнгу вэньбу каогу. 1982. № 2 (Спецвыпуск). С. 18–23. (на кит. яз.)
- Chen Daohong.** Yiminhe diqu de Xianbei mu [程道宏. 伊敏河地区的鲜卑墓]. Xianbei burials in Yiminhe region. *Nei Menggu wenwu kaogu*, 1982, № 2 (Special issue), p. 18–23. (in Chin.)
- Чэнь Фэншань, Бай Цзинсун.** Нэй Мэнгу Чжалаиноэр сяньбэй му [陈凤山、白劲松. 内蒙古扎赉诺尔鲜卑墓]. Сяньбийские могилы Чжалайнора во Внутренней Монголии // Нэй Мэнгу вэньбу каогу. 1994. № 2. С. 27–30. (на кит. яз.)
- Chen Fengshan, Bai Jisong.** Nei Menggu Zhalainoer Xianbei mu [陈凤山、白劲松. 内蒙古扎赉诺尔鲜卑墓]. Zhalainoer Xianbei burials in Inner Mongolia. *Nei Menggu wenwu kaogu*, 1994, № 2, p. 27–30. (in Chin.)
- Чэнь Фэншань, Инь Гуйлян, Бай Цзинсун, Ли Минчжун.** Хулуньбэйэрши Туаньцзе муди [陈凤山、殷袂良、白劲松、李明忠. 呼伦贝尔市团结墓地]. Могильник Туаньцзе в городском районе Хулуньбэйэр // Нэй Мэнгу дицюй сяньбэй муцунь дэ фасянь юй яньцзю [内蒙古地区鲜卑墓葬的发现与研究]. Открытие и исследование погребений сяньби в рай-

онах Внутренней Монголии / Под ред. Вэй Цзяня [魏坚]. Пекин: Кэсюэ чубаньше, 2004. С. 3–15. (на кит. яз.)

Chen Fengshan, Yin Guiliang, Bai Jingsong, Li Mingzhong. Hulunbeier shi Tuanjie mudi [陈凤山、殷焯良、白劲松、李明忠. 呼伦贝尔市团结墓地]. Tuanjie cemetary in Hulunbeier Prefecture-level city. *Nei Menggu diqu Xianbei muzang de faxian yu yanju* [内蒙古地区鲜卑墓葬的发现与研究]. *The Discovery and Research of Xianbei Burials in Inner Mongolia Regions*. Ed. Wei Jian [魏坚]. Beijing, Kexue publishers, 2004, p. 3–15. (in Chin.)

Шань Дань, Вэй Цзянь. Чжэнланьци Хэжимуту сяньбэй ицунь [珊丹、魏坚. 正蓝旗和日本图鲜卑遗存]. Остатки сяньби в Хэжимуту хошуна Чжэнлань // Нэй Мэнгу дицуй сяньбэй муцзан дэ фасянь юй яньцзю [内蒙古地区鲜卑墓葬的发现与研究]. Открытие и исследование погребений сяньби в районах Внутренней Монголии / Под ред. Вэй Цзяня [魏坚]. Пекин: Кэсюэ чубаньше, 2004. С. 103–105. (на кит. яз.)

Shan Dan, Wei Jian. Zhenglanqi Herimutu Xianbei yicun [珊丹、魏坚. 正蓝旗和日本图鲜卑遗存]. Herimutu Xianbei relicts in Zhenglan banner. *Nei Menggu diqu Xianbei muzang de faxian yu yanju* [内蒙古地区鲜卑墓葬的发现与研究]. *The Discovery and Research of Xianbei Burials in Inner Mongolia Regions*. Ed. Wei Jian [魏坚]. Beijing, Kexue publishers, 2004, p. 103–105. (in Chin.)

Эгами На:мё. Най Мо:ко: Байлинмяо сао:ти-но кофун [江上波夫. 内蒙古百灵庙沙凹地の古墳] Древние могилы песчаной котловины Байлинмяо во Внутренней Монголии // Эгами На:мё. Асия бункаси кэнкю [江上波夫. アジア文化史研究]. Исследования истории культуры Азии. Токио: Ямагава сёппанся, 1967. С. 247–264. (на яп. яз.)

Egami Namio. Nai Mo:ko: Bailingmiao saoti-no kofun [江上波夫. 内蒙古百灵庙沙凹地の古墳] Ancient Graves of Bailingmiao Sand Hollow in Inner Mongolia. In: *Egami Namio. Asia bunkasi kenku* [江上波夫. アジア文化史研究]. *Researches of Asia Culture History*. Tokio, Yamagawa publishers, 1967, p. 247–264. (in Jap.)

Юань Пин. Сяньбэй цзинь шипань цзи бивэнь таогуань [原平. 鲜卑金饰牌及篦纹陶罐]. Сяньбийская золотая орнаментальная пластина и керамический горшок с гребенчатым орнаментом // Хух-Хото вэньу. 1987. Вып. 1. (на кит. яз.)

Yuan Ping. Xianbei jin shipan ji biwen taoguan [原平. 鲜卑金饰牌及篦纹陶罐]. Xianbei golden ornament plaque and earthenware pot with comb-impressions. *Huhehaote wenwu*, 1987, iss. 1. (in Chin.)

Материал поступил в редколлегию

Received

29.01.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Варенов Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Гуманитарного института НГУ (ул. Пирогова 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Andrey V. Varenov, Candidate of Science (History), Associate Professor, Chair of Oriental Studies, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

avvarenov@mail.ru

УДК 903.27(510.2)

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-51-60

О семантике основного сюжета на писаницах Хуашань (Гуанси-Чжуанский автономный район, Китай)

М. А. Кудинова¹, Д. В. Черемисин², С. А. Комиссаров^{2,3}

¹ Пекинский университет

Пекин, Китай

² Институт археологии и этнографии СО РАН

³ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Аннотация

В статье представлена авторская интерпретация семантики главного сюжета на писаницах Хуашань (Гуанси, Китай) – изображения человека «в позе лягушки», с расставленными в стороны ногами и поднятыми ладонями вверх руками, попирающего животное. Многочисленные аналогии ему, прослеженные в наскальном искусстве других районов Евразии, очевидно, носят типологический характер. Фигуры адорантов свидетельствуют о том, что в основе сюжета лежит архаичный космогенетический миф об отделении неба от земли. Но видовое определение животного, на котором стоит антропоморфный персонаж, позволяет уточнить семантику всего сюжета. Тщательное визуальное изучение рисунков в ходе посещения писаниц Хуашань в 2018 г. позволило определить зооморфный персонаж как собаку – и связать сюжет в целом с мифологией предков местного населения, народа чжуанов, у которых собака играла важную роль в ритуалах. Она была также чудесной помощницей божества грома (Лэй-гуна). На правомерность такой трактовки указывают изображения барабанов, входящих в состав основного сюжета, поскольку барабан был одним из атрибутов бога-громовика.

Ключевые слова

писаницы Хуашань, семантика, образ небесного пса, божество грома (Лэй-гун)

Благодарности

Авторы выражают признательность Тан Чуну, профессору Китайского университета Гонконга; Се Гуанмао, главному научному сотруднику Института археологии и памятников материальной культуры Гуанси, Чжу Цюпину, директору Центра по изучению и сохранению наскальных рисунков; и всем китайским коллегам, оказавшим содействие в изучении петроглифов Хуашань.

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00557.

Для цитирования

Кудинова М. А., Черемисин Д. В., Комиссаров С. А. О семантике основного сюжета на писаницах Хуашань (Гуанси-Чжуанский автономный район, Китай) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 4: Востоковедение. С. 51–60. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-51-60

Semantics of the main scene in Huashan rock-paintings (Guangxi-Zhuang autonomous region, China)

M. A. Kudinova¹, D. V. Cheremisin², S. A. Komissarov^{2,3}

¹ Peking University

Beijing, China

² Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

³ Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The article presents the authors' interpretation of semantics of the main plot presented in the Huashan rock-paintings (Guangxi-Zhuang autonomous region), the largest site of rock-art in China. This «main plot» comprises of an anthropomorphic figure depicted in the «frog's position», with legs set aside and palms turned up, trampling an animal,

as a rule, in the company of other adorning figures. Many analogies of this image were traced in rock-art of different regions of Eurasia (from the rocks of Mongolian Altai – up to the mountains of Armenia); they obviously had a typological character. Figures of adorants indicate the basic, quiet ancient cosmo-genetic myth about division of Heaven from Earth. However, the species definition of the animal on which the anthropomorphic character sets foot makes it possible to define the semantics of the entire plot. Careful visual investigation of the pictures obtained by the authors during their visit to the Huashan rock-paintings in 2018 allows to determine the zoomorphic character as that of a dog and to connect the plot with mythology of the Zhuang people. A dog played a very important role in the ritual life of the Zhuangs whose direct ancestors created the picture gallery of Huashan. According to local myths, a dog also acted as «a wonderful assistant» to the thunder deity (Lei-gong). This interpretation is based also on the pictures of the upper part (tympanum) of bronze drums with a star ornament in the center given in one complex with the main plot as the drums were treated as one of the attributes of the thunder deity. From an archaeological point of view, depictions of bronze drums connect the creators of Huashan paintings with the Dongshong-Dian civilization – a complex multi-ethnic community which dominated in South China and North Vietnam in the Early Iron age (approximately VIII century BC – III century AD).

Keywords

Huashan rock-paintings, semantics, image of the Celestial Dog, deity of thunder (Lei-gong)

Acknowledgements

The authors would like to express their gratitude for the help in investigations of the Huashan rock-paintings they had received from Tang Chung, Professor of the Chinese University of Hong Kong; Xie Guangmao, top researcher of the Institute of Archaeology and Cultural Relics of Guangxi; Zhu Qiuping, director of the Center for investigation and preservation of rock-paintings; and other Chinese colleagues.

This paper was made possible with the financial support of the RFBR, project No. 18-09-00557.

For citation

Kudinova M. A., Cheremisin D. V., Komissarov S. A. Semantics of the Main Scene of Huashan Rock-Paintings (Guangxi-Zhuang Autonomous Region, China). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 4: Oriental Studies, p. 51–60. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-51-60

Введение

Интерпретационные стратегии современного петроглифоведения в качестве объясняющего «текста», в рамках которого предложены наиболее убедительные прочтения семантики сюжетов наскального искусства, связаны с ориентацией на миф как мировоззренческую основу, питающую всю ритуальную сферу древних обществ, к которой относится и искусство (см.: [Шер, 1980. С. 259–287]). Очень часто базовые мифологемы воспроизводились в образе различных животных, которые соответствовали тем или иным функциям; в то же время, набор конкретных животных (если удавалось их распознать) в составе композиции мог иметь локальный или даже этнокультурный характер. Дополнительным указанием на мифоритуальный характер произведений наскального творчества может служить появление в единой композиции со звериными образами антропоморфных фигур, поскольку объектом мифологического осмысления и фиксации чаще всего является сам человек.

Анализируя корпус петроглифов Северной Евразии, Е. Г. и М. А. Дэвлет предложили ряд прочтений основных сюжетов и образов наскального искусства на основе мифов, легенд, этнографических и исторических сведений о ритуалах населения Евразии в ретроспективе от каменного века до этнографической современности. Исследовательницами были определены композиции, отражающие мифы о творении, «космической погоне», «священном браке», великанах и «женщинах-прародительницах», хозяйках зверей, о шаманском даре, «людях-мухоморах», «солнцеголовых» и «солнцорогих» существах, о божествах и предках, путях в иной мир и т. п. [Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А., 2005].

Обзор материалов

К числу таких устойчивых композиций можно отнести антропоморфную фигуру адоранта, попирающего некоего зверя (видовая принадлежность которого не всегда ясна); подобные изображения известны на обширной территории на протяжении большей части эпохи палеометалла.

В свое время мы предприняли первые попытки анализа этого сюжета, выявленного в составе писаниц Хуашань в Южном Китае, с привлечением аналогичных материалов из Южной Сибири [Комиссаров и др., 2005]. Позднее О. С. Советова включила данный сюжет в качестве одного из вариантов иконографической схемы «божество на животном», приведя обширные сравнительные данные в составе древностей из Передней и Центральной Азии [Советова, 2009; Sovetova, 2010]. Исследовательница привлекла для интерпретации сюжета широкий круг изобразительных аналогий, отталкиваясь от материалов южно-сибирских петроглифов.

Так, она указала на серию изображений антропоморфных персонажей, стоящих на животных, в том числе на быках и на хищниках, в петроглифах Среднего Енисея эпохи поздней бронзы и раннего железного века (тагарской культуры). Подобные сцены открыты Е. А. Миклашевич среди петроглифов Сыдинской писаницы; также они обнаружены среди изображений Оглахты [Советова, 2005. Рис. 14], горы Кедровой [Семенов и др., 2000. Табл. 11, группа 10], на плите, использованной в конструкции тесинского склепа Барсучиха I, на скалах Шалаболино [Пяткин, Мартынов, 1985. Рис. 168, табл. 39: 4, 5] и др. Очевидно, этот сюжет «доживает» практически до наших дней, судя по опубликованным Л. Р. Кызласовым и Н. В. Леонтьевым этнографическим, «народным» рисункам хакасов [Кызласов, Леонтьев, 1980. Табл. 28–83, 84; 34; 39].

Кроме того, структурно сходный сюжет выявлен и среди петроглифов сопредельных территорий Средней и Центральной Азии. Так, в сцене охоты, изображенной на скалах Ешкильмеса (Притяньшанье), антропоморфная фигура с широко расставленными руками стоит на спине оленя [Байпаков и др., 2005. Рис. 85]. Среди петроглифов Тамгалы известны солнцеголовые существа, изображенные стоящими на спинах быков [Рогожинский, 2001; 2011. С. 188, рис. 151; Марьяшев, Горячев, 2002. Фото 4] и других животных. В урочище Арпаузен антропоморфные фигуры с поднятыми вверх или раскинутыми руками стоят на спинах двугорбых верблюдов. У одной из них обозначены пальцы, а на поясе подвешен какой-то небольшой предмет (кинжал?). Эти композиции датируются эпохой бронзы [Кадырбаев, Марьяшев, 2007. Фото на с. 161, 165]. Имеется аналогичная сцена и среди поздних рисунков казахов [Там же. Фото на с. 173].

Подобные сюжеты встречаются и среди петроглифов Центральной Азии (Монгольский Алтай), где они также датируются эпохой бронзы. Например, в многофигурной сцене из Бага-Ойгор IV в центре композиции антропоморфные фигуры расположены на спине быка [Jacobson et al., 2001. Taf. 1212], а также на кошачьем хищнике и каких-то иных животных [Там же. Taf. 1195]. Аналогии выявлены в наскальном искусстве предгорий Дагестана [Марковин, 2006. Рис. 5; 87], в горах Армении (Гегам, эпоха бронзы) [Мартиросян, 1981, Рис. 261].

Интерпретируя петроглифы Енисея, О. С. Советова приводит сведения о том, что многие древневосточные божества нередко запечатлены стоящими на спинах хищных животных: на тиграх в рельефах Язылкая, на львах в рельефах Адылджеваз (Урарту) и др. Она полагает, что уже с эпохи бронзы сюжет «божество, стоящее на животном» становится каноническим в искусстве многих народов Ближнего Востока, активно тиражируется и в конечном итоге переносится на огромные расстояния, находя воплощение в наскальном искусстве Южной Сибири и Китая, «пусть уже в несколько переработанном, но достаточно канонизированном виде» [Советова, 2009; Sovetova, 2010].

Исследование

Структурно-композиционное единство всех перечисленных выше изображений сомнений не вызывает. Вместе с тем, анализ деталей в ряде случаев позволяет связать их с конкретным мифологическим текстом. В этом отношении богатый «материал для размышления» был получен на уже упоминавшейся ранее писанице Хуашань (Гуанси-Чжуанский автономный район, КНР) – во-первых, потому что описанный сюжет является доминирующим среди композиций этой самой большой писаницы Китая; и, во-вторых, авторам удалось непосредственно

провести осмотр этого памятника и собрать необходимый фотоматериал в ходе научной командировки на объект в 2018 г. [Комиссаров и др., 2018].

Непосредственный осмотр наскальных рисунков и изучение исследовательской литературы позволяют, на наш взгляд, представить вариант решения одной из главных дискуссионных проблем, определяющих семантическую трактовку писаниц: интерпретацию наиболее распространенной композиции, занимающей центральное положение на большинстве местонахождений. Это фигура антропоморфного персонажа в характерной позе: с широко расставленными и согнутыми в коленях ногами, поднятыми руками (нередко с мечом или ножом в руке), часто (но не обязательно) стоящего на спине какого-то животного. Еще одно животное может помещаться над антропоморфной фигурой или сбоку от нее. Рядом также обычно нарисованы тимпаны бронзовых барабанов, украшенные звездой по центру¹. Вокруг центрального персонажа, показанного всегда в анфас, располагаются другие антропоморфы, изображенные анфас или в профиль (рис. 1; 2).

Уже высказывавшиеся в литературе варианты трактовок этой сцены весьма разнообразны: всадник на лошади – предок, герой или божество [Ван Кэжун и др., 1988. С. 196–197]; герой, попирающий хищника [Черемисин и др., 2005]; ритуальное жертвоприношение животного [Цинь Шэнминь и др., 1987. С. 170]. Кроме того, есть еще мнение Я. Н. Лукашевской, согласно которому «фигуры с поднятыми вверх руками, с большими открытыми ладонями вызывают к небесным светилам, показанным кругами и точками» (при этом долина р. Цзоцзян почему-то была отнесена исследовательницей к среднему течению Янцзы)².

Характерная поза как центрального персонажа, так и его «свиты» (так называемая поза лягушки) связана с космогоническим мифом об отделении неба от земли, очень архаичного и, соответственно, универсального³ – от Древнего Египта до аборигенов Австралии [Евсюков, 1988. С. 34–47]. Более конкретная интерпретация этой сцены, с возможным этнокультурным прочтением, во многом опирается в «видовое определение» животного, изображенного рядом с «человеком». По нашему мнению, благодаря некоторым характерным деталям (форма морды и ушей, загнутый хвост и т. д.) эти животные могут быть идентифицированы как собаки⁴.

Изображение на петроглифах данного района именно собаки представляется вполне логичным. Собака – одно из тотемных животных чжуанов, с предками которых связывается создание этих петроглифов. Считалось, что именно собака поднялась на небо и впервые принесла с небесных полей людям зерна риса на своем хвосте. В то же время, предкам чжуанов собака служила и жертвенным животным, которое убивали в случае смерти родителей, чтобы она сопровождала их в загробный мир, а также во время засухи, когда просили о ниспослании дождя. Современные чжуаны, живущие в бассейне р. Цзоцзян, во время празднования Нового года делают соломенные фигурки собак и устанавливают их у входа в деревню для защиты поселения от злых сил [Цинь Лидань и др., 2015. С. 125]. В некоторых случаях статуи собак высекают из камня. Подобные изображения были зафиксированы нами в чжуанских деревнях района Юцзян уездов Тяньдун и Тяньян городского округа Байсэ Гуанси-Чжуанского автономного района (рис. 3).

¹ Подобные инструменты (с относительно простым узором) чаще всего встречаются именно на территории Гуанси и датируются, как правило, I–II вв. н. э. Их присутствие в комплексе обычно маркирует принадлежность памятника к донгшонгско-дяньской цивилизации, которая возникла на пересечении нескольких этнокультурных традиций на территории Южного Китая – Северного Вьетнама в раннем железном веке (см.: [Комиссаров, Азаренко, 2015]).

² Лукашевская Я. Н. Искусство и ритуал в петроглифах Южного Китая // На сайте Археология.Ру – Открытая б-ка им. В. В. Еременко. URL: http://www.archaeology.ru/Download/Lukashewskaya/Lukashewskaya_Ritual.pdf (дата обращения 01.12.2018).

³ Еще одним указанием на древность сюжета может служить трехпалость некоторых персонажей (хотя рядом с ними нарисованы фигуры с «нормальными» ладонями с растопыренными пятью пальцами).

⁴ Судя по ряду последних публикаций, собаки изображались на скалах (и стелах) гораздо чаще, чем мы считали ранее; в частности, они успешно заменяли кошачьего хищника в сценах терзания (см.: [Варенов, 2018. С. 23–25]).

Рис. 1. Композиция с «основным сюжетом» писаниц Хуашань.
Фото Д. В. Черемисина, октябрь 2018 г.

Fig. 1. Composition with «main plot» of Huashan rock-paintings.
Photo by D.V. Cheremisin, October of 2018

Рис. 2. Писаницы Хуашань, фрагмент росписи с фигурами адорантов.
Фото Д. В. Черемисина, октябрь 2018 г.

Fig. 2. Huashan rock-paintings, details of picture with figures in pose of adoration.
Photo by D. V. Cheremisin, October of 2018

Рис. 3. Каменные собаки на деревенской улочке. Уезд Тяньян городского округа Байсэ Гуанси-Чжуанского автономного района. Фото М. А. Кудиновой, октябрь 2018 г.

Fig. 3. Stone dogs on the village street. Tianyang county, Baise city prefecture, Guangxi-Zhuang autonomous region. Photo by M.A. Kudinova, October of 2018

Рис. 4. Бронзовый барабан с орнаментом грозовых облаков (юньлэйвэнь), период Восточная Хань (25–220 гг.). Коллекция Антропологического музея Гуанси-Чжуанского автономного района (№ 101). Фото М. А. Кудиновой, октябрь 2018 г.

Fig. 4. Bronze drum with «thunderclouds» ornament (*yunleiwén*), period of Eastern Han (23–220 BC). Photo by M. A. Kudinova, October of 2018

Также в мифологии народов Южного Китая собака тесно связана с божеством грома, который в китайских источниках называется Лэй-ван / Лэй-гун («Князь грома»). Это – один из наиболее могущественных и почитаемых (прежде всего, как управитель дождя, водной стихии и плодородия) персонажей в мифологии чжуанов, а бронзовый барабан, присутствующий и на петроглифах, – его (бога грома) неперенный атрибут. Барабаны нередко покрывали так называемым орнаментом «грозовых облаков» (*юньлэйвэнь*). В одном из средневековых источников («Гуандун синьйюй»⁵) так и говорится: «Гром – небесный барабан» (цит. по: [Ли Фуцян, 2015. С. 299]). Звезда в центре тимпана также могла символизировать связь инструмента с верхним миром (рис. 4). Заметим, однако, что семантика бронзовых барабанов весьма сложна. Возможно, барабаны здесь указывают на высокий статус изображенного персонажа (предка-вождя) или же являются необходимым элементом ритуала.

Заключение

Таким образом, по нашему мнению, вся сцена представляет собой определенное ритуальное действие, в ходе которого совершалось жертвоприношение собаки. Антропоморфный персонаж – тот, кто совершает ритуал, либо объект, которому предназначена жертва (обоженственный предок, божество реки или грома). Дальнейшее изучение этнографических и фольклорных материалов чжуанов позволит уточнить предложенную интерпретацию.

Список литературы / References

- Байпаков К. М., Марьяшев А. Н., Потапов С. А., Горячев А. А.** Петроглифы в горах Еш-киольмес. Алматы: OST-XXI век, 2005. 226 с.
Vajpakov K. M., Mar'jashev A. N., Potapov S. A., Gorjachev A. A. The Eshkiolmes Rocks Petroglyphs. Almaty, OST-XXI vek, 2005, 226 p. (in Russ.)
- Варенов А. В.** Петроглифы «в стиле оленных камней» и «демонические псы» из Китая // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 10: Востоковедение. С. 9–29. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-9-29
Varenov A. V. “Stag stone style” petroglyphs and “demonic dogs” from China. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 10: Oriental Studies, p. 9–29. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-9-29
- Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А.** Мифы в камне: Мир наскального искусства России. М.: Алетейя, 2005. 472 с.
Devlet E. G., Devlet M. A. Myths in stone: World of Rock Art of Russia. Moscow, Aleteja, 2005, 472 p. (in Russ.)
- Евсюков В. В.** Мифология китайского неолита: по материалам росписи на керамики культуры Яншао. Новосибирск: Наука, 1988. 128 с.
Evsjukov V. V. Mythology of China's Neolithic Age. After the patterns of Yangshao Culture's ceramics. Novosibirsk, «Nauka» Publishing house, 1988. 128 p. (in Russ.)
- Комиссаров С. А., Азаренко Ю. А.** Донгшонские памятники Гонконга // Развитие территорий. 2015. № 1. С. 13–16.
Komissarov S. A., Azarenko Ju. A. Dongshonsk monuments of Hong Kong. *Territory Development*, 2015, No. 1, p. 13–16. (in Russ.)
- Комиссаров С. А., Черемисин Д. В., Астрелина И. В.** Об одном сюжете на писаницах Южного Китая // Мир наскального искусства. М.: Изд-во ИА РАН, 2005. С. 129–132.
Komissarov S. A., Cheremisin D. V., Astrelina I. P. Ob odnom sjuzhete na pisanicah Juzhnogo Kitaja [About one plot on rock-paintings]. In *Mir naskal'nogo iskusstva [The world of rock-art]*, Moscow, Institute of Archaeology of RAS, 2005, p. 129–132. (in Russ.)

⁵ «Гуандун синьйюй» («Новые речения о Гуандуне» – книга в 28 цзюанях, составленная в жанре *бицзи* Цюй Дацзюнем (1630–1696), известным южно-китайским литератором и каллиграфом, участником антицинского сопротивления. См.: Цюй Дацзюнь [屈大均] // Электрон. энциклопедия «Байкэ» [百科]. URL: <https://baike.baidu.com/item/屈大均/1447428?fr=aladdin> (дата обращения 10.12.2018).

- Комиссаров С. А., Черемисин Д. В., Кудинова М. А.** Самая большая писаница Китая // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. 2. С. 367–369.
- Komissarov S.A., Cheremisin D.V., Kudinova M.A.** The Largest Rock-Art Gallery in China. In *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziiskoi arkheologii: sbornik nauchnykh statei [Modern decision of Eurasian archaeology's actual problems]*. Barnaul, Altai Univ. Press, 2018, iss. 2, p. 367–369 (in Russ.).
- Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В.** Народные рисунки хакасов. М.: Наука, 1980. 177 с.
- Kyzlasov L.R., Leont'ev N.V.** Narodnye risunki hakasov [Folk drawings of Khakass people]. Moscow, «Nauka» Publishing house, 1980, 177 p. (in Russ.)
- Марковин В. И.** Наскальные изображения предгорий Дагестана. М.: Наука, 2006. 210 с.
- Markovin V.I.** Naskal'nye izobrazhenija predgorij Dagestana [Rock-paintings of Dagestan foothills]. Moscow, «Nauka» Publishing house, 2006, 210 p. (in Russ.)
- Мартиросян А. А.** Наскальные изображения Гегамских гор. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1981. 124 с.
- Martirosjan A.A.** Naskal'nye izobrazhenija Gegamskih gor [Rock-paintings of Gegam mountains]. Yerevan, Academy of Sciences of Armenian SSR publishing house, 1981, 124 p. (in Russ.)
- Пяткин Б. Н., Мартынов А. И.** Шалаболинские петроглифы. Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та, 1985. 188 с.
- Pjatkın B.N., Martynov A.I.** Shalabolinskie petroglify [Shalabolinsk petroglyphs]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk University publisher, 1985, 188 p. (in Russ.)
- Семенов В. А., Килуновская М. Е., Красниенко С. В., Субботин А. В.** Петроглифы Каратага и горы Кедровой (Шарыповский район Красноярского края). СПб.: ИИМК РАН, 2000. 66 с.
- Semenov V.A., Kilunovskaja M.E., Krasnienko S.V., Subbotin A.V.** Petroglify Karataga i gory Kedrovoy (Sharypovskij rajon Krasnojarskogo kraja) [Petroglyphs of Karatag and Cedar Mountain (Sharypovo district of Krasnoyarsk region)]. St.-Petersburg, ИИМК RAS, 2000. 66 p. (in Russ.)
- Советова О. С.** Петроглифы тагарской эпохи на Енисее: (Сюжеты и образы). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 140 с.
- Sovetova O.S.** Petroglify tagarskoj jepohi na Enisee: (Sjuzhety i obrazy) [Tagar epoch petroglyphs on Yenisei: (Plots and images)]. Novosibirsk, IAET SB RAS Publishing house, 2005, 140 p. (in Russ.)
- Советова О. С.** К проблеме интерпретации петроглифов Семиречья // Homo eurasicus: У врат искусства: Окладниковские чтения. СПб.: Астерион, 2009. С. 24–29.
- Sovetova O.S.** K probleme interpretacii petroglifov Semirech'ja [On the problem of interpretation of Semirechye petroglyphs]. Homo eurasicus: U vrat iskusstva: Okladnikovskie chteniya [Eurasian man: At the gate of art: Session in honor of Okladnikov]. St.-Petersburg, Asterion publisher, 2009, p. 24–29. (in Russ.)
- Рогожинский А. Е.** Изобразительный ряд петроглифов эпохи бронзы святилища Тамгалы // История и археология Семиречья (г. Алматы). 2001. № 2. С. 7–44.
- Rogozhinskij A.E.** Izobrazitel'nyj rjad petroglifov jepohi bronzy svjatilishha Tamgaly [Pictorial row of Bronze epoch petroglyphs at Tamgaly shrine], History and archaeology of Semirechye, 2001, No. 2, p. 7–44 (in Russ.)
- Рогожинский А. Е.** Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы = Petroglyphs within archaeological landscape of Tamgaly. Алматы: Signet Print, 2011. 342 с.
- Rogozhinsky A.E.** Petroglyphs within archaeological landscape of Tamgaly. Almaty, Signet Print, 2011, 342 p. (in Russ. and Engl.)
- Черемисин Д. В., Астрелина И. В., Комиссаров С. А.** Петроглифы Южного Китая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2005. Т. 4, вып. 3: Востоковедение. С. 14–21.
- Cheremisin D.V., Astrelina I.V., Komissarov S.A.** Petroglify Juzhnogo Kitaja [Petroglyphs of Southern China], *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2005, vol. 4, no. 3: Oriental Studies, p. 14–21. (in Russ.)
- Шер Я. А.** Петроглифы – древнейший изобразительный фольклор // Тропой тысячелетий: К юбилею М. А. Дзвлет. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 28–30.
- Sher Ya.A.** Petroglify – drevneishii izobrazitel'nyi fol'klor [Petroglyphs – the most ancient figurative folklore], Тропой tusyacheletii: K jubileyu M.A. Devlet [On the Path of Millenniums: For the jubilee of M.A. Devlet], Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2008, p. 28–30. (in Russ.)

- Jacobson E., Kubarev V., Tseevondorj D.** Mongolie du Nord-Ouest Tsagaan Salaa/Baga Oigor. Paris: De Boccard. 2001. 132 p.+346 taf.+399 photogr. (Repertoire des petroglyphes D'Asie Centrale; fasc. N 6).
- Qin Shengmin, Qin Cailuan, Lu Minfei, Yu Ruyu.** The investigation and study of the rock art of the Zuojiang River valley in Guangxi. Nanning, Guangxi Publishing House for Nationalities, 1987. 258 p.
- Sovetova O. S.** Theme of «a God on an Animal» in Rock Art // Proceedings of the ICEA 2010 Tire 2-nd International Congress of Eurasian Archaeology: East Anatolian and Caucasian Bronze Age Cultures. Tire: Inst. of Anatolia & Eurasia, 2010. P. 54–55.
- Ван Кэжун, Цю Чжунлунь, Чэнь Юаньчжан.** Гуанси цзоцзян яньхуа [王克荣、邱钟仑、陈远璋。广西左江岩画]。Петроглифы [долины] р. Цзоцзян, Гуанси. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1988. 250 с., 16 ил. (на кит. яз.)
- Wang Kerong, Qiu Zhonglun, Chen Yuanzhang.** Guangxi zuojiang yanhua [王克荣、邱钟仑、陈远璋。广西左江岩画]。Petroglyphs in Zuojiang River valley of Guangxi. Beijing, Wenwu chubanshe, 1988, 250 p., 16 il. (in Chin.)
- Ли Фуцянь.** Лоюэжэньдэ лиши юй вэньхуа сису яньцзю [李富强。骆越人的历史与文化习俗研究]。Исследование исторических и культурных традиций лоюэ // Цзоцзян хуашань яньхуа яньцзю баогао цзи [左江花山岩画研究报告集]。Сборник исследовательских докладов о петроглифах Хуашань [в долине] р. Цзоцзян. Наньнин: Гуанси кэсюэ цзишу чубаньшэ, 2015. Т. 2. С. 203–310. (на кит. яз.)
- Li Fuqiang.** Luoyuerende lishi yu wenhua xixu yanjiu [李富强。骆越人的历史与文化习俗研究]。Investigation of luoyue people's historical and cultural traditions]. *Zuojiang huashan yanhua yanjiu baogaoji* [左江花山岩画研究报告集]。A collection of research reports on Huashan petroglyphs in the Zuojiang River valley, Nanning, Guangxi jishu chubanshe, 2015, vol. 2, p. 203–310. (in Chin.)
- Цинь Лидань, Фу Гуанхуа, Цинь Цайлуань, Вэй Шичунь.** Гуанси хуашань яньхуа вэньхуа шэхуй хуаньцзин яньцзю [覃丽丹、付广华、覃彩銮、韦石纯。广西华山岩画文化社会环境研究]。Исследование общественного контекста культуры петроглифов Хуашань в Гуанси // Цзоцзян хуашань яньхуа яньцзю баогао цзи [左江花山岩画研究报告集]。Сборник исследовательских докладов о петроглифах Хуашань [в долине] р. Цзоцзян. Наньнин: Гуанси кэсюэ цзишу чубаньшэ, 2015. Т. 1. С. 1–186. (на кит. яз.)
- Qin Lidan, Fu Guanghua, Qin Cailuan, Wei Shichun.** Guangxi huashan yanhua wenhua shehui huanjing yanjiu [覃丽丹、付广华、覃彩銮、韦石纯。广西华山岩画文化社会环境研究]。Investigation of social context of Huashan petroglyphs' culture in Guangxi. *Zuojiang huashan yanhua yanjiu baogaoji* [左江花山岩画研究报告集]。A collection of research reports on Huashan petroglyphs in the Zuojiang River valley, Nanning, Guangxi jishu chubanshe, 2015, vol. 1, p. 1–186. (in Chin.)
- Цинь Шэнминь, Цинь Цайлуань, Лу Миньфэй, Юй Жуюй.** Гуанси цзоцзян лююй ябихуа каоча юй яньцзю [覃圣敏、覃彩銮、卢敏飞、喻如玉。广西左江流域崖壁画考察与研究]。Обследование и изучение наскального искусства в бассейне реки Цзоцзян в Гуанси. Наньнин: Гуанси миныйцзу чубаньшэ, 1987. 258 с., 32+125 ил. (на кит. яз.)
- Qin Shenmin, Qin Cailuan, Lu Minfei, Yu Ruyu.** Guangxi zuojiang liuyu yabihua kaocha yu yanjiu [覃圣敏、覃彩銮、卢敏飞、喻如玉。广西左江流域崖壁画考察与研究]。Exploration and investigation of rock-painting in Zuojiang River basin, Guangxi. Nanning, Guangxi minzu chubanshe, 1987, 258 p., 32+125 il. (in Chin.)

Материал поступил в редколлегию

Received
25.12.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Кудинова Мария Андреевна, канд. ист. наук, докторант Пекинского университета (Пекин, Китай)

Maria A. Kudinova, Candidate of Science (History), doctoral student of Peking University (Beijing, China)

maria-kudinova@yandex.ru

Черемисин Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)

Dmitry V. Cheremisin, Candidate of Science (History), senior research associate of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of Russian Academy of Science (17 Acad. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

topsy@bk.ru

Комиссаров Сергей Александрович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, доцент кафедры востоковедения ГИ НГУ (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Sergey A. Komissarov, Cand. of Science (History), senior research associate of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of Russian Academy of Science, associated professor of the Chair of Oriental Studies, Humanitarian Institute, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

sergai@mail.ru

УДК 94(510):008 + 7.03(510)
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-61-74

«Царственный аромат» в культуре Восточной Азии: виды, свойства и особенности агаровых деревьев

Е. Э. Войтишек

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Аннотация

В процессе изучения особенностей функционирования ценнейшего агарового дерева в культуре Восточной Азии были рассмотрены свойства его ароматической древесины, а также факторы, способствующие ее образованию. На основе авторитетных китайских и японских письменных источников древности и современности, артефактов и материалов из азиатских музеев и арт-галерей проанализированы основные виды агаровых деревьев. Особую актуальность исследованию придает анализ различных видов агаровой древесины и особенностей ее классификаций, известных среди музейных экспертов и коллекционеров многих стран Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии. Приведены основные критерии и методики оценки ароматической древесины аквиларии, издавна используемой в восточной медицине, бытовой культуре и искусстве азиатских народов. Изучение различных аспектов функционирования агаровой древесины в культуре Азии неизбежно выводит на проблему ее хищнической добычи и необходимость восстановительного выращивания этих ценных деревьев с целью выравнивания экологического баланса в регионе.

Ключевые слова

ароматическая культура, Восточная Азия, агаровое дерево, *Aquilaria*, ароматическая смола, *кинам*, классификация агаровых деревьев, восточная медицина

Благодарности

Автор выражает глубокую признательность господину Полу Кану, директору музея Imperial Museum и института Agarwood Institute в Гонконге, его сотрудникам Альфреду Хо и Синтии Кан за неоднократную возможность работать с редкими материалами и артефактами из коллекций музея, а также за ценные консультации. Автор также выражает большую благодарность сотрудникам компаний буддийской атрибутики и благовоний «Lee Yat Kee Wing» и «Lee Joss Stics Sandal Wood Co.» (Гонконг) за внимательное отношение и полезные рекомендации в изучении ароматической культуры Китая. Отдельную благодарность хочется выразить г. Хата Масатака, президенту компании “Shoyeido Incense Co.” (Киото), и всем сотрудникам за многолетние консультации и ценные материалы в изучении искусства ароматов в Японии.

Для цитирования

Войтишек Е. Э. «Царственный аромат» в культуре Восточной Азии: виды, свойства и особенности агаровых деревьев // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 4: Востоковедение. С. 61–74. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-61-74

The “Imperial Fragrance” of East Asian Culture: Types, Properties and Features of the Agarwood Tree

E. E. Voytishchek

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

During the course of the study which focused on the unique features of the agarwood tree used in East Asian culture, the properties of the aromatic agarwood product as well as contributing factors to its formation were considered. The key types of agarwood trees were analyzed based on a wide range of sources including authoritative Chinese and Japanese written sources both in antiquity as well as modern works, and artifacts and materials from Asian museums and art galleries. What gives this study particular relevance today is its analysis of the various types of agarwood trees

© Е. Э. Войтишек, 2019

and the unique features of their current classifications, which has so far been widely known primarily only among museum experts and collectors in countries of South, East and Southeast Asia.

From a historical context regarding the development of Asian incense culture, various properties of fragrant wood were considered (mainly these were the *Aquilaria* species of the Thymelaeaceae tree family, including *aquilaria sinensis*, *aquilaria agallocha* and *aquilaria crassna*). The main criteria and methods used for assessing the aromatic wood were identical to those long used in oriental medicine, everyday culture, folklore and art of the Asian people. Special attention is given to the analysis of the properties, varieties and classification of the finest type of agarwood tree called “kinam” native to South and Southeast Asia.

The study of various aspects of the use of aromatic agarwood in oriental medicine and Asian culture inevitably leads to the significant issue of predatory extraction of agarwood, creating a crucial need for regenerative cultivation of these valuable trees to upkeep the ecological balance in the region.

Keywords

incense culture, East Asia, agarwood tree, *Aquilaria*, aromatic resin, kinam, classification of agarwood trees, oriental medicine

Acknowledgements

The author would like to express their deep gratitude to Mr. Paul Kan, Director of the Imperial Museum and the Agarwood Institute in Hong Kong, and his fellow colleagues including Alfred Ho and Synthia Kan for the numerous opportunities to work with rare materials and artifacts from the museum's collections, as well as their valuable insights. The author also expresses their gratefulness to the employees of the Buddhist materials and incense companies “Lee Yat Kee Wing” and “Lee Joss Stics Sandal Wood Co.” (Hong Kong) for their attentive attitude and helpful recommendations during the course of research of Chinese incense culture. A very special, separate note of appreciation goes out to Mr. Hata Masataka, President of “Shoyeido Incense Co.” (Kyoto), and all his staff for many years of consultations and valuable resources during the course of study of the incense art in Japan.

For citation

Voytishchik E. E. The “Imperial Fragrance” of East Asian Culture: Types, Properties and Features of the Agarwood Tree. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 4: Oriental Studies, p. 61–74. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-61-74

Центральное место в культуре ароматов Восточной Азии (香文化), известной также и в странах Юго-Восточной Азии с глубокой древности, по праву занимает благоухающая древесина агаровых деревьев, обладающая целым спектром важнейших характеристик, обеспечивавших ее повсеместное использование как в религиозных ритуалах и культовых практиках, так и в бытовых, санитарно-гигиенических, лечебных целях.

Ввиду своих поистине редкостных качеств и ценных ароматических свойств агаровое дерево заслужило эпитет «короля ароматов» и даже «божества ароматов», тем более, что долгое время только правители и высшая аристократия имели доступ к привилегиям обладания и использования агаровой древесины (неслучайно ее возжигали во время ритуалов, сопутствующих восхождению императора на трон, тем самым подтверждая волю небес).

Пропитанные энергией солнца, мощные стволы этих деревьев обычно значительно превышают по высоте остальные растения в лесу. Получив повреждение из-за удара молнии или испытав воздействие какой-либо инфекции, эти деревья для самовосстановления вырабатывают особый вид ароматической смолы, которая, постепенно проникая в древесину, по истечении чрезвычайно долгого времени превращается в драгоценный фимиам. Запах большинства агаровых деревьев обычно скрыт, он практически не чувствуется. Богатый аромат проявляется и долго сохраняется только при возжигании древесины.

Поскольку благоухающая древесина и масло (смола) агарового дерева широко использовались в культуре четырех древних цивилизаций (Индии, Древнего Египта, Вавилона и Китая), оно известно под десятками разных названий, некоторые из которых прочно закрепились во многих священных текстах (например, алоэ в «Ветхом завете»). На санскрите это понятие звучит как *aguru* (кит. 阿伽楼 *ацзялоу*), арабы его называют *oud*, персы – *'ūd*, а индонезийцы *gaharu*. В Восточной Азии оно известно как «тонущий [в воде] аромат» – 沉香 (кит. *чэнсян*, кор. *чимхян*, яп. *дзинко*:), а сами китайцы его называют еще 沉水香 *чэньшуйсян*, 水沉香 *шуйчэнсян* и др. Вследствие его многочисленных названий, принятых в англоязычной литературе (*agarwood*, *agar*, *aloewood*, *aloes*, *aloe*, *eaglewood* и др.), на русском языке можно

встретить самые разные определения: «аквилярия», «алойное дерево», «алозэ», «орлиное дерево», «каламбак», «райское дерево», «слепое дерево», «удовое дерево» и многие другие [Войтишек, 2016. С. 66–67].

Обратимся к анализу основных свойств агаровой древесины и смолы.

Формирование ароматической агаровой смолы

Если рассмотреть ствол агарового дерева в разрезе, то можно увидеть следующее. Внешний слой образован корой, а внутреннюю часть составляет древесина, или ксилема (проводящая ткань растений), которая состоит из молодых, физиологически активных слоев светлого оттенка (заболонь) и темной сердцевины. Годовые кольца ствола отражают процесс взросления дерева год за годом в течение разных сезонов. Смола образуется в эпителиальных клетках смоляных каналов или в смоляных карманах внутри паренхимы рэя (нитеобразных паренхимных клетках) в древесине или в коре и хранится во внутренней полости [Langenheim, 2003. Р. 114–117]. Аромат алойной смолы зависит от множества факторов – таких, как тип деревьев, место произрастания, климат, а также свойства воды и почвы [Чэнь Икай, 2008. С. 14–16].

Применение агарового дерева в восточной медицине

Агаровое дерево обладает многими целебными свойствами, которые издавна входят в арсенал средств традиционной китайской фитотерапии. С появлением буддизма в Китае в эпоху Восточной Хань агаровое дерево прочно вошло в традиционную медицинскую систему. Многие поколения китайских врачей тщательно изучали его свойства и фиксировали их в сводных трудах и медицинских трактатах.

Так, считалось, что с ее помощью, без побочных эффектов, можно направлять потоки энергии *ци*, а также укреплять баланс сил *инь-ян* в организме. Ароматическая агаровая древесина воздействует комплексно: на фоне психологического умиротворения, успокоения духа происходят и физические изменения в организме. Однако в традиционной китайской медицине ее использовали не только как эффективное успокаивающее средство – с помощью ароматов аквилярии блокировали каналы и стенки кровеносных сосудов, лечили астму, респираторный дистресс-синдром, боль в желудке и др. [Сяо Юаньдин, 2013. С. 24–25].

К примеру, в «Компендиуме лекарственных веществ» (本草綱目 *Бэньцао ганьму*)¹, авторитетнейшем труде китайской фармакопеи, указаны следующие свойства агаровой древесины²: она «слегка теплая, неядовитая» (微温, 无毒 *вэй вэнь, уду*); эффективна для регуляции пяти внутренних органов³ (能调五脏 *нэн дяо у цзан*) и поддержания физических и духовных сил (益精气 и *цзинци*)⁴; «согревает поясницу и колени» (暖腰膝 *нуань яо си*); «умиротворяет дух» (清人神 *цин жэнь шэнь*); «подавляет рвоту и диарею» (止吐泻 *чжи тусе*); «излечивает паралич» (治麻痹 *чжи маби*); «снимает опухоль и удаляет яд» (消肿去毒 *сяочжун цюйду*) (цит. по: [Peace and Harmony, 2011. Р. 25]).

¹ Составлен в 1578 г. китайским врачом и ученым-естествоиспытателем Ли Шичжэнем (李时珍, 1518–1593). В 52 томах этого монументального труда проанализированы почти две тысячи растений, приведены иллюстрации и комментарии, даны более десяти тысяч рецептов, описаны методы смешивания различных лекарственных компонентов, указаны вкусы и запахи, рекомендации и противопоказания. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=本草綱目> (дата обращения 16.01.2019).

² Поскольку в китайских текстах преимущественно используется термин 沉香 *чэньсян* (букв. «тонущий аромат»), то речь может идти в целом о целебных свойствах агарового масла (смолы), самой древесины и благовоний, сделанных из нее.

³ Имеются в виду сердце, печень, селезенка, легкие и почки.

⁴ Речь идет о субстанции *ци*, действие которой в китайской медицине связывалось со всеми процессами, происходящими в организме, и отвечающей за жизненную энергию.

В современных приложениях китайской медицины агаровое масло (смола) остается важнейшим ингредиентом различных препаратов, эффективно использующихся и в лечении внутренних болезней, и при хирургическом вмешательстве. Например, его активно применяют при лечении болезней сердца, заболеваний сосудов головного мозга, стенокардии, различных сердечно-сосудистых заболеваний. Агаровые масла и смолы показаны и при болезнях дыхательных путей (астме и хроническом бронхите), при заболеваниях желудочно-кишечного тракта (гастрите, язве желудка), при неврологических расстройствах (таких, как эпилепсия), эффективны также в таких областях, как онкология, дерматология, гинекология, педиатрия и андрология [Ван Кэюань, 2005]. При этом в настоящее время китайские ученые на основании фитохимических исследований выделяют сотни новых химических соединений, идентифицированных из разновидностей агаровых деревьев, отмечая большое разнообразие их функций (включая противовоспалительное, антибактериальное, цитотоксичное воздействие)⁵.

Если в традиционной китайской медицинской теории агаровое дерево всегда ценилось за его теплые и согревающие свойства (в противовес таким качествам, как сухость и жар⁶), то, согласно современным медицинским данным, благодаря флавоноидам происходит активация ферментов, предотвращающих окисление, уменьшается воспроизводство свободных радикалов, совершенствуется иммунная система, пробуждаются защитные и репродуктивные функции организма, в целом замедляются симптомы старения [Чэнь Икай, 2008. С. 32]⁷.

Виды агаровых деревьев и их система классификации

Согласно современным представлениям ботанической науки, к агаровым относятся четыре семейства деревьев, а именно: Волчниковые, или Тимелевые (лат. *Thymelaeaceae*)⁸, Бурзеровые (лат. *Burseraceae*), Лавровые (лат. *Lauraceae*) и Молочайные, или Эуфорбиевые (лат. *Euphorbiaceae*). Деревья этих четырех семейств способны производить алойную смолу, находящуюся в самой сердцевине ствола. Под воздействием определенных внешних факторов дерево может заразиться грибом, что приводит к его патологической трансформации. В ответ на внешнюю атаку дерево начинает производить и накапливать ароматическую смолу для самолечения и самовосстановления. Будучи плотной и тяжелой, эта смола утяжеляет древесину, и та тонет в воде (именно это качество дало название данного вида ароматического дерева в китайском языке). В течение десятков и сотен лет смола и древесные волокна интегрируются в смолистую субстанцию и превращаются в ароматическую формацию (结香 *цзе сянь* или 结沉 *цзе чэнь*), источающую тонкое благоухание [Лю Лянью, 2003. С. 44–45; Чэнь Икай, 2008. С. 13].

По наблюдениям китайских исследователей, в настоящее время идентифицирован 31 вид агаровых деревьев, найденных по всему миру, включая Индонезию, Малайзию, Китай, Ин-

⁵ Shuai Wang, Zhangxin Yu, Canhong Wang, Chongming Wu, Peng Guo, Jianhe Wei. Chemical Constituents and Pharmacological Activity of Agarwood and Aquilaria Plants. *Molecules*, 2018, 23, 342; doi:10.3390/molecules23020342. URL: www.mdpi.com/journal/molecules (дата обращения 09.01.2019).

⁶ Буквально аромат агарового дерева 沉香 *чэньсянь* определялся как «теплый, но не сухой» (温而不燥 *вэнь эр бу цзао*) [Peace and Harmony, 2011. P. 25].

⁷ Что касается масла, получаемого путем экстракции из древесины агарового дерева, то медицинский отчет группы японских исследователей под руководством Окугава Х. из Института восточной медицины в Кобэ (преф. Хёго) показал, что содержащиеся в нем элементы активируют нейротрофический фактор мозга BDNF (англ. Brain-derived Neurotrophic Factor), инсулиноподобный фактор роста IGF-1 (англ. Insulin-like Growth Factor-1), фактор роста эндотелия сосудов VEGF (англ. Vascular Endothelial Growth Factor) и фактор роста эндотелия сосудов VEGF-2 (англ. Vascular Endothelial Growth Factor-2), которые сдерживают старение организма через такие долгосрочные преимущества, как повышение регенерации нервов и нервных волокон, увеличение связей между нейронами, ускоренное образование капилляров в головном мозгу и др. [Okugawa H., Ueda R., Matsumoto K., Kawanishi K., Kato A. Effect of jinkoh-eremol and agarospirol from agarwood on the central nervous system in mice. *Planta Med.* 1996, 62(1), p. 2–6. DOI: 10.1055/s-2006-957784. URL: <https://eurekamag.com/research/008/519/008519427.php> (дата обращения 09.01.2019)].

⁸ Главным образом, относящиеся к роду аквиляриевых (лат. *Aquilaria*).

дию, Филиппины, Камбоджу, Вьетнам, Лаос, Тайланд, Папуа-Новая Гвинея, Сингапур, из которых только 19 видов способны к воспроизводству агаровой смолы после физического воздействия, атак насекомых-паразитов, а также заражения грибом или бактериями [Pease and Harmony, 2011. P. 25].

Виды деревьев, способных производить ароматическую смолу

Как было уже указано, только четыре семейства агаровых деревьев способны к выработке ароматической смолы. При этом речь идет только о деревьях, чей возраст превышает 30 лет: лишь это условие дает гарантию того, что растение обладает зрелыми и хорошо развитыми каналами для продвижения смолы [Лю Лянью, 2003. С. 50–53]. Ниже перечислены эти виды.

1. Деревья семейства Волчниковых 瑞香科 *жуйсян кэ*, или Тимелеевых (лат. *Thymelaeaceae*) произрастают, главным образом, в тропических лесах Юго-Восточной Азии. Большинство этих деревьев, способных к производству агаровой смолы, относятся к роду аквиляриевых⁹ (лат. *Aquilaria*):

а) «Благовонное дерево», «слепое дерево», «аромат, вызревающий в земле» (莞香树 *гуаньсяншу*, 牙香树 *ясяншу*, 土沉香 *тучэньсян*), что соответствует научному названию «аквилярия китайская» (лат. *Aquilaria sinensis* Lour). Эти деревья в основном растут в южных районах Китая – в таких, как Юннань, Гуйчжоу, Хайнань, Гуанси и Гуандун, включая Гонконг.

б) «Дерево с медовым ароматом» 蜜香树 *мисяншу*, или «аквилярия агалоха» (лат. *Aquilaria agalohha* Roxb.). Эти деревья встречаются во Вьетнаме, Камбодже, Лаосе.

в) «Орлиное дерево» 鹰木香树 *инму сяншу*, или «аквилярия красная» (лат. *Aquilaria crassna* Pierre). Эти деревья преимущественно растут во Вьетнаме, Малайзии, Таиланде, Бирме, Индонезии, Индии, Камбодже, Лаосе.

2. Деревья семейства Бурзеровых 橄榄科 *ганьлань кэ* (лат. *Burseraceae*) могут производить агаровую смолу, произрастают в центральной части Южной Америки, то есть в районе Мексики, Бразилии и Гайаны.

3. Деревья семейства Лавровых 樟科 *чжан кэ* (лат. *Lauraceae*) способны вырабатывать агаровую смолу, произрастают тоже главным образом в центральной части Южной Америки, то есть в районе Мексики, Бразилии и Гайаны.

4. Деревья семейства Молочайных 大戟科 *дацзи кэ*, или Эуфорбиевых (лат. *Euphorbiaceae*), в основном произрастают в тропиках, например, на Тайване [Pease and Harmony, 2011. P. 30; Янь Цзинсинь, 2014. С. 107].

Факторы, способствующие формированию ароматической древесины

Причины образования ароматической субстанции на древесине весьма разнообразны. Естественное образование такой древесины, как правило, носит случайный характер: зачастую может быть так, что одни деревья приносят ароматическое вещество, а другие нет, даже если это стоящие рядом одинаковые деревья. Именно об этом говорится в «Записях о пресыщении путешествиями» (倦游录 *Цзюаньюлу*) Чжан Шичжэна, жившего при династии Сун: «Агаровых деревьев особенно много в приморских районах южного Китая, жители гор используют их либо для строительства жилищ и мостов, либо для изготовления утвари, но деревьев, источающих аромат, среди них поистине мало» (цит. по: [Янь Цзинсинь, 2014. С. 107]).

Китайские исследователи на материале различных трактатов и справочников обобщили опыт использования трав и растений, накопленного за сотни и тысячи лет в Китае. В результате анализа письменных материалов они выделили пять основных факторов образования

⁹ «Деревья, относящиеся к аквиляриевым», – 沉香属的树木 *чэньсян шу дэ шу му*.

благоухающей древесины агарового дерева: естественный способ; затвердевание; отделившиеся фрагменты; воздействие насекомых; грибковая инфекция [Чэнь Икай, 2008. С. 18–20].

Ниже приведены эти основные факторы.

1. Естественный фактор образования агаровой смолы в виде сырой, необработанной формации (生结 *шэнцзе*¹⁰). В результате повреждений в силу различных климатических и погодных катаклизмов (буря, гроза со шквалистым ветром и т. п.) или механического воздействия (со стороны животных и человека) деревья начинают вырабатывать смолу для залечивания раны, тем самым постепенно и формируется ценная благоухающая субстанция. Чем длиннее весь процесс, тем лучше качество ароматической древесины.

2. Затвердевание в виде «спелой формации» (熟结 *шучзе*¹¹). В процессе выработки смолы для залечивания ран дерево может ослабеть или даже умереть, что ведет к перекрытию каналов, по которым движется смола. В результате длительного процесса смешения древесных волокон со смолой вызревает твердая и темная субстанция ароматической древесины, которая как раз и тонет в воде.

3. Отделение (脱落 *толо*). В результате какого-либо заражения поврежденные части деревьев отваливаются и раскалываются на большие и мелкие фрагменты, которые могут содержать остатки смолы. Эта смола так же может пропитывать древесные волокна, что ведет к постепенному образованию ароматической субстанции.

4. Воздействие насекомых (虫漏 *чунлоу*). Деревья могут быть поражены и атакованы различными насекомыми-паразитами, в результате чего они так же для самозащиты начинают вырабатывать смолу.

5. Грибковая инфекция (真菌感染 *чжэньцзюнь ганьжань*). На начальной стадии грибковой инфекции смола вырабатывается в очень незначительном количестве. Чем длительнее воздействие грибкового заражения, тем лучше качество образующейся ароматической древесины [Rease and Harmony, 2011. P. 31; Цзя Тяньмин, 2014. С. 71].

По способу образования выделяются следующие виды благоухающей древесины агарового дерева: 倒架 *даоцзя*; 水沉 *шуйчэнь*; 土沉 *тучэнь*; 蚁沉 *ичэнь*; 活沉 *хочэнь*.

Термин 倒架 *даоцзя* (букв. «повалившаяся подпорка») подразумевает процесс формирования ароматической субстанции в результате гниения древесины, которая постепенно под длительным воздействием ветровой и дождевой эрозии обрушается и падает на землю.

Понятие 水沉 *шуйчэнь* (букв. «агаровая древесина, [сформировавшаяся] в воде») объясняет процесс появления душистой субстанции в результате разложения и гниения влажной древесины под воздействием различных микроорганизмов.

Понятие 土沉 *тучэнь* (букв. «агаровая древесина, [сформировавшаяся] в земле¹²») обозначает, что процесс созревания ароматической субстанции происходит под воздействием микроорганизмов в результате разложения древесины, оказавшейся погребенной во влажной земле или грязи. Длительное захоронение может привести к окаменению кусков древесины, благодаря чему ее текстура может быть полностью разрушена.

Термин 蚁沉 *ичэнь* (букв. «агаровая древесина, [сформировавшаяся под воздействием] насекомых») обозначает ароматическую субстанцию, образовавшуюся на срубленном фрагменте живого дерева, который упал на землю и подвергся атаке мелких насекомых.

Определение 活沉 *хочэнь* (букв. «агаровая древесина, [сформировавшаяся] на живом дереве») подразумевает ароматическую субстанцию, вырезанную прямо из живого дерева [Цзян Цзюньвэй, Чэнь Юньцзюнь, 2010. С. 16–19].

¹⁰ Этим термином часто обозначают благовоние высшего качества.

¹¹ Данный термин – одно из принятых названий агарового дерева.

¹² Имеется в виду грязь или болотистая тина.

Способы оценки качества агаровой древесины

Накопленный за долгое время использования в Китае различных благовоний богатый опыт и приобретенные знания были зафиксированы в специальных сводных трудах. В китайских письменных источниках содержится много детальной информации, касающейся мест происхождения, внешнего вида, классификаций и методов оценивания агаровой древесины.

Так, в энциклопедическом справочнике «Записи о южных заморских благовониях» (南番香录 *наньфан сянь лу*) династии Сун содержатся скрупулезные сведения, помогающие оценить качество душистой древесины агарового дерева, исходя из места его происхождения, особенностей, факторов образования ароматической субстанции, цвета и текстуры, условий полного погружения в воду. Что касается места происхождения и качества благоуханного дерева, там сказано: «Агаровая древесина из Чжэньля на первом месте, а древесина из Чжаньчэна на втором»¹³ (真腊者为上, 占城次之) [Справочник по травам Китая, 1999]. По поводу факторов образования самой ароматической субстанции там замечено, что естественные условия формирования агаровой смолы в виде сырой, необработанной формации (生结 *шэньцзе*) являются наиболее предпочтительными, а следом идет затвердевание в виде «спелой формации» (熟结 *шуцзе*). В этом справочнике есть комментарии также о цвете и текстуре: «Твердая и черная древесина самая лучшая, за ней следует желтая» (坚黑为上, 黄者次之) (цит. по: [Линь Жуйсюань, 2008. С. 40–41]).

Действительно, при оценивании ароматической древесины кроме вышеуказанных условий чрезвычайно важны такие факторы, как ее аромат, качество, форма и цвет. Пожалуй, самые важные достоинства этой древесины проявляются в силе и свойствах ее благоуханья, поскольку именно они, в первую очередь, определяют качество ароматического продукта. Аромат агаровой древесины считается непревзойденным по своей чистоте и насыщенности, плотности и выдержанности. Его далеко простирающийся аромат отличается необыкновенной стойкостью, тонкими и деликатными изменениями при возжигании. Свойства запаха, прежде всего, зависят от качества ароматической смолы, находящейся в куске дерева, в связи с чем древесина с хорошо выдержанной смолой считается наиболее качественной. Форма, внешний вид, зернистость текстуры и цвет фрагмента дерева также входят в набор стандартов при оценке качества древесины, тем более, что они зачастую определяются особенностями распределения смолы в отдельном куске. В древности агаровую древесину исследовали путем споров и состязаний, доказывая тем самым, что сравнения на основе реальных объектов и накопление опыта являются единственными способами определения качества [Чэнь Икай, 2008. С. 18–20].

В вышеупомянутом «Компендиуме лекарственных веществ» (*Бэньцао ганьму*) также содержатся записи, касающиеся свойств ароматической смолы агарового дерева и его способности тонуть в воде: «Дерево, способное тонуть при погружении в воду, известно под названиями 沉香 *чэньсян* (букв. «тониущий аромат») и 水沉 *шуйчэнь* (букв. «агаровая древесина, [сформировавшаяся] в воде»). Дерево, погружающееся в воду только наполовину, называется 栈香 *чжаньсян* (букв. «ствол ароматического дерева»)¹⁴. Агаровое дерево, не тонущее при погружении в воду, называется 黄水香 *хуаншуйсян* (букв. «спелый аромат желтого цвета») (цит. по: [Цзянь Цзюньвэй, Чэнь Юньцзюнь, 2010. С. 16–19]).

У части лучших сортов агарового дерева 栈香 *чжаньсян* на поверхности заметны пестрые и блестящие пятнышки смолы (отчего текстура древесины напоминает перья куропатки), источающие чистый и сладкий аромат. «Спелый аромат» 熟香 *шусян* показывает, что древесина, пропитанная смолой и изменившая свою структуру, долгое время была погребена в тол-

¹³ Чжэньля (真腊) – китайское название раннесредневекового кхмерского государства Ченла (современная Камбоджа), Чжаньчэн (占城) – китайское название средневекового государства Тямпа (Чампа), находившегося на территории современного южного и центрального Вьетнама.

¹⁴ Имеется в виду ароматическая древесина, сформировавшаяся в стволе живого дерева.

щах земли или грязи. Это значит, что вместе с постепенным разрушением структуры древесины на ее поверхности может появиться этот уникальный рисунок с разной степенью интенсивности. Отмеченное достоинство также весьма котируется при оценке качества агаровой древесины [Чэнь Икай, 2008. С. 18–20].

Кхмерская агаровая древесина

Кхмерская агаровая древесина (кит. 高棉沉香 *гаомянь чэньсян*) производится в Камбодже, свое имя она сохранила по прежнему названию государства. Вследствие своих редкостных качеств встретить ее на рынке считается большой удачей. Помимо того, что она в старину весьма высоко ценилась среди арабских аристократов и богачей Ближнего Востока, этот вид агаровых деревьев был хорошо известен и в древности.

Так, в упомянутом труде «Записи о южных заморских благовониях» династии Сун кхмерская агаровая древесина была оценена как наилучшая среди подобных видов ароматических деревьев. Кхмерская агаровая древесина классифицируется по трем высшим категориям: 生香 *шэнсян* (букв. «естественный аромат»), 熟香 *шусян* (букв. «спелый аромат») и 棋楠 *цинань* (кинам). Все три вида древесины ценятся необыкновенно высоко и встречаются довольно редко, вследствие чего на рынке, в основном, представлена поддельная кхмерская агаровая древесина (кит. 伪高棉 *вэй гаомянь*). Она очень похожа на аутентичный продукт: на поверхности древесины хорошо видны тонкие темные полосы, напоминающие орлиные перья, из-за чего эту древесину называют еще «орлиным деревом из южных стран» (南洋鹰木 *наньян инму*). Настоящая кхмерская агаровая древесина в поперечном сечении имеет желто-белый, практически кремовый цвет [Лю Лянью, 2003. С. 74–75, 96].

Мелкие чешуйки агаровой древесины в виде раковин (壳沉 *кэчэнь*), которые в обиходе называют еще «ушками» (耳朵 *эрдю*), признаны еще одним видом первоклассной агаровой древесины [Сяо Юаньдин, 2010. С. 35]. Эти чешуйки обычно формируются в той части дерева, где большие ветки отламываются от ствола. Эти места оказываются незащищенными от эрозии, вызванной дождем и ветром. Выделяемая при этом смола накапливается и, смешиваясь с древесной текстурой, постепенно затвердевает. В результате долгого пребывания в почве разрушается большая часть древесной текстуры ветки, в связи с чем начинают образовываться мелкие чешуйки в виде раковин, с очень высоким содержанием смолы. Именно таким образом в результате чрезвычайно длительного процесса формируются раковиноподобные чешуйки *кэчэнь*, которые считаются подлинным сокровищем в топ-рейтинге лучших видов ароматической древесины.

Классификация ароматической древесины агарового дерева по месту происхождения

Формирование ароматической древесины агарового дерева зависит от целого комплекса факторов окружающей среды – прежде всего, таких, как виды деревьев, климат, почва, влияние грибковой инфекции. Большое значение имеют месторасположение самой ароматической субстанции, длительность ее формирования, а также форма и размеры [Чэнь Икай, 2008. С. 30–31]. Учитывая все эти объективные критерии, оценка и классификация ароматической древесины агарового дерева представляется чрезвычайно сложным делом. До настоящего времени все еще не удается выработать единую международную систему стандартов, которая бы удовлетворяла всем условиям. Поэтому в оценке качества древесины все еще во многом полагаются на опыт и знания экспертов¹⁵. Ниже следует описание различных стандартов, принятых в основных странах-экспортерах агаровой древесины.

¹⁵ По мнению экспертов, это может произойти даже в пределах одного региона, между представителями оптовой и розничной торговли (из личного общения автора с информантами).

Малайзия. Все виды агаровой древесины подразделяются в целом на 12 категорий, включая шесть основных: Double Super, Super, A, B, C, D. При этом в категориях A и B выделяются еще две подкатегории, категория C подразделяется еще на четыре подкатегории, а категория D – еще на две [Lim, Awang Anak, 2010. P. 18–19].

Индонезия. Все виды агаровой древесины подразделяются в целом на девять категорий, среди которых выделяются четыре лучших: Super A, Super B, Super C, Sabak. Остальные пять видов градуируются в зависимости от содержания смолы, а также размеров фрагмента древесины [Barden, Awang Anak, Mulliken, Song, 2007. P. 27–28].

Индия. Выделяются в основном следующие категории: Triple Super, Double Super, Super, а также виды A, B, C, D и т. д. [Peace and Harmony, 2011. P. 37].

Вьетнам. Основные категории выделяются в зависимости от места происхождения древесины. В целом виды агаровой древесины подразделяются на пять категорий, соответствующих различным регионам севера и юга страны. Самый высший сорт агаровой древесины кинам градуируется по четырем категориям [Линь Жуйсюань, 2008. С. 40–41].

«Король» агаровой древесины – кинам

В старину часто говорили: «Тому, кто в трех мирах (поколениях, прошлых жизнях) совершенствовался через добрые дела, предопределено судьбой вкушать аромат кинама в настоящем» (今生得闻棋楠香, 三世修得善因缘) (Цит. по: [Peace and Harmony, 2011. P. 41]). «Король агаровой древесины» (沉香之王 *чэньсян чжи ван*), аромат (и древесина соответственно) кинам (*kinat, кунат, каннат*) известен под разными названиями: 棋楠 /奇楠 *цинань*, 茄蓝 *цзялань*, 迦兰香 *цзяланьсян*, 伽羅 (яп. *кяра*).

С давних пор справедливо считают, что качественную агаровую древесину чрезвычайно трудно найти. Особенно это касается древесины кинам, встречающейся исключительно редко. В настоящее время научное изучение формирования кинама еще не может дать исчерпывающего объяснения этого феномена. На основании анализа классических китайских трудов о благовониях можно предположить, что формирование особой древесины кинам связано с насекомыми-паразитами и пчелами, которые поселяются в стволах и способствуют абсорбции древесиной продуктов их жизнедеятельности в виде меда и маточного молочка, которые в течение долгого времени смешиваются со смолой, выделяемой деревом [Чэнь Икай, 2008. С. 25]. Кроме того, некоторые современные ученые полагают, что эти процессы могут происходить вследствие грибковой инфекции, которая трансформирует свойства ароматической древесины, а также благодаря генетическим изменениям самих деревьев [Лю Лянью, 2003. С. 47].

Места происхождения кинама

В китайских трудах по истории благовоний и трактатах по лечебным и ароматическим растениям встречается множество упоминаний о местах происхождения кинама. В таких энциклопедических трудах, как «Расширенное толкование собрания трав» (本草衍义 *Бэньцао яньи*) эпохи Сун, «Описание звездного плота» (星槎胜览 *Син ча шэн лань*) эпохи Мин, «Путевые записки чиновника» (宦游笔记 *Хуань ю бицзи*) эпохи Цин, предполагается, что родиной кинама является Тямпа (современный Вьетнам). В ряде китайских трудов в качестве места происхождения кинама указаны горные районы на побережье Восточно-Китайского моря в Гуандуне (Хайнань). Это говорит о том, что источником кинама не может быть только одно место.

Учитывая сведения из старинных сочинений и данные современной науки, эти новые виды агаровых деревьев¹⁶ были открыты французским ботаником Жаном Батистом Луи Пье-

¹⁶ Имеются в виду деревья *Aquilaria crassna* Pierre рода аквиляриевых (лат. *Aquilaria*), относящиеся к семье Волчниковые, или Тимелеевые (лат. *Thymelaeaceae*).

ром (1833–1905) во время его путешествий в различные районы Вьетнама и Камбоджи [Poucher, 1959. P. 163].

Этот вид агаровых деревьев отличается богатым содержанием смолы, на поверхности древесины хорошо видны смоляные прожилки. Недаром в упомянутом выше справочнике «Расширенное толкование собрания трав»¹⁷ так описана ее текстура: «она упругая, может скручиваться, но довольно жесткая, чтобы попробовать жевать». При этом отмечались совершенно противоположные ее качества: она могла быть то «мягкая, как грязь» (质软如泥 *чжи жуань жу ни*), то «твердая, как нефрит» (质坚若玉 *чжи цзянь жо юй*) (цит. по: [Peace and Harmony, 2011. P. 44]).

Следовательно, древесина кинама может быть разной по качеству. Более того, китайские исследователи часто подчеркивают еще одно примечательное свойство этой древесины: уникальный и многослойный аромат, композиция которого не может быть искусственно воспроизведена, даже с использованием современных технологий.

В сравнении с ароматом обычного агарового дерева, однотонным, устойчивым и различающимся, в основном, по степени интенсивности, благоуханье кинама отличается своей сложной композицией, изменчивостью и непредсказуемостью. Древесина кинама притягивает сладким и свежим запахом при нормальной температуре, который только усиливается при нагревании и постепенно становится насыщенным и плотным [Чэнь Икай, 2008. С. 25].

Типы древесины кинам

Китай располагает обширной литературой по истории ароматической культуры. К примеру, в «Истории благовоний» (香乘 *Сян шэн*) коллекционера Чжоу Цзячжоу династии Мин древесина кинам градуируется в зависимости от условий ее формирования. Там выделяются следующие виды: «зеленая формация» (绿结 *люйцзе*), «сахарная формация» (糖结 *танцзе*), «медовая формация» (蜜结 *мицзе*), «естественная формация» (生结 *шэнцзе*), субстанция «золотой шелк» (金丝结 *цзиньсыцзе*), субстанция «тигровая шкура» (虎皮结 *хупицзе*). В сочинении «Выборочное описание заморских растений» (海外逸说 *Хайвай ишио*) древесина классифицируется, исходя из ее характеристик по цвету. При этом выделяются следующие виды субстанций: «листва соколиной песни» (鹰歌绿 *ингэлюй*), «орхидея» (兰花结 *ланьхуацзе*), «железо» (铁结 *тецзе*), снова упоминаются «золотой шелк» (金丝结 *цзиньсыцзе*) и «сахарная формация» (糖结 *танцзе*) (цит. по: [Peace and Harmony, 2011. P. 45]).

В настоящее время эта редкостная древесина градуируется по следующим категориям: «белый кинам», «зеленый», «красный», «желтый», «фиолетовый», «черный» [Сяо Юаньдин, 2013. С. 140–143]. Кроме того, есть специфические национальные системы классификации кинама. К примеру, в горных районах провинции Биньтхуан (север Вьетнама), славящейся своей продукцией из кинама, традиционно выделяют только четыре категории: «белый кинам», «зеленый», «желтый» и «черный» [Линь Жуйсюань, 2007. С. 49, 51].

Что касается остальных классификаций, известных среди специалистов по ароматической древесине, в средние века большой популярностью пользовалась японская система, которая окончательно сложилась во второй половине XVII в. и получила название «Шесть стран – пять вкусов» (яп. 六国五味 *риккоку гоми*). По местам происхождения ароматических агаровых деревьев было выделено шесть видов древесины, а также пять вкусов и запахов, им соответствующих¹⁸: 伽羅 *кяра*¹⁹ (самые лучшие сорта, произрастающие в Индии, Вьетнаме,

¹⁷ Двадцатитомный труд 本草衍义 (другое название 本草广义) составлен в 1116 г. ученым и медиком Коу Цзунши (寇宗奭) в эпоху Северная Сун. URL: <https://baike.baidu.com/item/本草衍义/3115769> (дата обращения 20.01.2019).

¹⁸ А именно: сладкий 甘; кислый 酸; острый 辛; соленый 咸; горький 苦.

¹⁹ Это название (от санск. *кара*, что означало «черный») не соответствовало какой-либо конкретной стране, а применялось к самым ценным и редким видам агарового дерева с дивным благоуханием [Ароматы Японии,

имевшие резкий, острый запах); 羅国 *ракоку* (сорта из Сиам, бывшего Тайланда, отличавшиеся сладковатым запахом²⁰); 真那蛮 *манабан*²¹ (сорта с Малабарского побережья на юго-западе Индии, с кислым запахом); 真那賀 *манака* (сорта из Малакки, юго-западной части Малайского полуострова, со слабым, необыкновенно нежным запахом); 佐曾羅 *сасора* (сорта из Индии, характеризовавшиеся приятным легким запахом с холодным и солоноватым оттенком); 寸門多羅 *сумотара* (сорта с Суматры, Индонезии, имевшие сладкий аромат с оттенком горечи, слегка напоминающие древесину *кяра*, но все же уступающие ей) [Хата Масатака, 2001. С. 28–29; Ароматы Японии, 2005. С. 102–103].

В дополнение к этой системе там впоследствии была выработана классификация древесины кинам, в которой выделяется четыре категории: «золотой шелк», «серебряный шелк», «коричневый шелк» и *кяра*, где «золотой» и «серебряный шелк» составляют как раз тот сорт «*кяра* зеленого цвета», который является подлинной жемчужиной среди всех типов агаровой древесины [Peace and Harmony, 2011. P. 46–48].

Агаровые деревья, произрастающие в разных регионах Юго-Восточной Азии, отличаются различными свойствами и оттенками аромата древесины, в том числе кислыми и резкими (вплоть до запаха сырой плесени). В настоящее время специалисты выделяют множество локальных вариантов агаровой древесины – как в самом Китае (в основном, в южных провинциях – Гуанси, Гуандун, Юннань, на о. Хайнань), так и за его пределами: прежде всего, во Вьетнаме (Хойан, Нячанг, Фуксон, Хюэ, Дананг, Хошимин²²), в Камбодже, Лаосе, Сингапуре и его окрестностях, на Тайване, в Малайзии, на Филиппинах, в Новой Гвинее, в Брунее, на островах в Индонезии, включая о. Калимантан [Вэнь Кэ, 2011. С. 37; Элементарная энциклопедия..., 2014. С. 76–87].

Добыча агаровой древесины и смолы

При изучении круга вопросов, касающихся традиции использования агарового дерева в Восточной и Юго-Восточной Азии, невозможно игнорировать проблему добычи ароматического дерева, восстановления его запасов, что неизбежно смыкается как с целым комплексом ритуалов и культов в традиционных обществах²³, так с актуальными экологическими проблемами современности.

В настоящее время китайские ученые с тревогой отмечают повышенный спрос на фито- и аромапродукцию, производимую из различных пород агаровых деревьев, что ведет не только к истощению и невозможной утрате запасов этой ценной древесины в дикой

2005. С. 103]. Некоторые японские исследователи упоминают кроме древесины 伽羅 *кяра* еще вид 新伽羅 *син-кяра* (букв. «новый вид *кяра*») – таким образом, получается понятие «семь ароматических деревьев» (香の七木). В отличие от деревьев *кяра*, которые вырабатывают ароматическую смолу, деревья *син-кяра*, принадлежащие к тому же виду, не выделяют такую смолу [Дзимбо Хироюки, 2004. С. 441].

²⁰ Своими горьковатыми оттенками запаха этот вид агаровой древесины напоминал сандал [Ароматы Японии, 2005. С. 103].

²¹ Существует вариант написания 真南蛮 *манабан* (букв. «настоящий [аромат] из южных стран»), который указывает на происхождение этого вида древесины: в средневековых источниках термином 南蛮 называли выходцев из Вьетнама, Сиам, Филиппин, других стран Юго-Восточной Азии. По сравнению с другими видами, эти агаровые деревья произрастали во многих регионах, качество ароматической древесины было не всегда высоким, а спектр их запаха был довольно широким: от кислого до сладкого [Ароматы Японии, 2005. С. 103].

²² Этим географическим названиям соответствуют названия видов агаровой древесины. Исключение составляет г. Хошимин – по его старому названию соответствующий вид агаровых деревьев называют «аквилярией из Сайгона» (кит. 西贡沉香 *сигун чэньсян*).

²³ Так, в китайских материалах упоминается некая народность 泰香族 *тай сян цзу* (букв. «Племя [охотников] за тайскими благовониями»), обитавшая в древности в тропических лесах Вьетнама. Добыча агаровой древесины у них проходила с соблюдением строжайших правил, касающихся запрета на употребление мяса и ограничения общения. Перед выходом в лес представители этой этнической общности (обычно мужчины) совершали ритуальное омовение, исполняли буддийские песнопения, входили в контакт с высшими силами, прося у них благословения [Сяо Юаньдин, 2013. С. 59–62, 70].

природе, но и постоянному росту цен на сырье. Изучению этой проблематики посвящена деятельность многих научных и музейных организаций, а также коммерческих компаний в Азии [Войтишек, 2016. С. 71–73, 75]²⁴.

Известно, что агаровые деревья хорошо адаптируются к окружающей среде. Различные виды этих деревьев произрастают в самых разных условиях – от болот до горных местностей. Несмотря на то, что добыча агаровой смолы – довольно трудная и опасная задача, находится немало смельчаков, готовых к любым трудностям и рискам, связанным с поиском ароматических деревьев в труднопроходимых лесах, болотах, на обрывистых скалах, готовых страдать под палящим солнцем или под шквалистым ветром и дождем. Такие люди неизбежно подвергаются атакам насекомых, диких животных, а также различным эпидемическим заболеваниям. В любом случае поиск агаровых деревьев в непроходимых тропических лесах определяется исключительно профессиональным опытом участников таких экспедиций²⁵.

В последние годы целый ряд стран и регионов, производящих алойное дерево, уже осознал, какова его экономическая ценность и насколько серьезен вопрос чрезмерной вырубki, поэтому в настоящее время предпринимаются различные меры по восстановлению естественных запасов данного вида древесины, активно развивается восстановительное выращивание. В 2004 г. в связи с ростом спроса на агаровую древесину и сокращением популяции различных пород этого дерева в дикой природе все виды аквиларии были внесены в Приложение II Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (CITES)²⁶. В этой ситуации в южных районах Китая и странах Юго-Восточной Азии (Таиланд, Вьетнам) стали развиваться искусственные методы насаждения агаровых деревьев на специальных плантациях. В конечном счете, это может существенно снизить нагрузку на природные ресурсы и положительно сказаться на научных исследованиях, в том числе и в поиске путей практического использования свойств этого ценного растения – например, в фармакологии и медицине.

Выводы

Итак, в процессе изучения проблемного поля, касающегося особенностей восприятия агарового дерева в культуре Восточной Азии, были рассмотрены свойства его ароматической древесины, факторы, способствующие ее образованию. На основе авторитетных китайских и японских письменных источников древности и современности, артефактов и материалов из азиатских музеев и арт-галерей проанализированы основные виды ароматических деревьев, рассмотрены разнообразные свойства ароматической древесины в восточной медицине и бытовой культуре. Особую актуальность исследованию придает анализ различных видов агаровой древесины (включая самые лучшие ее виды под названием «кинам») и особенностей ее основных классификаций, известных среди музейных экспертов и коллекционеров многих стран Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии. Изучение различных аспектов функционирования ароматической агаровой древесины в восточной медицине и культуре Азии неизбежно выводит на проблему ее хищнической добычи и необходимость восста-

²⁴ См. материалы, к примеру, сайта Института агарового дерева и Музея агарового дерева «Imperial Museum» в Гонконге URL: <http://www.agarwood.hk/IOA/background.htm>; личный веб-сайт его директора Пола Кана URL: <http://www.paulkan.com/>, а также сайт компании «Asia Plantation Capital Group» URL: www.asiaplantation-capital.com/ (дата обращения 20.01.2019). Автор статьи неоднократно имел возможность посещения этих организаций и общения с их руководством в 2015–2018 гг., а также осмотра специальных плантаций по выращиванию агаровых деревьев в Гонконге (район «Новые территории»).

²⁵ К сожалению, большая часть существующей на рынке агаровой древесины и смолы добывается контрабандным путем. Многие китайские ученые и коллекционеры сетуют на то, что большинство охотников за агаровой смолой безжалостно забирают у природы эти поистине драгоценные сокровища, сравнимые с золотом и алмазами, не заботясь о восстановлении деревьев. По их мнению, достаточно просто любоваться тем, как растут в естественных условиях эти растения, время от времени вырезая увядшие ветки и убирая сгнившие стволы [Сяо Юаньдин, 2013. С. 58–65].

²⁶ Это международное правительственное соглашение было подписано в 1973 г. в Вашингтоне.

новительного выращивания этих ценных деревьев с целью выравнивания экологического баланса в регионе.

В настоящее время агаровая древесина выступает символом роскоши и тонкого вкуса. Многие крупные компании в Восточной Азии сознательно используют агаровую древесину в оформлении интерьера, надеясь на разнообразные дивиденды от удачного бизнеса. В религиозных культах агаровое дерево до сих пор также очень востребовано в силу своих необычайных качеств, способствующих очищению, умиротворению и гармонизации духа. Все эти факторы свидетельствуют о том, что аквилария и по сегодняшний день считается «царственным деревом», «деревом богов», возможности для изучения и применения которого далеко не исчерпаны.

Список литературы / References

- Войтишек Е. Э.** Агаровое дерево и развитие культуры благовоний в Китае (по данным письменных источников и материалам исследований в Гонконге) // *Universum Humanitarium*. 2016, № 1 (2). С. 64–77.
Voytishkek E. E. Agarwood tree and the development of incense culture in China (based on written sources and the materials of research in Hong Kong). *Universum Humanitarium*, 2016, № 1 (2), p. 64–77. (in Russ.)
- Barden A., Awang Anak N., Mulliken T., Song M.** Heart of the matter: Agarwood use and trade and CITES Implementation for *Aquilaria Malaccensis*. North Central University, MN, United States, Traffic international, 2007. 52 p.
- Langenheim J. H.** Plant resins: chemistry, evolution, ecology, and ethnobotany. Portland, Cambridge, Timber Press, 2003. 586 p.
- Lim T. Y., Awang Anak N.** Wood for trees: A review of the agarwood (gaharu) trade in Malaysia. Petaling Jaya, Selangor, Malaysia, Traffic Southeast Asia, 2010. 116 p.
- Poucher W. A.** Perfumes, cosmetics, and soap: with special references to Synthetics, vol. 1, London, Chapman & Hall, 1923, 1959. 403 p.
- Ван Кэюань.** Чжуньяо гуйбао – чэньсян [汪科元。中药瑰宝 – 沉香]. Сокровище китайской медицины – агаровое дерево. Гуанчжоу: Наньфан жибао чубаньшэ, 2005. 364 с. (на кит. яз.)
Wang Keyuan. Zhongyao guibao – chenxiang [Treasure of Chinese medicine – agarwood tree]. Guangzhou, Nanfang ribao chubanshe, 2005, 364 p. (in Chin.)
- Вэнь Кэ.** Му чжун цзуаньши: чэньсян шоуцзан юй цзяньшан [木中钻石: 沉香收藏与鉴赏]. Бриллиант среди деревьев: коллекционирование и оценка. Пекин: Синь шицзе чубаньшэ, 2014. 231 с. (на кит. яз.)
Wen Ke. Mu zhong zuanshi: chenxiang shouzang yu jianshang [Diamond among the trees: collecting and evaluation]. Beijing, Xin shize chubanshe, 2014, 231 p. (in Chin.)
- Дзимбо Хироюки.** Ко:до:-но рэкиси дзитэн [神保博行。香道の歴史事典]. Словарь по истории искусства благовоний. Токио: Касива-сёбо, 2004. 454 с. (на яп. яз.)
Jimbo Hiroyuki. Koudou-no rekishi jiten [Dictionary of the history of art of incense]. Tokyo, Kashiwa-shobo, 2004, 454 p. (in Jap.)
- Линь Жуйсюань.** Введение в «путь аромата» [林瑞萱。香道入门]. Тайбэй: Центр чайной культуры Цзювангу, 2008. 167 с. (на кит. яз.)
Lin Ruixuan. Introduction to the “a way of aromas” [Xiang dao rumen]. Taipei, The center of tea culture Zuowanggu, 2008, 167 p. (in Chin.)
- Лю Лянью.** Сянсюэ хуйдянь [刘良佑。香学会典]. Законы науки об ароматах. Тайбэй: Чжунхуа дунфан сянсюэ яньцзюхуй, 2003. 183 с. (на кит. яз.)
Liu Liangyou. Xiang xue huidian [The laws of the science of fragrances]. Taipei, Zhonghua dongfang xiangxue yanjiuhui, 2003, 183 p. (in Chin.)
- Нихон-но каори** [日本の香]. Ароматы Японии. Токио: Корона букс, 2005. 126 с. (на яп. яз.)
Nihon-no kaori [Fragrances of Japan]. Tokyo, Corona books, 2005, 126 p. (in Jap.)
- Сяо Юаньдин.** Чэньсян пу – шэньми дэ учжи юй нэнлян [萧元丁。沉香谱 – 神秘的物质与能量]. Справочник по агаровым деревьям – загадочные свойства и энергетика. Тайюань: Саньцзинь чубаньшэ, 2013. 173 с. (на кит. яз.)

- Xiao Yuanding.** Chenxiang pu – shenmi de wuzhi yu nengliang [Guide of agarwood trees – mysterious properties and energy]. Taiyuan, Sanjin chubanshe, 2013, 173 p. (in Chin.)
- Хата Масатака.** Каори га катару нихон бунка си: ко:сэндзай [畑正高。香がかたる日本文化史: 香千載]. История японской культуры через рассказ об ароматах: аромат на века. Киото: Мицумура суйко сёин, 2001. 71 с. (на яп. яз.)
- Hata Masataka.** Kaori ga kataru nihon bunka shi: kousenzai [The history of Japanese culture through the story of fragrances: a fragrance for the ages]. Kyoto, Mitsumura suiko shoин, 2001, 71 p. (in Jap.)
- Чжунхуа бэньцао** [国家中医药管理局, 中华本草编委会。中华本草]. Справочник по травам Китая. Шанхай: Шанхай кэсюэ цзишу чубаньшэ, 1999. Т. 5. 9282 с. (на кит. яз.)
- Zhonghua bencao** [Guide to herbs of China]. Shanghai, Shanghai kexue jishu chubanshe, 1999, vol. 5, 9282 p. (in Chin.)
- Чэнь Икай.** Красота агарового дерева. Искусство вырезания по древесине агарового дерева мастера Чжэн Яоцзинь [陈逸凯。沉香之美。郑尧锦的沉香雕刻艺术]. Тайбэй: Жуйвэнь чубань, 2008. 176 с. (на кит. яз.)
- Chen Yikai.** Chenxiang zhi mei. Zheng Yaojin de chenxiang diaoke yishu [The beauty of agarwood tree. The art of cutting agarwood master Zheng Yaojin]. Taipei, ruiwen chubanshe, 2008, 176 p. (in Chin.)
- Чэньсян шоуцзан жумэнь байкэ** [沉香收藏入门百科。张梵, 姜跃进编著]. Элементарная энциклопедия по коллекционированию агаровой древесины / Под ред. Чжан Фань, Цзян Юэцзинь. Пекин: Хуасюэ гунъе чубаньшэ, 2014. 156 с. (на кит. яз.)
- Chenxiang shouzang rumen baike** [Elementary encyclopedia of agar wood collecting] / Ed. by Zhang Fan, Jiang Yuejin. Beijing, Huaxue gongye chubanshe, 2014, 156 p. (in Chin.)
- Цзя Тяньмин.** Чжунго сяньсюэ [贾天明。中国香学]. Изучение благовоний в Китае. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2014. 102 с. (на кит. яз.)
- Jia Tianming.** Zhongguo xiangxue [Study of incense in China]. Beijing, Zhonghua shuju, 2014, 102 p. (in Chin.)
- Цзян Цзюньвэй, Чэнь Юньцзюнь.** Энциклопедия ароматов [江俊伟, 陈云君。香典]. Чунцин: Чунцин чубаньшэ, 2010. 560 с. (на кит. яз.)
- Jiang Junwei, Chen Yunjun.** Xiang dian [Encyclopedia of fragrances]. Chongqing, Chongqing chubanshe, 2010, 560 p. (in Chin.)
- Янь Цзинсинь.** Шангу шо сян [鄢敬新。尚古说香]. Почитая древность, поговорим об ароматах. Циндао: Циндао чубаньшэ, 2014. 260 с. (на кит. яз.)
- Yan Jingxin.** Shanggu shuo xiang [Honoring antiquity, let's talk about fragrances]. Qingdao, Qingdao chubanshe, 2014, 260 p. (in Chin.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
20.01.2019*

Сведения об авторе / Information about the Author

Войтишек Елена Эдмундовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. кафедрой востоковедения и руководитель направления «Востоковедение и африканистика» Гуманитарного института НГУ (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Elena E. Voytishek, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University; (1 Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russia)

orient@lab.nsu.ru

УДК 821.581

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-75-86

Китайская одическая поэзия династии Западная Цзинь (264/5–317)

М. Е. Кравцова

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация

Со временем правления династии Западная Цзинь (264/5–317) в старой китайской традиции и в современной мировой синологии устойчиво соотносится качественно новая веха в истории развития китайской лирической (стихотворной) поэзии (*ши*). Не менее существенное место в литературном творчестве того времени занимала и одическая поэзия (*фу*), о чем свидетельствуют многочисленность произведений (более 400) и отношение к ней в традиционной литературно-теоретической мысли. К изучению одического наследия Западной Цзинь китайские литературоведы приступили относительно недавно, и оно по-прежнему остается малоизвестным в российском Китаеведении. В предлагаемой публикации предпринят первый для отечественной науки опыт ее анализа. Представлены фактические сведения о дошедшем до нас литературном массиве, разобраны произведения ведущих тогда одописцев, проанализированы идейно-тематические и формальные особенности одического творчества Западной Цзинь. Доказывается, что его изучение намного расширяет имеющиеся знания о духовной жизни, культурно-идеологических, литературных процессах того времени и о художественном диапазоне творчества конкретных поэтов.

Ключевые слова

Китай, история литературы, династия Западная Цзинь, одическая поэзия

Для цитирования

Кравцова М. Е. Китайская одическая поэзия династии Западная Цзинь (264/5 – 317) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 4: Востоковедение. С. 75–86. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-75-86

Chinese Rhapsody Poetry (*Fu*) of the Western Jin Dynasty (A. D. 264/5–317)

М. Ye. Kravtsova

*Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia*

Abstract

In the course of the reign of the Western Jin Dynasty (264/5–317) the qualitatively new milestone in the history of Chinese lyrical poetry (*Shi*) is steadily correlated in both the old Chinese humanities, and modern world sinology studies. In those times, rhapsodies (*Fu*) held a significant standing among literary activities; as proved by the multitude of works (over four hundred) and traditional attitudes to it. However, the study of Western Jin's rhapsody heritage started relatively recently by Chinese scholars, and remains little known in Russian sinology. This publication presents the first attempt to analyze Western Jin rhapsody poetry. It contains factual data and analysis of concrete works of leading masters in the area, and of formal, thematic and ideological peculiarities of Western Jin's rhapsody poetry. It is argued that study of this field expands the currently available knowledge of those days' spiritual life, cultural, ideological, literary processes and of individual poets' creative range.

Keywords

China, history of literature, Western Jin Dynasty, rhapsodies

For citation

Kravtsova M. Ye. Chinese Rhapsody Poetry (*Fu*) of the Western Jin Dynasty (A. D. 264/5 – 317). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 4: Oriental Studies, p. 75–86. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-75-86

Введение

Династия Западная Цзинь (西晉 Си Цзинь, 264/5–317) – одно из государств эпохи Шести династий (六朝 Лючао, 220–289), при котором состоялось объединение страны после полувековой административно-территориальной раздробленности (период 三國 Саньго, Троецарствие, 220–265/6) [История Китая..., 2014. С. 30–77]. Оно возникло в результате переворота, совершенного в царстве Вэй (魏國 Вэйго, 220–265/6, главное государство периода Саньго) Сыма Янем (司馬炎, 236–290, Цзиньский У-ди, 晉武帝, прав. 265–290). Он провел масштабные социально-политические реформы и покровительствовал интеллектуально-творческой деятельности, собрав при дворе многочисленное литературное содружество. Несмотря на недолговечность династии¹, с ней устойчиво связывают принципиально важный этап в истории развития стихотворной (лирической) поэзии (詩 ши)², воплотившийся, в первую очередь, в направлении «Поэзия в стиле Тай-кан» (太康體 Тай-канти)³. Его лидерами (и ведущими поэтами-стихотворцами Западной Цзинь) сочтены: братья Лу Цзи (陸機, второе имя Ши-хэн 士衡, 261–303) и Лу Юнь (陸雲, второе имя Ши-лун 士, 262–303), дядя и племянник Пань Юэ (潘岳, второе имя Ань-жэнь 安仁, 247–300) и Пань Ни (潘尼, второе имя Чжэн-шу 正叔, ок. 250–311), Цзо Сы (左思, второе имя Тай-чун 太冲, ок. 252–ок. 305), Чжан Хуа (張華, второе имя Мао-сянь 茂先, 232–300), братья Чжан Цзай (張載, второе имя Мэнь-ян 孟陽, втор. пол. III–нач. IV в.) и Чжан Се (張協, второе имя Цзин-ян 景陽, ум. ок. 307). Их стихотворное наследие и все лирическое творчество Западной Цзинь достаточно хорошо изучены в науке, включая отечественные исследования [Алимов, Кравцова, 2014. С. 496–533]. При этом создается впечатление второстепенности одической поэзии (賦 фу)⁴. Показательно, что к изучению одического наследия Западной Цзинь китайские литературоведы приступили относительно недавно, и оно до сих пор остается малоизвестным (за исключением единичных произведений) в отечественной синологии. Между тем, в старой китайской литературно-теоретической мысли одическому творчеству Западной Цзинь придавалось особое значение, о чем свидетельствует состав авторитетнейшего собрания 文選 «Вэнь сюань» («Избранные произведения изящной словесности», «Литературный сборник», далее – ВС)⁵. Из 56 вошедших в него фу, созданных с IV–III вв. до н. э. и по начало IV в. н. э. (1–19 главы, т. е. 卷 цзюань, сокр. «цз.»), 16 принадлежат западно-цзиньским авторам. В одической поэзии активно творили и «тайканские» литераторы, всего же известны имена около 60 одописцев,

¹ После смерти Цзиньского У-ди разгорелись придворные распри, приведшие к масштабной «Смуте восьми принцев» (八王亂 Ба ван луань, 300–307). Восстали прежде вассальные китайским властям народности, захватившие за 311–317 гг. почти весь регион бассейна р. Хуанхэ. Формально государство Цзинь продолжило свое существование как династия Восточная Цзинь (東晉 Дун Цзинь, 317–420), но под ее властью остались только регионы бассейна р. Янцзы. Обе династии нередко называют «двумя Цзинь» (兩晉 лян Цзинь).

² До рубежа I–II вв. н. э. все поэтическое творчество обозначали как ши [Духовная культура Китая, 2008. С. 30–31], затем – исключительно стихотворную поэзию, формирование которой прослеживается с эпохи Поздняя (Восточная) Хань (後/東漢 Хоу/Дун Хань, 25–220). Ключевые этапы ее развития до Западной Цзинь соотносятся с заключительными десятилетиями Восточной Хань – знаменитая «Цзяньаньская поэзия» (建安風骨 Цзяньань-ань фэнгу, «ветер и остов эры Цзяньань»), и с поэтическим творчеством царства Вэй [Алимов, Кравцова, 2014. С. 363–437, 465–495].

³ От девиза правления («Тай-кан») Цзиньского У-ди, выделено в литературно-теоретической мысли начала VI в. [Духовная культура Китая, 2008. С. 439–441].

⁴ Для передачи понятия фу в его приложении к отдельным произведениям и всей поэтической традиции используют более десяти терминологических вариантов, в том числе «стихотворения в прозе», «проза-поэзия», «poetic description», «exposition», «rhapsody». Традиция фу обозначилась в IV–III вв. до н. э. и утвердилась в эпоху Ранняя (Западная) Хань (前/西漢 Цянь/Си Хань, 206 г. до н. э. – 8 г. н. э.), заняв главенствующее место в литературном творчестве всей эпохи Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) [Алимов, Кравцова, 2014. С. 224–253].

⁵ Составлена в 520-х гг. коллективом ученых-книжников под руководством Сяо Туна (蕭統 501–531, он же Чжаоин-тайцзы 昭明太子, «наследник престола Чжаоин») [Духовная культура Китая, 2008. С. 255–262].

создавших более 400 произведений [Ван Линь, 1998. С. 22; Чэн Чжан-цань, 2001. С. 116]⁶. Очевидно, что без освоения этого поэтического массива невозможно воссоздать и осмыслить целостную картину литературной жизни указанного периода, чем и обусловлена актуальность предложенного исследования. Его научная новизна заключается в попытке создания первого для отечественного китаеведения очерка одической поэзии Западной Цзинь.

Источники и научная литература по теме исследования

Одическое наследие Западной Цзинь исчерпывающе представлено в компендиуме Янь Кэ-цзюня (嚴可均, 1762–1843) [Янь Кэ-цзюнь, 1987]⁷. Базовыми научными работами служат соответствующие разделы в монографиях китайских ученых по истории (общей и эпохи Шести династий) одической поэзии [Ван Линь, 1998. С. 98–166; Го Вэй-сэн, Сюй Цзе, 1996. С. 205–267; Ма Цзи-гао, 1957. С. 157–194; Чэн Чжан-цань 2001. С. 115–201]. В них содержится анализ не только творчества ведущих литераторов и их произведений, но и тематического состава, идейного и формального своеобразия всей западно-цзиньской одической поэзии, причем в контексте литературных и историко-культурных процессов III в. Из зарубежных изданий самый заслуживающий внимания, несмотря на его лапидарность, очерк одической поэзии Западной Цзинь представлен в [Knechtges, 2010. P. 192–195].

Проблемы изучения одической поэзии Западной Цзинь

Главную исследовательскую проблему составляет фрагментарность дошедшего до нас поэтического наследия: преимущественно отрывки, нередко в несколько строк. Во время историко-политических коллизий (гражданские розни, завоевания) массово гибли целые книжные собрания, в первую очередь императорские библиотеки⁸. Проследить понесенные утраты позволяют библиографические трактаты, входящие в состав официальных историографических сочинений (正史 *чжэньши*): 經籍志 «Цзин цзи чжи» («Трактат о канонах и книжных собраниях») из 隨書 «Суй шу» («Книга о Суй», цз. 32–35) и из 舊唐書 «Цзю Тан шу» («Старая книга о Тан», цз. 46–47), 藝文志 «И вэнь чжи» («Трактат о литературе [шести классов] искусств») из 新唐書 «Синь Тан шу» («Новая книга о Тан», цз. 57–60) и из 宋史 «Сун ши» («История Сун», цз. 202–209)⁹. Например, от собрания сочинений Лу Цзи в 47 цзюанях к началу VII в. сохранились 14 цзюаней. Последний (при Северной Сун) вариант из 10 цзюаней утратили в XII–XIII вв. Филологи эпох 明 Мин (1368–1644) и 清 Цин (1644–1911/12) смогли восстановить его литературное наследие в объеме всего двух цзюаней [Чжунго цуншу..., 1982. С. 1205]¹⁰.

⁶ Для Ранней Хань в источниках названы 106 одописцев и 1318 произведений (сохранились 57 текстов, преимущественно во фрагментах, 23 авторов), для Поздней Хань известны 127 произведений (в основном тоже во фрагментах) 46 авторов [Кравцова, 2016. С. 58, 63].

⁷ В разделе 全晉文 «Цюань Цзинь вэнь» («Полное собрание художественной словесности Цзинь», цз. 1–167), где собраны произведения, относящиеся к «обеим Цзинь».

⁸ Самые катастрофические последствия имели события 311–317 гг., гражданская рознь второй половины VI – начала VII в. и середины VIII в., гибель империи 唐 Тан (618–907), приведшая к очередному распаду страны (эпоха Пяти династий и Десяти царств, 五代十國 Удай шиго, 907–960), нового частичного завоевания Китая в конце эпохи Северная Сун (Бэй Сун 北宋, 960–1127), опять вытеснившего этническую китайскую государственность на Юге (империя Южная Сун, 南宋 Нань Сун, 1127–1279), и нашествия монголов (XIII в.) [Меньшиков, 2005. С. 41–57].

⁹ Сочинения посвящены эпохам (империям) 隨 Суй (581–617), Тан и Сун (Северной и Южной), созданы в 621–636, 941–945, 1045–1060 и в 1340-х гг. соответственно [История Китая..., 2014. С. 24–27]. Информация о литературном наследии (авторских собраниях) сосредоточена в заключительных главах трактатов (цз. 35, 47, 60 и 208), для непосредственно Западной Цзинь см.: [Синь Тан шу, 1975. С. 1581–1585; Суй шу, 1982. С. 1061–1064; Сун ши, 1977. С. 5328; Цзю Тан шу, 1975. С. 2057–2062].

¹⁰ Наиболее авторитетно 陸平原集 «Лу Пинъюань цзи» («Собрание сочинений Лу, [губернатора] Пинъюаня»), вошедшее (цз. 48–49) в свод 漢魏六朝三百名家集 «Хань Вэй Лючао сань бай мин цзя цзи» («Собрания сочинений»

Главным источником для такого рода реконструкций служат цитаты из произведений отдельных авторов, приведенные в различных письменных памятниках¹¹. Но если стихи допускали их полное цитирование, то для *фу*, могущих иметь объем в несколько тысяч иероглифов, ограничивались отрывками, пусть даже в 100 и более строк. По фрагментам крайне трудно (или просто невозможно) оценить исходное произведение, но они позволяют определить идейно-тематический диапазон творчества конкретных поэтов и всего стоящего за ним поэтического континуума.

Результаты исследований и их обсуждение

Оды из ВС есть не только полные тексты, но и признанные шедевры. Представлены восемь *фу* Пань Юэ, что ставит его на первое место среди всех одописцев указанных столетий [Ван Линь, 1998. С. 113]. Это: 籍田賦 «Цзи тянь фу» («Ода о пахоте императорского поля», цз. 7), 射雉賦 «Шэ чжи фу» («Ода об охоте на фазанов», цз. 9), 西征賦 «Си чжэн фу» («Ода о следовании на запад», цз. 10), 秋興賦 «Цю син фу» («Ода об осеннем настроении», цз. 13), 閑居賦 «Сянь цзюй фу» («Ода об уединенной обители» цз. 16), 懷舊賦 «Хуай цзю фу» («Ода о думах про прошлое», цз. 16), 寡婦賦 «Гуафу фу» («Ода о вдове», цз. 16) и 笙賦 «Шэн фу» («Ода о шэне», цз. 18) [Вэнь сюань, 1959. С. 148–153, 184–189, 197–220, 267–270, 321–327, 335–340, 385–388]; перевод [Wen xuan 1987. P. 39–52, 153–164, 181–236; Wen xuan 1996. P. 13–20, 145–158, 179–192, 303–314]; наиболее развернутое их исследование см. в кн.: [Ван Линь, 1998. С. 113–126; Ма Цзи-гао, 1987. С. 178–182].

При обзоре одической поэзии Пань Юэ (напр., [He Ши-цяо, 2007. С. 365–366; Knechtges, 2010. P. 195; Luo Yuming 2011. P. 177–178]) обычно ссылаются лишь на «Цю син фу», «Сянь цзюнь фу»¹² и «Си чжэн фу» как произведения, отмеченные предельной экспрессивностью, – «великолепно живописующие скорбные чувства» (善寫悲情 *шансе бэйцин*) [Го Вэй-сэн, Сюй Цзе, 1996. С. 256–262]. Важнее, что оды из ВС репрезентируют почти весь тематический состав одической поэзии, как он определен и в этом собрании¹³, и в исследовательской литературе¹⁴. Оды «Цзи тянь фу» (в 175 строк, об августейшем ритуале «пахоты императорского поля», 耕籍 *гэнцзи*) и «Шэ чжи фу» (в 159 строк) принадлежат к разряду панегирических *фу* (в новейшей англоязычной терминологии «epideictic rhapsody» [Conner, 2001. P. 231]). В них воспеваются правящий режим и излагаются теоретизирования о принципах правления через развернутое повествование о столичных городах (рубрика 京都 «Цзин ду», «Столичные города», цз. 1–6), дворцах (рубрика 宮殿 «Гун дьянь», «Дворцы и палаты», цз. 11–12), ритуалах (рубрика 郊祀 «Цзяосы», «Предместные жертвоприношения», цз. 7) и придворных торжествах, среди которых особое место занимала императорская охота (рубрика 畋獵 «Тяньле», «Охота», цз. 7–9). Примечательно выделение для «Цзи тянь фу» специальной рубрики (耕籍 «Гэнцзи»), отводящее ей особое место в истории одической поэзии.

ний трехсот прославленных литераторов Хань, Вэй и Шести династий», далее – ЧП), составленный Чжан Пу (張溥 1602–1641).

¹¹ Особенно важны энциклопедические своды (類書 *лэйшу*), системно излагающие накопленные к моменту их создания книжные знания о мире и человеческом обществе и подкрепляющие их извлечениями из предшествующего литературного массива; в первую очередь: 藝文類聚 «И вэнь лэй цзюй» («Собрание классифицированных по категориям [выдержек из] литературных произведений [шести классов] искусств»), составленное в 622–624 гг., 初學記 «Чу сюэ цзи» («Записи для начала обучения», первая пол. VIII в.) и 太平御覽 «Тай пин юй лань» («Императорское обозрение годов Тай-пин», 977–984 гг.) [Чжан Шунь-хуэй, 1984. С. 407–413].

¹² Полный перевод («Осенний подъем вдохновения» и «Жизнь на приволье») см. в кн. [Шедевры..., 2006. С. 222–231]; частичный перевод второй из них («Ода о праздном досуге») [Бежин, 1982. С. 176–179].

¹³ *Фу* распределены по 15 тематическим рубрикам, с которыми правомерно соотносить тематические категории [Алимов, Кравцова, 2014. С. 233–235].

¹⁴ В одической поэзии III в. выделяют четыре [Чэн Чжан-цань, 2001. С. 121–125] или пять [Го Вэй-сэн, Сюй Цзе, 1996. С. 207–210] тематических направлений, но они в целом вторят традиционным категориям (см. ниже).

Оба произведения выполнены в типичном для панегирических од формате 大賦 *дафу* («большая / классическая ода», или 古賦 *гуфу* «ода в древнем стиле»), характеризующемся пространностью повествования (до нескольких сотен строк) и чередованием прозаических (но ритмически организованных) и стихотворных фрагментов.

По формальным особенностям к «классическим одам» принадлежит и сочинение «Си чжэн фу» (767 строк), представляющее категорию 紀行 «Цзисин» («Путевые заметки», цз. 9–10). Такие произведения, рассказывающие о путешествии автора и его впечатлениях от увиденного, появились в I в. н. э. [Кравцова, 2017. С. 26, 28–29]. Ода Пань Юэ, созданной после разгрома покровительствовавшей ему придворной фракции, присущи не просто сила звучания авторского эмоционального начала, но и редкая надрывность повествования: горестные размышления о происходящем в стране и о превратностях собственной судьбы.

Оды «Цю син фу» и «Сянь цзюнь фу», отнесенные к тематическим категориям (обе возникли еще на раннем этапе формирования одической поэзии) 物色 «У сэ» («Природные явления», цз. 13) и 志 «Чжи» («[Личные] стремления» цз. 15–16), объединяет общность эмоциональной тональности и сила звучания отшельнических мотивов. Такие мотивы, едва различимые в стихах Пань Юэ, получили настолько широкое распространение в лирике большинства «тайканских» литераторов, что в ней выделяют отдельную тематическую категорию 招隱詩 *чжаоиньши* («стихи, призывающие сокрывшегося [от мира]») [Алимов, Кравцова, 2014. С. 529–530]. Примечательно и присутствие (особенно явственно в «Сянь цзюнь фу») идеи «сельского отшельничества» (воспевание уединения в деревне), составившей впоследствии квинтэссенцию целого лирико-тематического направления «поэзия полей и огородов» (田園詩 *тяньюаньши*). Перед нами еще одно доказательство того, что мотивы и темы, получившие развитие в лирике, первоначально возникли в одической поэзии¹⁵.

Оды «Хуай цзю фу» и «Гуафу фу» определены в тематическую рубрику 哀傷 «Ай шан» («Скорби и печали», цз. 16). Первая из них сосредоточена в воспоминаниях об ушедших из жизни родных и друзей поэта. Вторая с тончайшим психологизмом передает переживания лирической героини, одновременно свидетельствуя о мастерстве Пань Юэ воспроизводить женские чувства, тем более очевидном, если учесть, что такой литературный прием (воспроизведение от лица героини вдовой скорби) активно использовали прежде [Ван Линь, 1998. С. 19; Knechtges, 2010. P. 175].

Ода «Шэн фу» представляет тематическую категорию 音樂 «Инь юэ» («Звуки и музыка», цз. 17–18), охватывающую оды о музыкальных видах искусства (конкретных музыкальных инструментах, танцах) и различных природных звуках. Современные литературоведы включают эту категорию в универсальное для одической поэзии разных исторических эпох тематическое направление 詠物賦 *юньфу* («оды, воспевающие предметы»). Это – произведения аллегорического характера, объектом повествования которых служат различные явления и реалии окружающей действительности (астральные объекты, атмосферные явления, животные, птицы, насекомые, растения), рукотворные предметы (предметы интерьера, одежды, музыкальные инструменты, орудия письма и т. д.), творческие (игра на музыкальных инструментах, танец) и развлекательные (настольные игры) занятия [Ван Линь, 1998. С. 8–9; Го Вэй-сэн, Сюй Цзе, 1996. С. 182–190]. Помимо «Инь юэ», к указанному направлению относят названную выше категорию «У сэ» и 鳥獸 «Няо шоу» («Птицы и звери», ВС цз. 13–14). С тематическим направлением *юньфу* связывают возникновение и развитие второй из базовых форм одической поэзии – 小賦 *сяофу* («малая / лирическая ода», или 短賦 *дуаньфу*, «короткая ода»), которая допускала произведения, очень близкие по объему (в несколько десятков строк) и ритмике к стихотворным текстам [Алимов, Кравцова, 2014. С. 230–233]. Непосредственно ода «Шэн фу» (134 строки, преимущественно четырехсловные), внешне рассказывающая о губном органчике, вновь призывает к отшельническому уединению.

¹⁵ Впервые идея «сельского отшельничества» озвучена в оде 歸田賦 «Гуй тянь фу» («Ода о возвращении к полям») Чжан Хэна (張衡, второе имя Пин-цзы 平子, 78–139 [Алимов, Кравцова, 2014. С. 252–253].

Кроме творений из ВС, одическое наследие Пань Юэ включает в себя 12 произведений [Янь Кэ-цзюнь, 1987. С. 1980–1991]¹⁶. Среди них отметим, во-первых, полный текст (в формате *дафу*) оды 滄海賦 «Цан хай фу» («Ода о лазурном море»). Рост интереса к морскому пейзажу полагают одной из литературных новаций в одической поэзии III в., окончательно утвердившейся при Западной Цзинь [Го Вэй-сэнь, Сюй Цзе, 1996. С. 208]. Об этом свидетельствует и состав ВС: включение 海賦 «Хай фу» («Ода о море», цз. 12) Му Хуа (木華, второе имя Сюнь-сюй 玄虛)¹⁷ [Вэнь сюань, 1959. С. 249–254; Алексеев, 2002. С. 225–230; Wen xuan, 1987. P. 305–319]; о ней [Ван Линь, 1998. С. 166–173; Сюй Гун-чи, 1999. С. 319–320]. Во-вторых, фрагмент (35 строк) произведения 悼亡賦 «Дао ван фу» («Ода о скорби по умершей жене»), который составляет своего рода диптих с «Одой о вдове» и дополняет знаменитый стихотворный цикл Пань Юэ 悼亡詩 «Дао ван ши» («Скорблю об умершей жене») [Алимов, Кравцова, 2014. С. 531–532]. В-третьих, серию фрагментов *юньюфу*, среди которых присутствуют оды о звездах, атмосферных и природных явлениях – 熒火賦 «Инхо фу» («Ода об Инхо / Марсе», 38 строк), 寒賦 «Хань фу» («Ода о холоде», 2 строки), 相風賦 «Сян фэн фу» («Ода о порыве ветра», 18 строк); о деревьях, плодах и цветах – Цзюй фу» («Ода о мандариновом дереве», самый крупный фрагмент 19 строк), 果賦 «Го фу» («Ода о плодах», 2 строки), 秋菊賦 «Цю цзюй фу» («Ода об осенней хризантеме», 22 строки), 芙蓉賦 «Фужун фу» («Ода о фужуне», 18 строк). Они показывают особенности тематического диапазона не только творчества Пань Юэ, но и всей одической поэзии того времени, в том числе рост популярности *фу* об атмосферных явлениях и природных процессах (включая времена года) [Го Вэй-сэнь, Сюй Цзе, 1996. С. 207–208], которые образуют, по мнению некоторых ученых, самостоятельное тематическое направление [Чэн Чжан-цань, 2001. С. 121–122].

Еще более активно проявили себя в качестве описцев Лу Цзи, Лу Юнь и Пань Ни. В ВС вошли два творения Лу Цзи – прославленная ода 文賦 «Вэнь фу» («Ода о вэни», «Ода [об] изящной словесности», «Ода изящному слову», цз. 17)¹⁸ и ода 歎逝賦 «Тань ши фу» («Ода о кручине по ушедшим [родным и друзьям]», цз. 16, рубрика «Ай шан», в 104 строки) [Вэнь сюань, 1959. С. 332–334; Wen xuan, 1996. P. 171–178]. Сохранилось еще 28 его произведений [Янь Кэ-цзюнь, 1987. С. 2009–2016], аутентичными сочтены 23 [Лу Цзи цзи, 1982. С. 1–36]; о них см. [Ван Линь, 1998. С. 128–138]. Лучшей считают оду 豪士賦 «Хао ши фу» («Ода о муже выдающихся талантов», самый крупный фрагмент свыше 150 строк), повествующую о печальной судьбе лирического героя во времена «Смуты восьми принцев». К ней примыкают (варьирование идей несовершенства человеческого общества и трагичности бытия личности вкупе с отшельническими мотивами) такие произведения, как 懷士賦 «Хуай ши фу» («Ода о переживаниях о благородном муже», 38 строк), 愍思賦 «Минь сы фу» («Ода о скорбных думах», 20 строк), 幽人賦 «Ю жэнь фу» («Ода об отшельнике», 10 строк) и 思歸賦 «Сы гуй фу» («Ода о думах о возвращении», 40 строк), тоже отчасти предшествующая «поэзии полей и огородов». Есть и оды с даосско-религиозными мотивами (на тему поисков обретения бессмертия), малоприметными в стихах Лу Цзи, среди них: 浮雲賦 «Фу юнь фу» («Ода о плывущем облаке», 42 строки), 白雲賦 «Бай юнь фу» («Ода о белом облаке», 48 строк), 感時賦 «Гань ши фу» («Ода [о чувствах], вызванных временами [года]», 24 строки), 列仙賦 «Ле сянь фу» («Ода о бессмертных», 18 строк). Присутствуют и несколько текстов, принадлежащих к тематическому направлению *юньюфу*, в т. ч. 瓜賦 «Гуа фу» («Ода о тыкве», 52 строки) и 桑賦 «Сан фу» («Ода о тутовнике», 28 строк).

¹⁶ Собрание сочинений в 10 цз. просуществовало до конца Тан, при Северной Сун сохранилось в семи цз., утрачено в XII–XIII вв. До нас дошло 潘黃門集 «Пань хуанмэнь цзи» («Собрание сочинений Паня, [служителя при] Желтых вратах») в одну цз. (ЧП, цз. 45).

¹⁷ Точные годы жизни неизвестны, но отнесен к когорте западно-цзиньских поэтов [Сюй Гун-чи, 1999. С. 319].

¹⁸ Это выдающееся литературно-теоретическое сочинение и один из шедевров «классических од»; неоднократно переводилось на европейские языки и досконально изучено [Духовная культура Китая, 2008. С. 263–266].

Лу Юнь¹⁹, обойденного вниманием в ВС, современники почитали выдающимся одописцем, способным творить грандиозные произведения, в числе которых названы его 隱士賦 «Инь ши фу» («Ода о сокрывшемся от мира») и 蟬賦 «Чань фу» («Ода о цикаде») в 3000 и 2000 с лишним иероглифов соответственно [Ван Линь, 1998. С. 141]. Значит, *юньфу* могли исполнять и в формате, близком к «большим одам». Сохранившиеся тексты семи *фу* (каждое свыше 100 строк) производят впечатление законченных произведений [Янь Кэ-цзюнь, 1987. С. 2032–2034; Лу Юнь цзи, 1989. С. 1–25]²⁰. Лучшим признано произведение 歲暮賦 «Суй му фу» («Ода о конце года») [Ма Цзи-гао, 1987. С. 178; Чэн Чжан-цань 2001, С. 147–148], варьирующее все те же скорбные настроения и отшельнические мотивы. С ним созвучны 愁霖賦 «Чоу линь фу» («Ода о тоске от затяжного дождя»), 喜齋賦 «Си чжай фу» («Ода о радостях [пребывания в уединенной] обители»), воспевающая бытие отшельника, и 登臺賦 «Дэн тай фу» («Ода о том, как поднялся на башню»), обогащенная социально-политическими мотивами²¹. Еще есть оды «Нань чжэн фу» 南征賦 («Ода о путешествии на юг») и 寒蟬賦 «Хань чань фу» («Ода о замерзшей цикаде), возможно, сохранившийся отрывок его легендарной «Чань фу».

Для Пань Ни сохранились фрагменты 13 *фу* [Янь Кэ-цзюнь, 1987. С. 1999–2001]²². Преобладают оды *юньфу*, например, 琉璃碗賦 «Люли вань фу» («Ода о стеклянной чашечке»), 芙蓉賦 «Фу жун фу» («Ода о фужуне», 4 строки), 扇賦 «Шань фу» («Ода о веере», 12 строк). Выделяется 惡道賦 «Э дао фу» («Ода о пути зла», 24 строки), в которой усматривают произведение с глубинным философским смыслом [Сюй Гун-чи, 1999. С. 347–349].

Одическое наследие Цзо Сы²³ и Чжан Хуа почти полностью исчерпывается текстами из ВС. Первому принадлежит грандиозный поэтический триптих 三都賦 «Сань ду фу» («Оды о трех столицах», цз. 4–6) [Вэнь сюань, 1959. С. 81–138; Wen xuan, 1982. P. 311–478], исходно причисленный к шедеврам панегирических од [Ван Линь 1998. С. 144–148; Ма Цзи-гао, 1987. С. 173–174; Сюй Гун-чи 1999. С. 386–393]²⁴. Еще сохранился достаточно пространственный фрагмент 白髮賦 «Бай фа фу» («Ода о белых волосах») [Янь Кэ-цзюнь, 1987. С. 1890], весьма своеобразного произведения в диалоговой форме.

Для Чжан Хуа в ВС вошла ода 鷓鴣賦 «Цзяоляо фу» («Ода о крапивнике», цз. 13, рубрика «Няо шоу», в 90 строк) [Вэнь сюань, 1959. С. 282–283; Wen xuan, 1996. P. 57–64], вмещающая в себя и отшельнические мотивы, и, возможно, политические сентенции²⁵. Из шести фрагментов *фу* Чжан Хуа [Янь Кэ-цзюнь, 1987. С. 1789]²⁶ преимущественное внимание об-

¹⁹ Его собрание сочинений в 12 и 10 цз. просуществовало до XII–XIII вв. Из редакций, созданных при Мин и Цин [Чжунго цуншу..., 1982. С. 1205], наиболее авторитетно 陸清河集 «Лу Цинхэ цзи» («Собрание сочинений Лу, [губернатора] Цинхэ») в две цз. (ЧП, цз. 50–51).

²⁰ К *фу* нередко относят и цикл под общим названием 九愆 «Цзю минь» («Девять сожалений») [Янь Кэ-цзюнь, 1987. С. 2036–2038; Лу Юнь цзи, 1989. С. 124–133], а потому насчитывают 16 (17) од Лу Юня [Ван Линь, 1998. С. 142; Ма Цзи-гао, 1987. С. 178].

²¹ Вариация на тему 登樓賦 «Дэн лоу фу» («Ода о том, как взшел на башню») 王粲 Ван Цаня (второе имя 仲宣 Чжун-сюань, 177–217), одного из ведущих представителей «Цзяньаньской поэзии»; включена в ВС (цз. 11), неоднократно переводилась [Духовная культура Китая, 2008. С. 242–243].

²² Собрание сочинений в 10 цз. утратили в X в. До нас дошло 潘太常集 «Пань Тайчан цзи» («Собрание сочинений Паня, [распорядителя] Управления Великого постоянного») в одну цз. (ЧП, цз. 47).

²³ Собрания сочинений в двух цз. («Суй шу») и в пяти цз. («Синь Тан шу») утратили в X в.

²⁴ Состоит из 蜀都賦 «Шу ду фу» («Ода о столице Шу»), 吳都賦 «У ду фу» («Ода о столице У») и 魏都賦 «Вэй ду фу» («Ода о столице Вэй»), объем от 4000 до 8000 знаков, повествующих не столько о столицах государств периода Троецарствия, сколько о бедствиях «смутного времени», посредством чего оправдывается переворот Сыма Яня и воспевается воцарение династии Цзинь.

²⁵ В ней усматривают аллегорию злодеяний всемогущей на тот момент императрицы Цзя-хоу (賈后, личное имя Цзя Нань-фэн 賈南風, 256–300), расправлявшейся с неугодными ей царедворцами, словно хищная птица с беззащитными пичугами [Ван Линь 1998, с. 108–110; Сюй Гун-чи, 1999. С. 285].

²⁶ От собрания сочинений в 10 цз. при Северной Сун остались две цз., утрачено в XIII–XIV вв. До нас дошло 張司空集 «Чжан сыкун цзи» («Собрание сочинений канцлера Чжана») в одну цз. (ЧП, цз. 40).

рашают на очередную «Оду о возвращении к полям» (28 строк), подтверждающую популярность в поэзии Западной Цзинь идеи «сельского отшельничества» [Не Ши-цяо, 2007. С. 366–367].

Вне плеяды «тайканских» литераторов наиболее плодовитыми одописцами были Фу Сюань/Юань (傅玄/元, второе имя Сю-и 休奕, 218 – 278) – крупный политик и самобытный стихотворец [Алимов, Кравцова, 2014. С. 510–511, 518–519, 524–535], его сын Фу Сянь (傅咸, второе имя Чжан-юй 張虞, 239 – 294), Чэнгун Суй (成公綏, второе имя Цзы-ань 子安, 231–273, Сяхоу Чжань (夏侯湛, второе имя Сяо-жо 孝若, 243–291) и Сунь Чу (孫楚, второе имя Цзы-цзин, 218 – 293).

Для Фу Сюаня сохранились фрагменты 56 фу [Янь Кэ-цзюнь, 1987. С. 1714–1721]²⁷; о них [Ван Линь, 1998. С. 100–103; Сюй Гун-чи, 1999. С. 281–283]. Особо многочисленны оды юньфу: о живых существах, например, 雞賦 «Цзи фу» («Ода о фазане», 14 строк); о растениях – 紫華賦 «Цзы хуа фу» («Ода о фиолетовом цветке», 31 строка), 菊賦 «Цзюй фу» («Ода о хризантеме», 6 строк); о музыкальных инструментах и орудиях письма, где излагаются взгляды на творческую деятельность – 琵琶賦 «Пи па фу» («Ода о [лютне] *pipa*», 24 строки), 琴賦 «Цинь фу» («Ода о [цитре] *qin*», 8 строк), 筆賦 «Би фу» («Ода о кисти для письма», 16 строк). Оригинальны оды о сезонных празднествах и придворных торжествах: 陽春賦 «Ян чунь фу» («Ода о расцвете весны», 26 строк), 元日朝會賦 «Юань жи чжао хуй фу» («Ода о об утреннем собрании [в честь празднования] первого дня [нового года]», 64 строки).

Для Фу Сяня сохранились фрагменты 36 фу [Янь Кэ-цзюнь, 1987. С. 1750–1755]²⁸; о них [Ван Линь, 1998. С. 153–154], среди них выделяются панегирические оды, но сосредоточенные в воспеании чудесных природных явлений, например, 神泉賦 «Шэнь цюань фу» («Ода о божественном источнике», 39 строк); и оды на исторические темы – 弔秦始皇賦 «Дяо цинь ши хуан фу» («Ода-плачь по Циньши-хуану», 21 строка). Наиболее многочисленны оды юньфу: о растениях – 梧桐賦 «Утун фу» («Ода об утуне», 10 строк); о бытовых реалиях – 羽扇賦 «Юй шань фу» («Ода о перьевом веере», 32 строки) и 燭賦 «Чжу фу» («Ода о светильнике», 39 строк), и впервые об искусстве живописи – 畫像賦 «Хуа сянь фу» («Ода о живописных изображениях», 30 строк).

Для Чэнгун Суя²⁹ сохранились полные тексты 嘯賦 «Сяо фу» («Ода о свисте»), включена в ВС (цз. 18) [Вэнь сюань, 1959. С. 389–392; Wen xuan, 1996. P. 315–324; The Shorter Columbia Anthology..., 2000. P. 229–234]³⁰, 天地賦 «Тянь ди фу» («Ода о Небе и Земле») – полноценное теоретическое сочинение, философствующее об устройстве мира и принципах мироздания, а также фрагменты 22 фу [Янь Кэ-цзюнь, 1987. С. 1794–1797]. Наиболее примечательны 大河賦 «Да хэ фу» («Ода о великой реке», 22 строки), 雲賦 «Юнь фу» («Ода об облаке», 26 строк) и 鳥賦 «Няо фу» («Ода о птице», самый крупный фрагмент 22 строки).

Для Сяхоу Чжаня сохранились 25 фрагментов [Янь Кэ-цзюнь, 1987. С. 1850–1852]³¹; о них [Ван Линь, 1998. С. 172–174; Сюй Гун-чи, 1999. С. 296–300]. Среди них наиболее при-

²⁷ Его собрание сочинений в 15 цз. просуществовало до конца Тан, при Северной Сун осталась одна цз., послужившая основой для редакций эпох Мин и Цин, включая 傅鸞集 «Фу Чуньгу цзи» («Собрание сочинений Фу, [барона] Чуньгу», ЧП, цз. 39).

²⁸ От первоначального собрания сочинений в 30 цз. ко второй половине VI в. осталось 17 цз., к эпохе Тан – 13 цз. Утрачено в X в., до нас дошло 傅中丞集 «Фу чжунчэн цзи» («Собрание сочинений Фу, левого сподвижника [в высших делах]») из ЧП (цз. 46).

²⁹ Его собрание сочинений в 10 цз. существовало до X в. До нас дошло 晉成公公安集 «Цзинь Чэнгун Цзы-ань цзи» («Собрание сочинений цзиньского Чэнгун Цзы-аня») в одну цз. (ЧП, цз. 52).

³⁰ Через рассказ об искусстве свиста, относимого к магическим практикам, вновь воспевается отшельническое уединение и доказывается превосходство «природных звуков» над самым совершенным музицированием [Ван Линь 1998. С. 104–105; Сюй Гун-чи, 1999. С. 293].

³¹ Это собрание сочинений в 10 цз. просуществовало до X в. До нас дошло 夏侯常侍集 «Сяхоу чанши цзи» («Собрание сочинений прислуживающего всадника Сяхоу») в одну цз. (ЧП, цз. 44).

мечательны тексты о грозе – 雷賦 «Лэй фу» («Ода о громе», 24 строки), 電賦 «Дянь фу» («Ода о молнии», 2 строки); и о военной и этнической музыке – 擊舞賦歌 «Пи у фу гэ» («Ода о танце под военные барабаны», 10 строк), 夜聽箏賦 «Е тин цзя фу» («Ода о том, как ночью услышал [звуки варварской] свирели», 20 строк).

Для Сунь Чу сохранились 17 фрагментов, преимущественно оды *юньфу* [Янь Кэ-цзюнь, 1987. С. 1800–1801]³²; о них [Ван Линь, 1998. С. 106–107], тоже вводящие новые для того времени объекты повествования: 雪賦 «Сюэ фу» («Ода о снеге», 12 строк) и 井賦 «Цзин фу» («Ода о колодце», 29 строк).

Заключение

Одическая поэзия занимала в литературном творчестве Западной Цзинь не менее существенное место, чем лирика. Демонстрируя те же художественные процессы, что и лирика – усиление роли индивидуального эмоционального начала, воспроизведение персонального жизненного опыта и личного мировоззрения, рост популярности антисоциальных настроений и идей, связанных с даосизмом (воспевание отшельнического бытия, поиск способов обретения бессмертия), она убедительно доказывает их универсальность для всего поэтического творчества той эпохи. В то же время одические произведения отдельных авторов существенно дополняют их стихотворное наследие, намного расширяя идейно-тематический диапазон и репертуар изобразительных средств их поэзии.

Список литературы / References

- Алексеев В. М.** Труды по истории китайской литературы. В 2 кн. М.: Вост. лит., 2003. Т. 1. 511 с.
Alekseev V. M. Trudy po istorii kitajskoj literatury [Studies in history of Chinese Literature]. In 2 vol. Moscow: Vostochnaya Literatura [Oriental Literature Publishing House], 2003, vol. 2, 511 p. (in Russ.)
- Алимов И. А., Кравцова М. Е.** История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза. В 2 т. СПб.: Петерб. востоковедение, 2014. Т. 1. 704 с.
Alimov I. A., Kravtsova M. E. Istoriya kitajskoj klassicheskoj literatury s drevnosti do XIII veka: poeziya, proza [The History of Classical Chinese Literature from Antiquity to XIIIth century: Poetry, Prose]. In 2 vol. St. Petersburg, Peterburgskoye Vostokovedeniye [St. Petersburg Center for Oriental Studies Publishers], 2014, vol. 1, 704 p. (in Russ.)
- Бежин Л. Е.** Под знаком «ветра и потока»: Образ жизни художника в Китае III–IV веков. М.: Наука, 1982. 224 с.
Bezhin L. Ye. Pod znakom “vetra yi potoka”: Obraz zhisni hudozhnika v Kitaye III–IV vekov [Under the sign of “wind and flow”: Artist's lifestyle in China of III–IV centuries AD]. Moscow, Nauka [Science Publishing House], 2003, 224 p. (in Russ.)
- Духовная культура Китая: энциклопедия / Гл. ред. М. Л. Титаренко. В 5 т. М.: Вост. лит., 2008. Т. 3: Литература. Язык и письменность. 854 с.
Duhovnaya kultura Kitaya: entsiclopediya [Spiritual culture of China: Encyclopedia] / Ed. by M. L. Titarenko. In 5 vol. Vol. 3. Moscow, Vostochnaya Literatura [Oriental Literature Publishing House], 2008, 854 p. (in Russ.)
- История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / Под ред. акад. Л. С. Тихвинского. М.: Вост. лит., 2014. Т. 3: Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан: 220–907 гг. / Под ред. И. Ф. Поповой, М. Е. Кравцовой. 991 с.
Istoriya Kitaya s drevnejshih vremen do nachala XXI veka [Chinese history from ancient times up to beginning of the XXI century] / Ed. by L. S. Tihvinskij. Vol. 3. Trojeczarstvije, Jin, Yuzhnyye yi Severnyye dinastii, Sui, Tang: 220–907 gg. [Three Kingdoms, Jin, Southern and Northern Dynasties, Sui, Tang: 220–907 years]. Moscow, Vostochnaya Literatura [Oriental Literature Publishing House], 2014, 991 p. (in Russ.)

³² Существовало собрание сочинений в 12 и 10 цз., утрачено в X в. До нас дошло 孫馮翊集 «Сунь Пинъи цзи» («Собрание сочинений Суня, [губернатора области] Пинъи») в одну цз. (ЧП цз. 41).

- Кравцова М. Е.** Проблемы изучения одической поэзии эпохи Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) // *Asiatica. Труды по философии и культурам Востока* / Под ред. Т. Г. Туманяна, В. А. Маркова. СПб., 2016. Вып. 10. С. 55–68.
- Kravtsova M. Ye.** On studies of the Han-era (206 B.C. – 220 A. D.) Fu-poetry // *Asiatica. Trudy po filosofiiyi i kulturam Vostoka* [Studies in oriental philosophy and culture]. Saint Petersburg, 2016, vol. 10, p. 55–68. (in Russ.)
- Кравцова М. Е.** Китайские «литературные кланы»: Аньлинские Бани и их место в истории поэзии эпохи Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) // *Asiatica. Труды по философии и культурам Востока*. Вып. 11 (2) / Под ред. Т. Г. Туманяна, В. В. Маркова. СПб., 2017. С. 19–33.
- Kravtsova M. Ye.** Chinese “Literary Families”: Ban family from Anling and its place in history of poetry of the Han-era (206 B.C. – 220 A. D.) // *Asiatica. Trudy po filosofiiyi i kulturam Vostoka* [Studies in oriental philosophy and culture]. Vol. 11, no 2. Saint-Petersburg, 2017, p. 19–33. (in Russ.)
- Меньшиков Л. Н.** Из истории китайской книги. СПб.: Изд-во «Нестор-История» С.-Петерб. ин-та ист. РАН, 2005. 321 с.
- Menshikov L. N.** Iz istorii kitaiskoj knigi [On history of Chinese books]. Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya [Nestor-History Publishing House], 2005, 321 p.
- Шедевры китайской классической прозы в переводах академика В. М. Алексеева: В 2 кн. М.: Вост. лит., 2006. Т. 1. 470 с.
- Shedevry kitaiskoj klassicheskoy prozi v perevodah akademika V. M. Alekseewa [Masterpieces of Chinese classical prose literature, translated by academic V. M. Alekseew]. In 2 vol. Moscow, Vostochnaya literatura [Oriental Literature Publishing House], 2006. vol. 1, 470 p. (in Russ.)
- Connery C. L.** Sao, Fu, Parallel Prose, and Related Genres // *The Columbia History of Chinese Literature* / Ed. by Victor H. Mair. New York, Columbia University Press, 2001, p. 223–247.
- Knechtges D. R.** From the Eastern Han through the Western Jin (A. D. 25–317) // *The Cambridge History of Chinese Literature* / Ed. by Chang, Kang-I Sun, Owen, S. In 2 vols. Cambridge, Cambridge University Press, 2010, vol. 1, p. 116–198.
- Luo Yuming.** A Concise History of Chinese Literature / Transl. with annot. and an introduction by Ye Yang. In 2 vol. Leiden, Brill, 2011, vol. 1, 987 p.
- The Shorter Columbia Anthology of Traditional Chinese Literature / Ed. by Victor H. Mair. New York: Columbia University Press, 2000. 741 p.
- Wen xuan, or Selection of Refined Literature. Vol. 1. Rhapsodies on Metropolises and Capitals / Transl., ann., and intr. by D. R. Knechtges. Princeton, Princeton University Press, 1982, 627 p.
- Wen xuan, or Selection of Refined Literature. Vol. 2. Rhapsodies on Sacrifices, Hunting, Travel, Sightseeing, Palaces and Halls, Rivers and Seas / Transl., ann., by D. R. Knechtges. Princeton, Princeton University Press, 1987, 404 p.
- Wen xuan, or Selection of Refined Literature. Vol. 3. Rhapsodies on Natural Phenomena, Birds and Animals, Aspirations and Feelings, Sorrowful Laments, Literature, Music, and Passions / Transl., ann., by D. R. Knechtges. Princeton, Princeton University Press, 1996, 449 p.
- Ван Линь** Лючао цыфу ши [王琳. 六朝辭賦史]. История одической поэзии Лючао. Харбин: Хэйлунцзян цзяоюй чубаньшэ, 1998. 349 с. (на кит. яз.)
- Wan Lin.** Liuchao cifu shi [History of Chinese rhapsody poetry of the Six Dynasties]. Harbing, Heilongjiang jiaoyu chubanshe, 1998, 349 p. (in Chin.)
- Вэнь сюань** / Сяо Тун сюань, Ли Шань чжу [文選蕭統選李善注]. Избранные произведения изящной словесности / Сост. Сяо Тун, коммент. Ли Шаня. В 2 т. Пекин: Шанью иньшугуань, 1959. Т. 1. 684 с. (на кит. яз.)
- Wen xuan / Xiao Tong xuan, Li Shan zhu [Selection of Refined Literature / Compl. by Xiao Tong; comment. By Li Shan]. In 2 vol. Beijing, Shangwu yinshuguan, 1959, vol. 1, 684 p. (in Chin.)

- Го Вэйсэнь, Сюй Цзе.** Чжунго цы фу фачжань ши [郭維森, 許結. 中國辭賦發展史]. История китайской поэзии в жанрах *цы* и *фу*. Нанкин: Цзянсу цзяюй чубаньшэ, 1996. 868 с. (на кит. яз.)
Guo Weisen, Xu Jie. Zhongguo ci fu fazhan shi [History of Chinese *Ci* and *Fu* poetic genres]. Nanjing, Jiangsu jiaoyu chubanshe, 1996, 868 p. (in Chin.)
- Лу Цзи цзи / Цзинь Таошэн дянъцзяо** [陸機集. 金濤聲點校]. Собрание сочинений Лу Цзи / Крит. текст Цзинь Таошэна. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1982. 219 с. (на кит. яз.)
Lu Ji ji / Jin Taosheng dianjiao [Collection of works of Lu Ji / Comment. by Jin Taosheng]. Beijing, Zhonghua shuju, 1982, 219 p. (in Chin.)
- Лу Юнь цзи / Хуан Цай дянъцзяо** [陸雲集. 黃蔡點校]. Собрание сочинений Лу Юня / Критический текст Хуан Цая. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1988. 208 с. (на кит. яз.)
Lu Yun ji / Huang Cai dianjiao [Collection of works of Lu Yun / Comment. by Huang Cai]. Beijing, Zhonghua shuju, 1988, 208 p. (in Chin.)
- Ма Цигао.** Фу ши [馬積高. 賦史]. История одической поэзии. Шанхай: Гуцзи чубаньшэ, 1987. 642 с. (на кит. яз.)
Ma Jigao. Fu shi [History of *Fu* poetry]. Shanghai, Guji chubanshe, 1987, 642 p. (in Chin.)
- Не Шицяо.** Вэй Цзинь Наньбэйчао вэньсюэ ши [聶石樵. 魏晉南北朝文學史]. История литературы Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2007. 471 с. (на кит. яз.)
Nie Shiqiao. Wei, Jin, Nanbeichao wenxue shi [History of Chinese literature of Wei, Jin, Southern and Northern Dynasties]. Beijing, Zhonghua shuju, 2007, 471 p. (in Chin.)
- Синь Тан шу / Оуян Сю дэн чжуань** [新唐書. 歐陽修等撰]. Новая книга о Тан / Сост. Оуян Сю и др.: В 20 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1975. Т. 5. 305 с. (на кит. яз.)
Xintangshu / Ouyang Xiu deng zhuan [New Book of Tang / Comp. by Ouyang Xiu, et al.]. In 20 vol. Beijing, Zhonghua shuju, 1975, vol. 5, 305 p. (in Chin.)
- Суй шу / Вэй Чжэн дэн чжуань** [隨書. 魏徵等撰]. Книга о Суй / Сост. Вэй Чжэн и др.: В 6 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1982. Т. 4. 344 с. (на кит. яз.)
Suishu / Wei Zheng deng chuan [Book of Sui / Comp. by Wei Zheng, et al.]. In 6 vol. Beijing, Zhonghua shuju, vol. 5, 344 p. (in Chin.)
- Сун ши / Тото дэн чжуань** [宋史. 脫脫 等撰]. История Сун / Сост. Тото и др.: В 40 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1977. Т. 16. 333 с. (на кит. яз.)
Songshi / Tuotuo deng chuan [History of Song / Comp. by Tuotuo, et al.]. In 40 vol. Beijing, Zhonghua shuju, vol. 16, 333 p. (in Chin.)
- Сюй Гунчи.** Вэй Цзинь вэньсюэ ши [徐公持. 魏晉文學史]. История литературы Вэй и Цзинь. Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 1999. 626 с. (на кит. яз.)
Xu Gongchi. Wei, Jin wenxue shi [History of literature of Wei and Jin]. Beijing, Renmin wenxue chubanshe, 1999, 626 p. (in Chin.)
- Цзю Тан шу / Лю Сюй дэн чжуань** [舊唐書. 劉昫等]. Старая книга о Тан / Сост. Лю Сюй и др.: В 16 т. Пекин, Чжунхуа шуцзюй, 1975. Т. 6. 376 с. (на кит. яз.)
Jiutangshu / Liu Xu deng zhuan [Old History of Tang / Comp. by Liu Xu, et al.]. Beijing, Zhonghua shuju, 1975, vol. 6, 376 p. (in Chin.)
- Чжан Шуньхуэй (сост.)** Чжунго шисюэ минчжэ тизе [張舜徽主編. 中國史學名著題]. (Справочные материалы к прославленным сочинениям по истории Китая). Пекин: Чжунго циньянь чубаньшэ, 1984. 478 с. (на кит. яз.)
Zhang Shuihui (ed.) Zhongguo shixue mingzhe tijie [Reference materials for prominent writings on Chinese history]. Beijing, Zhongguo qingnian chubanshe, 1984, 478 p. (in Chin.)

Чжунго цуншу цзунлу [中國叢書綜錄]. Каталог китайских книжных собраний: В 3 т. Шанхай: Гуцзи чубаньшэ, 1982. Т. 2. 1766 с. (на кит. яз.)

Zhongguo congshu zonglu [Catalogue of Chinese written collections]. In 3 vol. Shanghai, Guji chubanshe, 1982, vol. 2, 1766 p. (in Chin.)

Чэн Чжан-цань. Вэй Цзинь Нанбэйчао фу ши [程章燦。魏晉南北朝賦史]. История одической поэзии Вэй, Цзинь и Южных и Северных династий. Нанкин: Цзянсу гуцзи чубаньшэ, 2001. 447 с. (на кит. яз.)

Chen Zhangqian. Wei, Jin, Nanbeichao fu shi [History of *Fu*-poetry of Wei, Jin, Southern and Northern Dynasties]. Nanjing, Jiangsu guji chubanshe, 2001, 447 p. (in Chin.)

Янь Кэцзюнь. Цюань шангу Сань дай Цинь Хань Саньго Лючао вэнь [嚴可均。全上古三代秦漢三國六朝文]. Полное собрание литературы с глубокой древности, Трех династий, Цинь, Хань, Троецарствия и Шести династий: В 4 т. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1987. Т. 2. 1083 с. (на кит. яз.)

Yan Kejun. Quan shanggu, San-dai, Qin, Han, Sanguo, Liuchao wen [Complete collection of refined literature of ancient times, Three dynasties, Qin, Han, Three Kingdoms and Six Dynasties]. In 4 vols. Beijing, Zhonghuan shuju, 1987, vol. 2, 1083 p. (in Chin.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
09.12.2018*

Сведения об авторе / Information about the Author

Кравцова Марина Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Востока Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (Васильевский остров, Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Marina Ye. Kravtsova, DSc. Professor, Department of the Oriental Philosophy and Cultural Studies, Saint Petersburg State University (Vasilievsky ostrov, Mendeleevskaya Liniya, 5, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation)

m.kravcova@spbu.ru

УДК 811.58 + 811.521
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-87-95

Сложные двандва в китайском и японском языках: сравнительный аспект

Н. В. Кутафьева

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В данной работе на материале типологически различных языков, современного китайского и японского, анализируются слова с координативными отношениями между компонентами или координативные двандва. Цель работы – сравнить структурные и семантические характеристики данных слов. Сложные двандва широко используются в китайском и японском языках как существительные, прилагательные и глаголы. Особенность словообразования координативного типа в китайском и японском языках состоит в том, что словообразовательные модели представляют собой объединение однородных компонентов, которое происходит независимо от типа семантических отношений между компонентами. Порядок следования компонентов определяется понятием «приоритет», а также фонетическими правилами и правилами акцентуации каждого языка. В японском языке в процесс словообразования включена лексика различного происхождения, соответственно используются словообразовательные модели, отсутствующие в китайском языке. Между компонентами сложных двандва в обоих языках существуют различные семантические отношения.

Ключевые слова

Китайский язык, японский язык, двандва, координативная связь

Благодарности

Автор выносит благодарность директору научно-образовательного и культурного центра ГИ НГУ «Институт Конфуция» Ю. А. Азаренко за помощь, оказанную в вычитке китайских примеров.

Для цитирования

Кутафьева Н. В. Сложные двандва в китайском и японском языках: сравнительный аспект // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 4: Востоковедение. С. 87–95. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-87-95

Dvandva Compound Words in Chinese and Japanese Languages: Comparative Aspect

N. V. Kutafeva

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Based on the data of two typologically different languages, Chinese and Japanese, this article analyzes words with coordinative relations between components or the so called coordinated dvandva.

The analyzed words were taken by way of sampling from Chinese and Japanese dictionaries and online web sites.

The aim of this study was to compare structural and semantic characteristics of these words. Coordinated dvandva are widely used in both languages as nouns, adjectives and verbs.

The peculiarity of word-formation of coordinative types in Chinese and Japanese is that the word-formation models are a union of homogeneous components, which occurs regardless of the type of semantic relations between the components. In Japanese the words of different origins (*kango*, *wago* and *gairaigo*) are included in the process of word formation so that the word-formation models absent in Chinese are used. Moreover, since in Japanese word-building of *kango* is more productive than that of *wago* and *gairaigo*, coordinated dvandva-*kango* prevail.

The order of the components in coordinated dvandva in Chinese and Japanese is determined by the concept of “priority”, as well as phonetic rules and the rules of accentuation of each language, respectively. The rule comes with a few

exceptions: when the components of the adjective or verbal dvandva specify or duplicate each other and when the components of the adjectival dvandva have an antonymic relation.

There are different semantic relations between the components of a compound dvandva in both languages, whereas substantive dvandva can express the meaning of indefinite plurality. The meaning of coordinated dvandva that exist and in Chinese and Japanese, as a rule, is the same.

Keywords

Chinese language, Japanese language, dvandva, coordinative relation

Acknowledgements

The author thanks Yu. A. Azarenko, Director of the Scientific, Educational and Cultural center of Humanitarian Institute of Novosibirsk State University "Confucius Institute" for the assistance provided in the proofreading of Chinese examples.

For citation

Kutafeva N. V. Dvandva Compound Words in Chinese and Japanese Languages: Comparative Aspect. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 4: Oriental Studies, p. 87–95. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-87-95

Введение

В различных языках мира независимо от их типологической принадлежности существуют сложные слова с координативной связью между составляющими компонентами, или двандва. Они используются в многочисленных индоарийских языках Индии, Бангладеш, Непала, Пакистана и Шри-Ланки, в языках Юго-Восточной Азии (китайском, корейском, японском), а также в европейских языках (греческом, финском, английском и др.).

Источником происхождения понятия «двандва» является индийская мифология, в которой описывается сосуществование противоположностей, света и тьмы, добра и зла и т. д. Двандва как языковое явление впервые было описано в грамматике Панини, в которой подробно анализировались виды сложных слов [Кочергина, 1972].

Общими проблемами сложных двандва в различных языках занимались европейские лингвисты¹. Нас интересуют сложные двандва в изолирующем китайском и агглютинативном японском языках.

Результаты исследования

В китайском языке среди способов словообразования выделяют словосложение, полуаффиксацию, аффиксацию, транспозицию, фонетическое и семантическое обособление, редупликацию и контракцию [Горелов, 1984. С. 18; Кленин, Щичко, С. 88; Жень Сюэлян, 1981. 127–133]. В японском языке – аффиксацию, сложение, редупликацию, аббревиацию и заимствование [Цудзимура, 2013. С. 137–142]. Китайский и японский языки являются языками сложных слов, возникающих в результате различных словообразовательных процессов. Следует отметить, что слово- (осново-, корне-) сложение является самым распространенным способом словообразования в современном китайском и японском языках и значительно преобладает над другими способами. Словосложение на протяжении веков оставалось в китайском и японском языках одним из продуктивных способов словообразования и способствовало переходу от односложной нормы к многосложной.

По данным «Лексикона современного китайского языка» (*Lexicon of Common Words in Contemporary Chinese*), сложные слова являются обычными в китайском языке, из них 72 %

¹ О. Есперсен рассматривает двандва на примере географических названий английского языка, I. Plag анализирует виды двандва в английском языке, S. Olsen исследует двандва в романских языках (испанском, итальянском, португальском, французском) и германских языках (английском и немецком), L. Bauer говорит о распространении сложных двандва в языках Евразии, Океании и Австралии, Новой Гвинее и их отсутствии в языках Африки и Северной Америки, В. Walchli рассматривает двандва в алтайских и уральских языках и отмечает, что количество двандва уменьшается в языках Евразии с востока на запад [Tokizaki, 2016].

состоят из двух иероглифов, являющихся двумя морфемами, из которых в свою очередь примерно 93 % являются двухкомпонентными сложными словами [Cui Lei, 2018]².

На материале китайского языка в различное время исследованием словообразования занимались Ван Ли, Люй Шусян, Ли Юньчан, Чжу Янь, Жэнь Сюэлян, Лю Юнцюань, Хэ Хуа, А. И. Иванов, Е. Д. Поливанов, И. М. Ошанин, Л. М. Солнцев, Н. Н. Коротков, А. Л. Семенов, В. И. Горелов, О. П. Фролова, А. А. Хаматова и др.

На материале японского языка – Киэда Масуити, Уэда Масанобу, Кагэяма Таро, Цудзимура Нацуко, А. А. Пашковский, И. В. Головин, Б. П. Лаврентьев, В. М. Алпатов и др.

В работе мы использовали описательный, сравнительный и метод компонентного анализа. С помощью данных методов мы описали способы образования и признаки сложных слов, сравнили характеристики сложных двандва в анализируемых языках, выделили семы в значении сложных слов, определили характер связи между компонентами и уточнили лексическое значение сложных двандва.

Материал для анализа был собран сплошной выборкой из китайских и японских словарей и интернет-сайтов³.

Цель данной работы – сравнить структуру и семантику сложных двандва в современных китайском и японском языках.

Американский лингвист Л. Блумфилд (говоря о языке в целом), А. А. Пашковский и Кунихиро Тэцуя (на материале японского языка) отмечают, что в пределах слова между компонентами могут существовать неравноправные и равноправные отношения, причем в количественном отношении преобладают слова с неравноправными отношениями [Блумфилд, 2002. С. 245–268; Пашковский, 1980. С. 70–71; Кунихиро, 1980. С. 256–257]. При неравноправных отношениях один компонент слова уточняет, модифицирует другой компонент. При равноправных отношениях оба компонента слова имеют одинаковую значимость.

Двандва – это сложные слова с равноправными отношениями между составляющими компонентами. Эти равноправные отношения называются координативными, копулятивными или сочинительными [Padrosa-Trias, 2013. P. 98–99]⁴.

По координативной модели словообразования (когда оба компонента являются равноправными и ни один из них не доминирует над другим) происходит образование существительных, прилагательных и глаголов в китайском и японском языках:

кит. 儿女 *érnǚ* «сыновья + дочери → дети», 安静 *ānjìng* «спокойный + тихий → спокойный, тихий», 搜集 *sōuji* «разыскивать + собирать → коллекционировать»;

яп. 機器 *kiki* «машины + приборы → аппаратура», 広大 *koudai* «широкий + большой → обширный, просторный», 泣き叫ぶ *nakisakebu* «плакать + кричать → плакать и кричать».

В изолирующем китайском языке одна и та же единица может выступать и как самостоятельная лексема и как морфема в составе сложного слова. Мы будем рассматривать лексически сложные слова. Кроме того, частеречная принадлежность слова определяется в составе предложения, поэтому, относя то или иное слово к определенной части речи, мы будем ориентироваться на его принадлежность, закрепленную в словарях и научной литературе.

Существуют различные подходы к изучению сложных слов. Например, структурный подход, когда анализируются отношения между компонентами (выделяются два вида структуры: первый – компоненты соплагаются, второй – один компонент модифицирует и структурно доминирует над другим); семантический подход, когда анализируется значение слова на ос-

² Cui Lei, Cong Fengjiao. Effects of Grammatical Structure of Compound Words on Recognition in Chinese. *Frontiers in Psychology*. 2018. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5854690/>

³ Китайско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1980, Кэнкюся. Японско-русский словарь. Токио: Кэнкюся, 2000; *KOTONOHA* (URL: http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form) [https://en.wiktionary.org/wiki/Category: Chinese_dvandva_compounds](https://en.wiktionary.org/wiki/Category:Chinese_dvandva_compounds)

⁴ Padrosa-Trias S. Are their coordinate compounds? On-Line Proceedings of Mediterranean Morphology Meeting. <http://www.lilec.it>, 2013. P. 98–111.

нове значений его компонентов; синтаксический подход, когда сложное слово рассматривается как синтаксическая структура [Ceccagno and Basciano, 2012]⁵.

Российская исследовательница А. Л. Семенас под копулятивным комплексом в китайском языке понимает комплекс, построенный по принципу сочинительной связи, представляющий собой образование, обладающее функциональным единством и состоящий из тесно спаянных морфем (лексем), связанных определенными семантическими отношениями, такими как суммирование, собирательность, переосмысление, поглощение, дублирование, интенсификация, противопоставление, суммирование и опредмечивание и др. Эти комплексы могут быть существительными, прилагательными, глаголами [Семенас, 2000].

Объектом нашего исследования являются сложные слова, состоящие из двух компонентов. Образование сложных слов включает в себя не только иероглифы, морфемы и слова, но и их структурные отношения.

Структура сложных двандва

В китайском языке существуют следующие модели.

1. $N + N \rightarrow N$. Соединяются два субстантивных компонента, образуется существительное: 水土 *shuǐtǔ* «вода + земля → климат, условия местности».
2. $A + A \rightarrow N$. Соединяются два адъективных компонента, образуется существительное: 大小 *dàxiǎo* «большой + маленький → размер».
3. $A + A \rightarrow A$. Соединяются два адъективных компонента, образуется прилагательное: 主要 *zhǔyào* «главный + важный → главный, важный».
4. $V + V \rightarrow V$. Соединяются два вербальных компонента, образуется глагол: 收拾 *shōushi* «собрать + прибрать → привести в порядок».

Вместе с заимствованием иероглифически написанных китайских слов в японский язык была заимствована словообразовательная модель и чтение слов, поэтому у японских слов есть два чтения *он-ёми* (китайское) и *кун-ёми* (японское), которые, находясь в дополнительном распределении, выражают одно и то же значение. В японском языке в словообразовательный процесс сложных слов включены слова *ваго* (японские слова), *канго* (слова заимствованные из китайского языка или построенные по китайской словообразовательной модели) и *гайрайго* (заимствованные слова).

В японском языке существуют следующие модели.

- I. $N + N \rightarrow N$. Соединяются два субстантивных компонента, образуется существительное: 目鼻 *mehana* «глаз + нос → глаза и нос, черты лица» (*канго, он-ёми*), ライスパン *райсупан* «рис и хлеб» (*гайрайго*).
- II. $A + A \rightarrow N$. Соединяются два адъективных компонента, образуется существительное: 長短 *choutan* «длинный + короткий → длина; достоинства и недостатки» (*канго, он-ёми*).
- III. 1. $A + A \rightarrow A$. Соединяются два адъективных компонента, образуется (полупредикативное) прилагательное: 広大 *koudai* «широкий + большой → обширный, огромный» (*канго, он-ёми*).
2. A (stem) + $A \rightarrow A$. Соединяется основа и прилагательное, образуется прилагательное: 甘辛い *amakarai* «сладкий + соленый → сладко-соленый; удачи-неудачи, превратности» (*ваго, кун-ёми*). Компоненты записываются иероглифами и азбукой и легко идентифицируются.
- IV. 1. V (stem) + $V \rightarrow V$. Соединяется основа и глагол, образуется глагол: 喜び勇む *yorokobiisamu* «радоваться и воодушевляться» (*ваго, кун-ёми*).
2. V (stem) + V (stem) $\rightarrow N$. Соединяются две основы, образуется существительное: 降り降り *noriori* «посадка и выход из транспорта» (*ваго, кун-ёми*).

⁵ Ceccagno A., Basciano B. Classification of Chinese compounds. On-line Proceedings of the Sixth Mediterranean Meeting of Morphology. <http://www.lilec.it/mmm/wp/wp-content/uploads/2012/10/>

Существует вариант, когда соединятся две основы, образуется отглагольное существительное *канго*, к которому может присоединяться служебный глагол *する suru* «делать», все слово в целом функционирует как глагол. V (stem) + V (stem) → N; N + *suru* → V: 飲食する *inshokusuru* «питье и еда; питаться».

Таким образом, в японском языке к заимствованным моделям добавляются японские словообразовательные модели.

Порядок следования компонентов

Российские исследователи [Бергельсон, Кибрик, 1981. С. 353] считают, что при упорядочивании равноправных членов сочинительной конструкции применяется принцип приоритета, основанный на иерархических тезаурусных отношениях, таких как

- человек – не человек (человек и природа, человек и закон, человек и животные), кит. 人畜 *réncǔ* «люди и скот»; яп. 人畜 *jinnchiku* «люди и животные»;
- мужчина – женщина (муж и жена, отец и мать, юноши и девушки), кит. 夫妇 *fūfū* «муж и жена, супруги», 夫妻 *fūqī* «муж и жена, супруги»; яп. 夫婦 *fuufu* «муж и жена, супруги», 夫妻 *fusai* «муж и жена, супруги»;
- старшие – младшие (отцы и дети, бабушка и внук, внуки и правнуки), кит. 父子 *fūzǐ* «отец и сын, старшие и младшие», 母子 *mǔzǐ* «мать и сын; капитал и проценты»; яп. 父子 *fusi* «отец и сын (дочь)», 母子 *boshi* «мать и ребенок, дети»; капитал и проценты»;
- социальное / общественное положение: более важное – менее важное (преподаватели и студенты нации и народности), кит. 主从 *hǔcóng* «хозяин и слуга; неравноправие, подчинение», яп. 主従 *shujuu* «господин и слуга, начальник и подчиненный», кит. 政教 *zhèngjiào* «политика и религия, политика и просвещение», яп. 政教 *seikyō* «государство и церковь».

Общим является то, что первая позиция предназначается для более престижного компонента. В нашем случае данные критерии относятся к субстантивным сложным двандва, образованным субстантивными компонентами.

Следует добавить еще несколько отношений, связывающих компоненты сложных двандва.

- значение «плюс-минус», первым стоит компонент со значением «плюс», затем следует компонент со значением «минус», кит. 甘辛 *gānxī* «сладкий и горький → радость и горе, плюсы и минусы, превратности судьбы», яп. 甘辛 (ゝ, ㇿ) *amakara(ū, no)* «сладкий и соленый, удачи-неудачи, превратности», кит. 有无 *yǒuwú* «иметь или не иметь, наличие или отсутствие», яп. プラスマイナス *purasu-mainasu* «плюс и минус», 有無 *umi* «наличие или отсутствие»;
- степень удаленности: первый компонент обозначает удаленность, второй – близость, кит. 远近 *yuǎnjìn* «далекий или близкий, расстояние, перспектива, степень родства», яп. 遠近 *enkin* «далекий и близкий, перспектива»;
- последовательность действий: кит. 来往 *láiwǎng* и 往来 *wǎnglái* «приходить и уходить; взад и вперед; около; связь», яп. 往き来 *yukiki* «приход и уход, дружеские отношения».

Российские лингвисты считают, что в китайском языке допускается варьирование порядка следования компонентов слова в тех случаях, когда компоненты адъективных или глагольных сложных двандва являются синонимами или когда значение одного компонента уточняет или дублирует значение другого: 代替 *dàitì* «представлять + заменять → замещать» и 替代 *tìdài* «замещать + представлять → замещать», 合适 *héshì* и 适合 *shìhé* «соответствовать + соответствовать → подходящий». Однако чаще при изменении порядка следования компонентов изменяется и семантика слова, 兄弟 *xiōngdì* «братья, младший брат» и 弟兄 *dìxiōng* «братья» [Семенов, 2000. С. 52–64].

Европейские исследователи считают, что порядок следования компонентов в сложных двандва в китайском языке не может быть изменен (по нашему мнению, следует добавить –

в субстантивных двандва). Вероятно, это связано с прагматическими и культурными факторами (например, в патриархальном обществе соединение типа «отец-мать» для «родителей» не изменяется) или с лексикализацией [Arcodia, Grandi, Montermini, 2009. С. 25].

Американский исследователь Shibatani Masayoshi, рассматривая порядок компонентов сложных двандва в японском языке, считает, что он фиксирован и определяется понятием «приоритет», первым стоит более значимый компонент [Shibatani, 1990. С. 245].

Однако бывают и исключения, например 貧富 *hinpu* «бедность и богатство, имущественное положение», 難易 *nan'i* «трудность и лёгкость» [Jouze, 2002. Р. 66].

Есть сложные двандва, в которых порядок следования компонентов может варьировать при *куном* чтении, например, 左右 *хидаримиги* «левый и правый» и 右左 *мигихидари* «правый и левый», 黑白 *куросиро* «чёрный и белый» и 白黒 *сирокуро* «белый и чёрный».

На порядок компонентов в сложных двандва японского происхождения может влиять фонологическая характеристика. Компоненты, начинающиеся с гласных, преимущественно стоят в позиции первого компонента, тогда как компоненты, начинающиеся с согласных «к» и «х», – преимущественно в позиции второго компонента [Nishimura, 2013. Р. 78].

Сложные двандва обладают характерными акцентологическими особенностями. В китайском языке компоненты располагаются в соответствии с их тоновой характеристикой, первый, второй, третий и четвертый, 操控 *cāokòng* «контроль + контроль → действовать и контролировать».

В японских сложных двандва отсутствует озвончение (*рэндаку*) начального согласного второго компонента, хотя по правилам японского словообразования оно должно быть, например, двандва 読み *ёми* «чтение» + 書き *каки* «письмо» → 読み書き *ёмикаки* «чтение и письмо». Кроме того, при соединении двух компонентов во многих случаях акцент сохраняется на первом компоненте, 白 *сиро* «белое» + 黒 *куро* «чёрное» → 白黒 *сирокуро* «белое и чёрное». Если же в первом компоненте отсутствует акцент, он падает на последнюю мору⁶ второго компонента: 上 *уэ* «верх» + 下 *сита* «низ» → 上下 *уэсита* «верх и низ» [Nishimura, 2013. Р. 80].

Рассмотрим далее количество слогов в китайских и мор в японских сложных двандва. Как было указано выше, мы рассматриваем только двухкомпонентные сложные двандва. В китайском языке один компонент – это один иероглиф и один слог или односложное слово (основа) 厚薄 *hòubó* «толстый + тонкий → толщина», 眼目 *уянтю* «глаз + глаз → важный пункт». В японском языке один компонент – это один иероглиф и одна мора (для *канго*), один иероглиф и несколько мор (для *ваго*), слово из нескольких слогов, записанное азбукой *катакана* (для *гайрайго*). Например, 有無 *ути* «наличие или отсутствие» (*канго*, две моры), 目鼻 *меhana* «глаза и нос» (*ваго*, три моры), 山川 *уатакава* «горы и реки» (*ваго*, четыре моры), ラジオテレビ *раjiотереби* «радио и телевидение» (*гайрайго*, 6 мор).

Сложные двандва представляют собой специфический тип соединения, в котором каждый из двух участвующих компонентов разделяет статус морфологического главенства и имеет форму «А и Б» или «А или Б». Значение «и» или «или» выражается в контексте [Kageyama, 1982]. Между компонентами сложных двандва существуют конъюнктивные и дизъюнктивные отношения с преобладанием первых.

Типы семантических отношений

1. Компоненты сложного слова являются синонимичными, значение слова равно значению компонентов, при этом компоненты могут выражать идентичное значение. Можно выделить несколько морфолого-семантических разновидностей, в которых компоненты могут быть

⁶ Мора (англ. *mora*) – минимальный сегмент речевого потока, могущий быть носителем просодического элемента, т. е. кратчайшая просодическая единица, или фонологический слог [Ахманова, 2004. С. 240].

- субстантивными, кит. 江河 *jiānghé* «река + река → реки», яп. 河川 *касэн* «река + река → реки», кит. 树木 *shùmù* «дерево + дерево → деревья», яп. 樹木 *jumoku* «дерево + дерево → деревья» (в китайском и японском языках выражается значение множественности), кит. 眼目 *yǎnmù* «глаз + глаз → важный пункт», яп. 眼目 *ganmoku* «глаз + глаз → суть, сущность, направленность»;

- адъективными, кит. 高大 *gāodà* «большой + высокий → громадный», яп. 广大 «широкий + большой → величественный», кит. 冷淡 *lěngdàn*, яп. 冷淡 *reitan* «холодный + равнодушный → апатия, безразличный», кит. 奇怪 *qíguài*, яп. 奇怪 *kikai* «странный + странный → странный, удивительный» (и в китайском и в японском языке допустим вариативный порядок компонентов), кит. 暗黑 *ànhēi*, 黑暗 *hēi'àn* «черный + темный → темный, мрачный», яп. 暗黒 *ankoku* «темный + черный → темный, мрачный»;

- вербальными, компоненты дополняют друг друга, кит. 爱好 *àihào*, яп. 愛好 *aikou* «любить + любить → любить», кит. 描写 *miáoxiě*, яп. 描写 *byousha* «копировать + писать → изображать, изображение», кит. 教育 *jiàoyù* «учить + воспитывать → обучать и воспитывать, просвещение», яп. 教育 *kyouiku* «обучать + воспитывать → обучение».

2. Компоненты сложного слова являются антонимами, их соединение приводит к обобщению и возникновению нового переносного значения. Также выделяются несколько разновидностей, компоненты которых могут быть

- субстантивными, кит. 早晚 *zǎowǎn* «утро + вечер → постоянно, в то или другое время, яп. 朝晩 *asaban* «утро и вечер → с утра до вечера, все время», 明け暮れ *akekure* «день и ночь → все время, постоянно»;

- адъективными. Образуются слова, обозначающие физический параметр, кит. 粗细 *cūxì* «толстый + тонкий → толстый и тонкий, суть дела, размер» или 厚薄 *hòubó* «толстый + тонкий → толщина», яп. 厚薄 *kouhaku* «толщина, пристрастие», кит. 深浅 *shēnqiǎn* «глубокий + мелкий → глубина, мера, оттенок», яп. 深淺 *shinsen* «глубокий + мелкий → глубина (или мелкость), насыщенность цвета», 好恶 *hàowù* «хороший + плохой → любовь и/или ненависть, вкусы, наклонности», яп. 好悪 *kouaku* «любить + ненавидеть → склонность»;

- вербальными. Образуются слова, указывающие на характерные признаки данного действия, кит. 买卖 *mǎimài* «покупать + продавать → торговля», яп. 売買 *baibai* (он-эми), 売り買 *urikai* (кун-эми) «покупать + продавать → торговля». Могут образовываться слова с дизъюнктивными отношениями между компонентами, кит. 得失 *déshī* «получить + потерять → приобретение или убыток, удача или неудача, выгода», яп. 得失 *tokushitsu* «выгоды и невыгоды, плюсы и минусы» (в японском слове – конъюнктивные отношения).

3. Компоненты сложных двандва обозначают разные члены одного класса.

Могут быть описаны родовидовые отношения, слово обозначает вид, компоненты – род, кит. 父母 *fùmǔ*, яп. 父母 *fubo* (он-эми), *chichihaha* (кун-эми) «отец + мать → родители», кит. 子孙 *zǐsūn*, яп. 子孫 *koson* «дети и внуки → потомство».

Могут быть описаны совокупности, кит. 草木 *cǎomù*, яп. 草木 *kusaki* (кун-эми) «трава + деревья → растительность», кит. 天地 *tiāndì* «небо + земля → мир, природа, поле деятельности, небо и земля (в значении «противоположности»)», яп. 天地 *tenchi* «вселенная, область деятельности, верх и низ», кит. 刀叉 *dāochā* «нож и вилка → столовые приборы европейского образца», в японском языке для обозначения данной совокупности используется словосочетание *гайриго* ナイフとフォーク *naifu to fouku* «нож и вилка».

Заключение

Итак, мы рассмотрели сложные двандва в китайском и японском языках и пришли к следующим выводам.

1. Сложные двандва широко используются в китайском и японском языках как существительные, прилагательные и глаголы.

2. Особенность словообразования координативного типа в китайском и японском языках заключается в том, что словообразовательные модели представляют собой объединение однородных компонентов, которое происходит независимо от типа семантических отношений между компонентами.

3. В японском языке в процесс словообразования включена лексика различного происхождения, поэтому используются словообразовательные модели, отсутствующие в китайском языке. Кроме того, поскольку в японском языке *канго* словообразовательно более продуктивны по сравнению с *ваго* и *гайрайго*, преобладают сложные двандва-*канго*.

4. Порядок следования компонентов в сложных двандва в китайском и в японском языках определяется понятием «приоритета», а также фонетическими правилами и правилами акцентуации каждого языка, соответственно. Как правило, он стабильный за небольшими исключениями, когда компоненты адъективных или глагольных сложных двандва уточняют или дублируют друг друга или когда компоненты адъективных двандва находятся в антонимических отношениях.

5. Между компонентами сложных двандва в обоих языках существуют различные семантические отношения, некоторые субстантивные двандва выражают значение неопределенной множественности.

Изучение лексики в типологически различных языках поможет нам глубже понять словообразовательные процессы, происходящие в языке и в дальнейшем провести исследование функционирования данных слов на синтаксическом уровне.

Обозначения, использованные в тексте:

N – субстантив, A – адъектив, V – глагол, stem – основа

Список литературы / References

- Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004. 571 с.
Ahmanova O. S. Slovar lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, URSS, 2004, 571 p. (in Russ.)
- Блумфилд Л.** Язык. М.: УРСС, 2002. 606 с.
Bloomfield L. Yazyk [Language]. Moscow, URSS, 2002, 606 p. (in Russ.)
- Бергельсон М. Б., Кибрик А. Е.** Прагматический «принцип приоритета» и его отражение в грамматике языка. Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40, № 4. С. 343–355.
Bergelson M. B., Kibrik A. E. Pragmaticheskii “printsyp prioriteta” i ego otrazheniye v grammatike yazyka [Pragmatic Principle of Priority and its Reflection in Grammar of Language]. *Izvestiya RA SSSR. Series literature and language.* 1981, vol. 40, № 4, p. 343–355. (in Russ.)
- Горелов В. И.** Лексикология китайского языка. М.: Просвещение, 1984. 216 с.
Gorelov V. I. Leksikologiya kitaiskogo yazyka [Lexicology of Chinese language]. Moscow, Prosveschenie, 1984, 216 p. (in Russ.)
- Кленин И. Д., Щичко В. Ф.** Лексикология китайского языка. М.: Вост. книга, 2013. 273 с.
Klenin I. D., Schichko V. F. Leksikologiya kitaiskogo yazyka [Lexicology of Chinese language]. Moscow, Vostochnaya kniga, 2013, 273 p. (in Russ.)
- Кочергина В. А.** Об изучении сложных слов санскрита в Древней Индии // Индийская культура и буддизм. М.: Наука, 1972. С. 90–97.
Kochergina V. A. Ob izuchenii sloznych slov v Drevnei Indii [About study of compound words in ancient India] // *Indiiskaya kultura I buddizm.* Moscow, Nauka, 1972, z. 90–97. (in Russ.)
- Пашковский А. А.** Слово в японском языке. М.: Наука, 1980. 207 с.
Pashkovskii A. A. Slovo v yaponskom yazyke [Word in Japanese language]. Moscow, Nauka, 1980. 207 p. (in Russ.)
- Семенов А. Л.** Лексика китайского языка. М.: Муравей, 2000. 313 с.
Semenov A. L. Leksika kitaiskogo yazyka [Lexicon of Chinese language]. Moscow, Muravei, 2000. 313 p.

- Arcodia G. F., Grandi N. and Montermini F.** Hierarchical NN compounds in a cross-linguistic perspective. *Italian Journal of Linguistics*, 2009, p. 11–33.
- Joyce Terry.** The Japanese mental lexicon: the lexical retrieval and representation of two-kanji compound words from a morphological perspective. Thesis Ph. D. in Psychology. University of Tsukuba, 2002, 347 p.
- Kageyama Taro.** Word formation in Japanese. *Lingua: North-Holland Publishing Company*, 1982. № 57, p. 215–258.
- Nishimura Kohei.** Morphophonology of Japanese Compounding. University of Tokyo, 2013, 225 p.
- Shibatani Masayoshi.** The languages of Japan. Cambridge University Press, 1990, 411 p.
- Tsujimura Natsuko.** An Introduction to Japanese Linguistic. Great Britain: Blackwell Publishers, 2013. 401 p.
- Жэнь Сюэлян.** Ханьюй цзаоцзыфа [任学良. 汉语造词法. 北京: 中国社会科学出版社]. Словообразование китайского языка. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1981. 291 с. (на кит. яз.)
- Rén Xuéliáng.** Hànyǔ zàocífǎ [任学良. 汉语造词法. 北京: 中国社会科学出版社]. Word formation of Chinese language. Běijīng, Zhōngguó shèhuì kēxué chūbǎnshè, 1981, 291 p. (in Chin.)
- Кунихиро Тэцуя.** Нитиэйго хикаку ко:дза [国広哲弥. 日英語比較講座. 東京: 大修館書店]. Сравнительный курс японского и английского языков. Токио: Дайсюкан, 1980. Т. 1. 300 с. (на яп.яз)
- Kunihiro Tetsuya.** Nichieigo hikaku kouza [国広哲弥. 日英語比較講座. 東京: 大修館書店]. Japanese-English Comparative Course. Tokyo, Daishukan, 1980, vol. 1, 300 p. (in Jap.)

Материал поступил в редколлегию

*Received
22.01.2019*

Сведения об авторе / Information about the Author

Кутафьева Наталия Витальевна, Новосибирский государственный университет. Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры востоковедения ГИ НГУ, директор Японского центра ГИ НГУ (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Natalia V. Kutafeva, Novosibirsk State University. PhD, associate professor, associate professor of orient studies cathedra HI NSU (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

orient@lab.nsu.ru

УДК 94 (510). 093

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-96-106

Особенности процесса урбанизации в Синьцзяне (1980-е – 2000-е годы)

Д. А. Глазунов

*Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия*

Аннотация

Урбанизация стала важным фактором в развитии регионов Китая в конце XX в. Центральная власть расширила полномочия городов, которые получили значительные административные права и ресурсы в экономической сфере, стали главными инициаторами реформ. Несколько по-иному развивалась ситуация на окраинах Китая, в частности в Синьцзяне. Процесс урбанизации, рост городских агломераций здесь возник позже по сравнению с городами материкового Китая. Суровый климат, неблагоприятный пустынный ландшафт, значительная экономическая роль военного ведомства (Синьцзянского производственно-строительного комплекса), актуальность национального вопроса способствовали не сетевому, а «ленточному» типу урбанизации, который не давал необходимую концентрацию капитала и ресурсов, предполагал медленные темпы развития. В свою очередь, это говорило о большой роли властей автономного района, а не городских округов. Тем не менее в начале XXI в. помимо г. Урумчи, все больше заявляли о себе такие города как Карамай, а позже – Турфан и Хами.

Ключевые слова

урбанизация, городской округ, городской уезд, поселок, Синьцзян

Для цитирования

Глазунов Д. А. Особенности процесса урбанизации в Синьцзяне (1980-е – 2000-е годы) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 4: Востоковедение. С. 96–106. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-96-106

Features of the urbanization process in Xinjiang (1980s – 2000s)

D. A. Glazunov

*Altai State University
Barnaul, Russia*

Abstract

Purpose. The impact of administrative reforms and urbanization on the development of certain provinces of China has already been analyzed. However, the outskirts of the country were left outside the field of view of researchers. Authorities of the outskirt regions had to consider the successful experience of mainland China and develop urban agglomerations. The purpose of this study is to identify the main features of administrative reforms and urbanization in Xinjiang.

Results. As a result of clear criteria of China's settlements, the main steps of development of Xinjiang cities which passed three stages were analyzed. In the 1980s, towns which were the administrative centers of prefectures and autonomous prefectures were granted county-level city status. In subsequent periods of growth of towns, county-level and prefecture-level cities played an increasingly major role namely for economic reasons. In the second period (1990s – 2000s) urbanization was mainly determined by the growth of towns, and in the third – county-level and prefecture-level cities. An important role in the development of urbanization of Xinjiang Uygur Autonomous Region (XUAR) was played by the activities of Xinjiang production and construction corps, whose settlements were assigned city status.

Conclusion. Features of the oasis economy have formed a belt type of urbanization, which is the specificity of this region. The agglomeration scheme showed the development of two urban belts and three poles, which respectively determine the economic development of Eastern, Western and Southern Xinjiang. Leadership in the economic devel-

© Д. А. Глазунов, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 4: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 4: Oriental Studies

opment of the city belongs to the Northern zone of Urumqi – Wusu – Karamay. The main role in the urbanization process was played by the middle cities of XUAR.

Keywords

urbanization, county level city, prefecture-level city, town, Xinjiang

For citation

Glazunov D. A. Features of the Urbanization Process in Xinjiang (1980s – 2000s). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 4: Oriental Studies, p. 96–106. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-96-106

Введение

Реформы начала 1980-х гг. в Китае сопровождались децентрализацией во многих отраслях управления и усилением власти на местах. В 1982 г. решением ЦК КПК была реформирована система территориально-административных округов и менялась система управления уездами Китая. В итоге возникла новая волна урбанизации, которая продолжается вплоть до сегодняшнего дня, распространяясь от развитых к окраинным регионам. Процесс урбанизации рубежа XX–XXI вв. представлял собой создание и развитие системы городских округов или городов уровня округа [地级市 (дици ши)]. Крупные города не только поглощали территорию округа, но и получали значительную экономическую и административную власть. Экономические процессы, по сути, становились локальными, поскольку городское правительство принимало решения по местным вопросам развития, региональному разделению труда и распределению капитала и сырья [Oi, 1995. P. 1140–1141; Nee, 1992. P. 22–23]. Для этого процесса был предложен специальный термин «местный корпоративизм» [Oi, 1995. P. 1132], под которым подразумевалось расширение власти города, активное использование для собственного развития больше ресурсов из сельских местностей.

С исторической точки зрения данная волна урбанизации означала не только ликвидацию окружных органов власти и передачу их функций городам, но и превращение городов в главных акторов реформ. Вновь возникшие городские округа начинали перестраивать свое административное пространство, исходя из локальной экономической целесообразности. Таким образом, возникали новые поселки [镇 (чжэнь)], городские уезды или города уездного уровня [县级市 (сяньцзи ши)], городские районы [市辖区 (шися цюй)], которые имели свою экономическую специализацию. Повышение статуса поселения вплоть до городского округа (дици ши) рассматривалось в качестве вознаграждения для местных властей, которые сумели стать влиятельными экономическими субъектами [Him Chung, 2007. P. 795].

Влияние административной реформы и урбанизации на развитие отдельных провинций уже анализировалось в литературе для таких провинций, как Гаундун [Him Chung, 2008. P. 201–230], Хэнань [Чжу Линлин и др., 2010. С. 110–115]. Вне поля зрения исследователей оказались окраины страны. Но власти окраинных регионов в итоге вынуждены были учитывать успешный опыт материкового Китая и развивать городские агломерации. Цель нашего исследования заключается в выявлении особенностей проведения административной реформы и процесса урбанизации в Синьцзяне.

Результаты исследования

В соответствии с нормативными постановлениями Госсовета КНР, повышение статуса поселения возможно благодаря административным и экономическим факторам¹. Волостные административные центры (крупные села) [乡 (сян)] становились поселками (чжэнь), если

¹ Гоуюань пичжуань миньчжэнбу гуаньюй тяочжэнцзянь чжэнь бяочжуньдэ баогаодэ тунчжи [国务院批转民政部关于调整建制标准的报告的通知]. Сообщение Госсовета об утверждении отчета Министерства гражданских дел о регулировании стандартов организации поселков (принят в 1984 за № 165; опубликован 20.10.2016) // Портал Правительства КНР. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2016-10/20/content_5122304.htm; (дата обращения 03.01.2018).

в них проживало не менее 2 000 занятых в неаграрном секторе экономики при численности населения менее 20 000 человек. При большей чем 20 000 человек численности населения доля занятых в неаграрном секторе должна составлять не менее 10 %. Поселок получал статус городского уезда при условии проживания в нем несельскохозяйственного населения не менее 60 тыс. человек и с показателем ВВП в 200 млн юаней. Исключения из этих правил составляли пограничные поселки, районы национальных меньшинств, известные туристические места, транспортные узлы и порты. Наконец, городские уезды с несельскохозяйственным населением в 200 тыс. человек и ВВП в размере 2,5 млрд юаней, из которых 35 % приходилось на третичный сектор экономики, получали возможность перехода в городские округа [Him Chung, 2008. P. 207].

В отличие от большинства других регионов Китая, урбанизация в СУАР началась довольно поздно, во второй половине XX в. Все старые традиционные поселения в Синьцзяне относились к поселкам (чжэнь). В 1945 г. статус города получил Урумчи, в конце 1950-х гг. список дополнили еще три населенных пункта: Инин (Кульджа), Кашгар и Карамай, а в 1970-е – Куйтунь, Шихэцзы, Хами (Кумул), Корла [Юй Жунчунь, 1990. С. 33]. По данным табл. 1, с начала 1980-х гг. можно выделить три волны урбанизации в Синьцзяне. Первая волна прошла в 1980-е гг. в связи с реорганизацией административных поселков округов [城关镇 (чэн гуань чжэнь)], автономных областей СУАР в города уездного уровня (сяньцзи ши). К концу 1980-х гг. число городских уездов выросло в два раза (до 16). В частности, речь идет о городах Чанцзи (1983), Аксу (1983), Хотан (1983), Турфан (1984), Тачэн (Чугучак) (1984), Алтай (1984), Боро-Тала (1985), Артуш (1986).

Число городских округов несколько раз менялось в 1980-е гг. Город Шихэцзы вместе с одноименным округом появился в 1976 г. на базе одного из расформированных отрядов Синьцзянского производственно-строительного корпуса (далее – СПСК). В 1978 г. округ Шихэцзы был объединен с городом, то есть в СУАР появился второй городской округ наравне с Урумчи. Однако после восстановления СПКС г. Шихэцзы в 1985 г. потерял свой статус и вернулся к системе двойного управления (начальник 8-й дивизии СПКС одновременно руководил городом). Гражданским властям автономного района оставили только в качестве подвластной территории поселок и волость Шихэцзы. Уезды Шавань и Манас были переданы соседним округу и области. Сейчас статус Шихэцзы определяется как город прямого подчинения (*цзычжи(цюй) ся ши*), или субокружной город, который напрямую подчиняется властям автономного района².

Карамай, который подчинялся непосредственно властям автономного района, в феврале 1982 г. повысил статус и стал третьим окружным городом. Но уже в 1984 г. местные власти признали за ним статус городского уезда (без деления на районы), прямо подчиненного властям автономного района (*цзычжицзюй сядэ бу шэцюдэ сяньцзи ши*). В 1990 г. Министерство гражданских дел вернуло ему статус городского округа³.

Вторая волна урбанизации продолжалась с начала 1990-х и до 2010-х гг. Статус городского уезда стали приобретать не только окружные и областные центры, но и, во-первых, уездные поселки: Фукан (1992), Мицюань (1996), Усу (1996); во-вторых, поселки СПСК: Арал (2002), Тумшук (2004), Уцзяцзюй (2002). Для второй волны урбанизации характерны также «глубинные» процессы, связанные с ростом низовых территориально-административных единиц: уличных комитетов и поселков, выделение которых из сельской местности возможно только при появлении неаграрного населения (табл. 2).

² Шихэцзыши лиши яньгэ [石河子市历史沿革]. История города Шихэцзы. 18.04.2015. URL: <http://www.xzqh.org/html/show/xj/22480.html>; (дата обращения 17.12.2018).

³ Кэламай ши цзяньчжи яньгэ, синчжэн цюйхуа хэ чэньши цзяньшэ [克拉玛依市建制沿革、行政区划和城市建设]. История развития Карамая, административное деление и градостроительство // Информ. портал «Тянь-Шань ван». 25.01.2013. URL: http://www.ts.cn/special/2009klmy/2013-01/25/content_7726427_2.htm (дата обращения 17.12.2018).

Таблица 1

Развитие территориально-административных единиц Синьцзяна в 1981–2016 гг.

Table 1

The development of administrative-territorial units of Xinjiang in 1981–2016

Год	Окружной уровень			Субокружной город	Уездный уровень			
	Округ	Автономная область	Городской округ		Город	Уезд	Автономный уезд	Городской район
1981	7	5	2	1	7	74	6	6
1982	7	5	3	–	6	74	6	10
1983	7	5	2	1	8	70	6	10
1984	8	5	2	1	11	67	6	10
1985	8	5	1	2	12	66	6	10
1986	8	5	1	2	13	65	6	10
1987	8	5	1	2	13	65	6	11
1990	8	5	2	1	13	65	6	11
1992	8	5	2	1	15	64	6	11
1996	8	5	2	1	16	62	6	11
2000	8	5	2	1	16	62	6	11
2001	7	5	2	1	16	62	6	11
2002	7	5	2	4	16	62	6	11
2007	7	5	2	4	15	62	6	11
2011	7	5	2	5	15	62	6	11
2012	7	5	2	6	16	62	6	11
2014	7	5	2	7	17	62	6	11
2015	7	5	3	8	16	62	6	12
2016	7	5	4	8	15	62	6	13

Источники: [1981, 1982, 1983, 1985, 1986, 1987] нянь Синьцзян Вэйуэр цзичжишуй синчжэн цюйхуа [[1981, 1982, 1983, 1985, 1986, 1987] 年新疆维吾尔自治区行政区划]. Административно-территориальное деление Синьцзяна в [1981, 1982, 1983, 1985, 1986, 1987]. URL: [1981] <http://www.xzqh.org/html/show/xj/22796.html>; [1982] <http://www.xzqh.org/html/show/xj/22797.html>; [1983] <http://www.xzqh.org/html/show/xj/22798.html>; [1985] <http://www.xzqh.org/html/show/xj/22800.html>; [1986] <http://www.xzqh.org/html/show/xj/22801.html>; [1987] <http://www.xzqh.org/html/show/xj/22802.html> (дата обращения 17.12.2018).

Таблица 2

Динамика изменения
низовых территориально-административных единиц СУАР
(конец 1980-х – начало 2000-х годов)

Table 2

The dynamics of change
at the lower administrative-territorial units of Xinjiang
(late 1980s – early 2000s)

Тип нисовой территориально-административной единицы	1988	2010	2015
Поселки	126	237	320
Крупные села (乡)	677	578	506
Автономные волости	41	43	42
Уличные комитеты (街道)		162	178

Источник: Синьцзян тунци няньцзянь [1988, 2010, 2015].

Данные табл. 2 могут косвенно свидетельствовать, что с начала 1990-х гг. процесс урбанизации все больше опирается на экономические факторы. Число поселков по сравнению с 1988 г. выросло к 2010 г. в два раза, а к 2015 г. – в три. Поэтому можно говорить, что на втором этапе урбанизации рост числа поселков и городских уездов был одновременным.

Третья волна урбанизации (с начала 2010-х гг.) была связана с появлением новых городов уездного уровня, подчиненных окружным властям, таких как Алашанькоу (2012), Хоргос (2014), а также городов СПСК с двойной юрисдикцией: Бэйтунь (2011), Темэньгуань (2012), Шуанхэ (2014), Кокдала (2015), Куньюй (2017). Однако наиболее важным и показательным явлением этой волны стало появление еще двух городских округов. В 2015 г. и 2016 г. Государственным советом на месте двух округов (дицюй) – Турфана⁴ и Хами⁵ – были учреждены одноименные городские округа. Соответственно в СУАР до уровня Урумчи и Карамая подтянулись еще два городских округа, что свидетельствует об экономических успехах региона.

В подтверждение вышесказанных слов приведем данные по росту неаграрного населения в городах Синьцзяна (табл. 3). В соответствии с данными табл. 3, население городов в СУАР за 25 лет выросло в два раза (с 4,8 млн чел. в 1989 г. до 9,4 млн чел. в 2014 г.). Рост городского населения происходил за счет новоучрежденных городов и «старых» городов, которые были расположены на юге (Кашгара, Хотана, Аксу). Данные табл. 3 показывают и механизм роста городского населения. Обратим внимание, что доля неаграрного населения самого большого города СУАР Урумчи постоянно снижалась с 83 % в 1988 г. до 75 % в 2014 г. Самый крупный экономический субъект автономного района расширялся за счет соседних территорий, поглощая их сельскую округу. Например, в 2007 г. в его городской район Дуншань был включен уездный город Мицюань, входивший до этого в Чанци-Хуэйский автономный округ.

⁴ Гоьюань пифу туньи Тулуфан чэди шэши [国务院批复同意吐鲁番撤地设市]. Государственный совет одобрил решение о ликвидации округа Турфан и создании городского округа // Информ. портал газеты «Жэньминь жибао». 12.04.2015. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2015/0412/c1001-26831962.html> (дата обращения 17.12.2018).

⁵ Синьцзян «дун дамэнь» хами чэди шэши [新疆“东大门”哈密撤地设市]. Восточные ворота Синьцзяна Хами ликвидируются в качестве округа и создаются в качестве городского округа // Сайт Госсовета КНР. 19.02.2016. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2016-02/19/content_5043920.htm (дата обращения 17.12.2018).

Также материалы табл. 3 показывают, что в конце 1980-х гг. не во всех городах уездного уровня (Турфан, Тачэн, Боро-Тала, Артуш) численность неаграрного населения соответствовала нормативным 60 000 чел. Эти цифры доказывают, что статус города уровня уезда в тот период времени в основном присваивали исходя из административной целесообразности. Ситуация изменилась к началу 2010 г. Например, если в конце 1980-х доля неаграрного населения в еще 11 городах составляла менее 60 %, то к 2014 г. такая доля характерна только для четырех из них.

Характерными чертами современных городов являются высокая концентрация вторичной и третичной сфер экономики. В 1980-е гг. среди 16 городов в Синьцзяне, за исключением Урумчи, который являлся политическим, экономическим, научным, культурным и транспортным центром автономного района, только лишь Карамай, Шихэцзы и Куйтунь соответствовали статусу развивающегося промышленного города. В остальных 12 городах уровень экономического развития был невысок, а современная индустрия встречалась редко [Юй Жунчунь, 1990. С. 36.].

В то же время урбанизация СУАР была несопоставима с аналогичным процессом материкового Китая. Удаленность и неблагоприятные географические и климатические условия Синьцзяна всегда требовали особого подхода к развитию региона. Синьцзян характеризуется как «сань шань га лян пэнь» [三山夹两盆], или «три горные системы сдавливают две котловины». Горы Алтая, Тянь-Шаня и Куньлуня с избыточной влагой являются «водными островами» Синьцзяна. Но горный рельеф с малым количеством света и тепла предполагает развитие на этих территориях только животноводства. Наоборот, для Таримской и Джунгарской котловин (в которых располагаются самые большие пустыни Такла-Макан и Гурбантунгют) характерна ровная местность с большим количеством света и тепла, но из-за дефицита водных ресурсов любая традиционная хозяйственная деятельность там невозможна. Таким образом, территорию хозяйственного освоения составляли оазисы Синьцзяна, расположенные узкой полосой между горными системами и южной, западной и северной сторонами котловин и пустынями. Важно подчеркнуть, что на востоке Синьцзяна таких оазисов крайне мало.

Оазисная экономика требует контроля масштабов и развития любых городов. Доля крупных, средних и малых городов в Китае на начало 1990-х гг. представлялась в виде соотношения 1 : 4 : 9. Крупные и средние города, в которых открывались различные экономические зоны, стали локомотивом развития Китая. Малые же города имели низкую эффективность для экономики. Однако городов большого и среднего размера в Синьцзяне в 1990-е гг. было слишком мало, соотношение крупных, средних и малых городов в тот период составляло 1 : 1 : 14. Такая ситуация специфична не только для Синьцзяна, но и для других провинций в регионах с низким уровнем экономического развития. Например, среди 13 городов провинции Ганьсу, за исключением того, что Ланьчжоу – мегаполис, а Тяньшуй – город среднего размера, все остальные были населены несельскохозяйственным населением менее 200 тыс. человек [Юй Жунчунь, 1990. С. 34.]. Ситуация в Синьцзяне изменилась только к началу 2010 г., но эффект от роста средних городов пока сложно оценить.

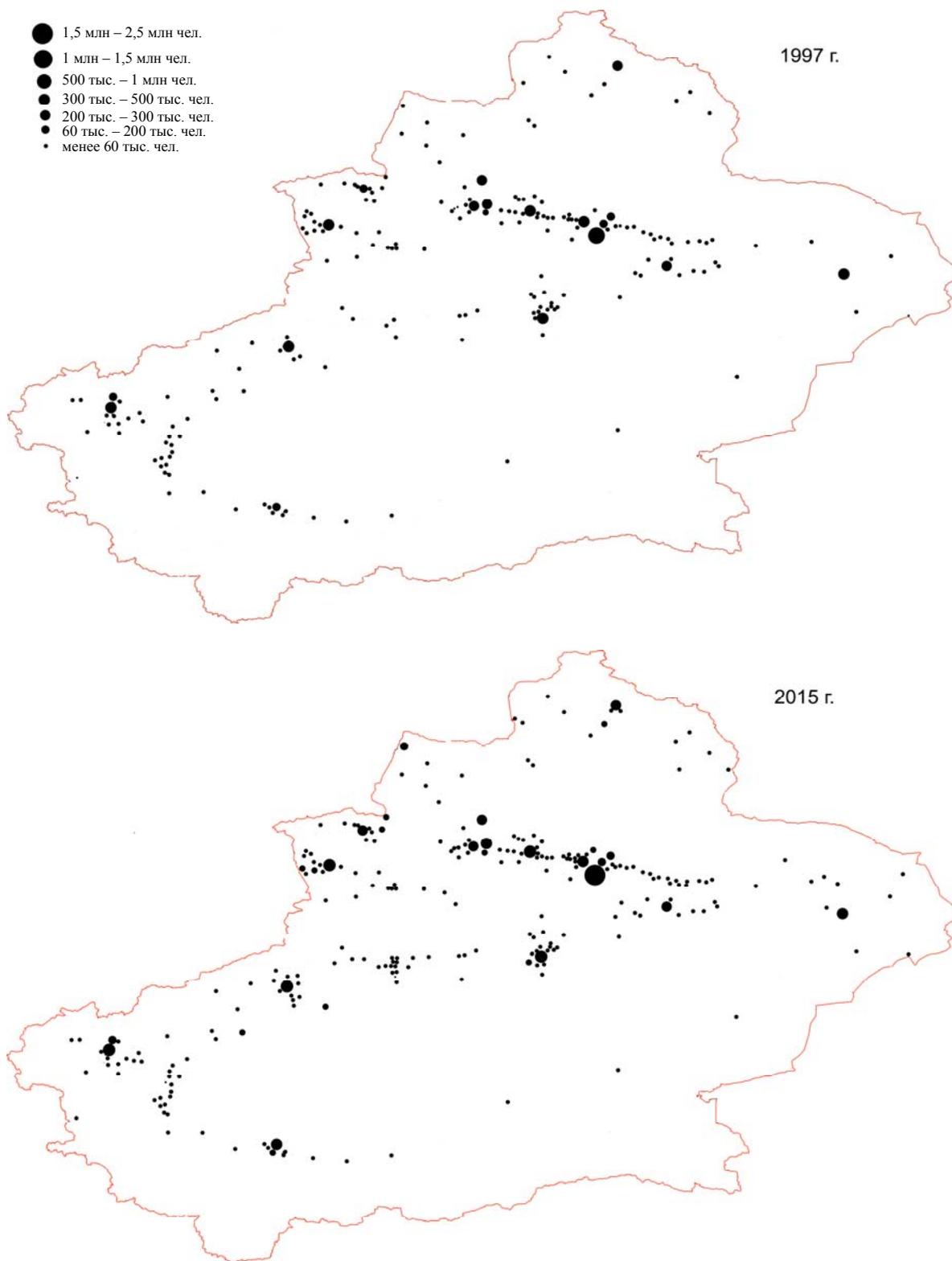
Изучая географию городов Синьцзяна, необходимо подчеркнуть, что их большая часть концентрируется на севере, на востоке – только один крупный город (Хами), а на юге (северной, западной и южной сторонах бассейна Тарима) на большом расстоянии друг от друга расположены пять городов: Корла, Аксу, Аруш, Кашгар, Хотан (см. рисунок). Эта особенность распределения оазисов и городов Синьцзяна оказала решающее влияние и на выбор наземных транспортных маршрутов от древнего «Шелкового пути» до современных автомобильных и железнодорожных дорог. Такие городские агломерации не способствуют развитию горизонтальных экономических связей. В материковом Китае коммуникации между городами в основном представлены в виде сети, что благоприятствует активному взаимному экономическому обмену.

Доля неаграрного населения в городах СУАР на рубеже XX–XXI вв.

Percentage of non-agrarian population in the cities of XUAR at the turn of the XX–XXI centuries

Город	1989			1999			2009			2014		
	Городское население	В том числе неаграрное население	Доля неаграрного населения, %	Городское население	В том числе неаграрное население	Доля неаграрного населения, %	Городское население	В том числе неаграрное население	Доля неаграрного населения, %	Городское население	В том числе неаграрное население	Доля неаграрного населения, %
Урумчи	1 237 370	1 027 143	83,01	1 589 158	1 310 104	82,44	2 330 500	1 768 900	75,90	2 592 300	1 945 900	75,06
Карамай	199 020	191 468	96,21	268 600	227 222	84,59	2 760 00	271 800	98,48	2 95 800	292 500	98,88
Шихэцзы	541 531	301 470	55,67	587 932	333 888	56,79	635 200	548 500	86,35	637 200	578 100	90,73
Турфан	211 403	55 997	26,49	241 776	70 864	29,31	274 500	86 600	31,55	288 800	84 400	29,22
Хами	281 426	159 993	56,85	364 796	213 675	58,57	443 300	295 100	66,57	487 900	301 400	61,77
Чанцзи	249 348	121 909	48,89	349 320	197 725	56,60	383 200	230 800	60,23	372 900	240 500	64,49
Фукань	219 916	114 792	52,20	151 308	74 900	49,50	148 200	95 700	64,57	167 500	95 500	57,01
Мицзоань	0	0	0,00	170 422	63 003	36,97	0	0	0,00	0	0	0
Куйтунь	0	0	0,00	263 947	144 668	54,81	309 600	277 400	89,60	299 400	271 200	90,58
Йинин	250 529	167 403	66,82	334 372	232 389	69,50	459 200	311 800	67,90	559 700	362 900	64,84
Чугучак (Тачэн)	123 465	44 929	36,39	146 511	64 090	43,74	167 200	105 700	63,22	172 800	108 500	62,79
Усу	0	0		203 300	75 783	37,28	223 500	79 200	35,44	231 200	81 100	35,08
Алтай	171 293	78 967	46,10	214 718	109 102	50,81	232 800	151 200	64,95	234 900	153 400	65,30
Боро-Тала	144 862	46 609	32,17	212 969	82 182	38,59	261 000	159 500	61,11	271 800	167 200	61,52
Корла	241 176	141 955	58,86	343 746	208 625	60,69	513 700	319 500	62,20	564 200	364 200	64,55
Аксу	354 417	152 659	43,07	516 761	220 872	42,74	476 400	256 100	53,76	514 900	281 900	54,75
Артуш	158 466	33 219	20,96	190 882	47 460	24,86	240 600	79 400	33,00	271 100	943 00	34,78
Кашгар	219 808	168 900	76,84	318 890	209 295	65,63	458 900	270 400	58,92	607 100	316 400	52,12
Хотан	126 032	68 794	54,58	157 495	88 320	56,08	295 100	128 200	43,44	346 600	140 200	40,45
Арал	0	0	0	0	0	0	176 900	118 200	66,82	182 100	101 800	55,90
Тумшук	0	0	0	0	0	0	152 800	138 600	90,71	163 900	142 400	86,88
Узьяцой	0	0	0	0	0	0	90 300	87 000	96,35	92 700	87 000	93,85
Итого	4 730 062	2 876 207	60,81	6 626 903	3 974 167	59,97	8 128 900	5 435 800	66,87	8 916 100	5 879 600	65,94

Источники: Синьцзян тунцзи няньцзянь [1988, 1999, 2009, 2014].

Динамика развития городов и поселков в Синьцзяне в 1997 и 2015 г.
(составлено автором на основе «Статистических ежегодников Синьцзяна»)
Dynamics of development of cities and towns in Xinjiang in 1997 and 2015
(composed by author on the basis of «Xinjiang Statistical Yearbooks»)

Оазисная экономика позволяет развивать в Синьцзяне городские агломерации в виде «поясов», которые представляют собой концентрацию городских поселений из одного или нескольких крупных городов, окруженных многочисленными поселками. В Синьцзяне возникла система локальных городских «поясов», внутри которых выстраиваются экономические связи между большими, средними, малыми городами и поселками.

Городской пояс Урумчи – Усу – Карамай играет ключевую роль в экономическом развитии Синьцзяна, несмотря на его сравнительно небольшой размер. С 1980-х гг. его составляли такие города как Урумчи, Чанцзи, Шихэцзи, Куйтунь, Карамай, Турфан, а с 1990-х гг. также Мицюань, Фукань, Усу и т. д. [Нацзяти Амунаиму, Чжан Ли, 2016. С. 20]. Если в начале 1990-х гг. более 40 % городского населения Синьцзяна приходилось на этот городской пояс, а объем промышленного производства составлял около двух третей от совокупных показателей автономного района, то к началу 2010-х гг. эти показатели еще больше выросли.

Очень коротко охарактеризуем экономический потенциал пояса Урумчи – Усу – Карамай. Во-первых, эта территория обладает чрезвычайно богатыми полезными ископаемыми, в первую очередь, энергетическими (нефть, уголь и др.). Во-вторых, здесь сосредоточена значительная доля зерна, хлопка, сахароносных культур, продукции животноводства. В-третьих, на севере сконцентрирован научный, образовательный и технологический потенциал [Юй Цзичжи, 2005. С. 8–9]. В-четвертых, по этой территории прошел «Новый Евразийский континентальный мост» и развивается инфраструктура для «Нового Шелкового пути». В-пятых, Урумчи является финансовым центром СУАР [Нацзяти Амунаиму, Чжан Ли, 2016. С. 22].

«Золотой треугольник» Синьцзяна – это концентрация трех поселений: г. Куйтунь (центр текстильной промышленности), г. Усу (транспортный узел) и городского района Карамай – Душаньцзы (центр нефтепереработки). Они образуют дугу городских агломераций, которая содержит в себе очень большой потенциал с точки зрения дальнейшей урбанизации. Однако объединение их в один город не представляется возможным, так как все три единицы подчиняются разным административным властям и ведомствам.

Следующий экономический пояс Синьцзяна расположен в геометрическом центре Синьцзяна и является воротами в Таримский бассейн, где в 1990-е гг. в районе г. Корла (Курля) были обнаружены значительные нефтяные запасы. Поэтому регион становится одним из самых важных нефтяных промышленных баз в стране. С экономической точки зрения там создается экономический пояс единого планирования Корла–Бугур (Луньтай)–Куча, который ориентируется на добычу и переработку нефти. Более того, на рисунке видно, что этот пояс стремится соединиться с Аксу.

Город Хами на востоке, Инин на севере и Кашгар на юге Синьцзяна – три крайних точки на карте – стали региональными (полюсными) центрами экономического развития благодаря открытости внешнему миру. Помимо торговли (в первую очередь, международной) во всех трех городах активно развивается первичная сфера экономики. Так, Инин и Кашгар активно продвигают сельское хозяйство и являются центрами переработки аграрной продукции и производства электроэнергии. Кашгар благодаря своему экономическому потенциалу и расположению притягивает к себе отдельные территории Хотан и Кызылсу. Хами имеет еще больший потенциал, так как на его территории расположена не только добывающая (черные и цветные металлы, соль, строительные материалы и пр.), но и тяжелая промышленность.

Выводы

Благодаря четким критериям мы проанализировали три основных этапа в развитии городов Синьцзяна. В 1980-е гг. городской статус получали крупные поселения – административные центры округов и автономных областей. В последующие периоды в росте поселков и городских уездов, появлении городских округов все большее значение имели экономические причины. Во втором периоде (1990-е – 2000-е гг.) урбанизацию определял в основном рост поселков, а в третьем – городских уездов и субокружных городов. Заметную роль в развитии урбанизации СУАР сыграла деятельность СПСК, чьим поселкам активно

присваивали статус города. Особенности оазисной экономики сформировали поясной тип урбанизации, что является спецификой этого региона. Схема агломераций показала развитие двух городских поясов и трех полюсов, определяющих, соответственно, экономическое развитие Восточного, Западного и Южного Синьцзяна. Лидерство в экономическом развитии принадлежит северному городскому поясу Урумчи – Усу – Карамай. Главную роль в процессе урбанизации играли средние города СУАР.

Список литературы / References

- Him Chung.** The change in China's state governance and its effects upon urban scale. *Environment and Planning A*, 2007, no. 4, p. 789–809.
- Him Chung.** State Regulation and China's Administrative System: A Spatial Perspective. *China Review*, 2008, vol. 8, no. 2, p. 201–230.
- Nee V.** Organisational dynamics of market transition: hybrid forms, property rights, and mixed economy in China. *Administrative Science Quarterly*, 1992, no. 37, p. 1–27.
- Oi Jean C.** The Role of the Local State in China's Transitional Economy. *The China Quarterly*, 1995, no. 144: Special Issue: China's Transitional Economy, p. 1132–1149.
- Ницзяти Амунайму, Чжан Ли.** Улумуциши чэнши гуннэн динвэй фэньси [尼加提·阿木乃依木、张丽。乌鲁木齐市城市功能定位分析]. Анализ статуса и функций Урумчи как города. // Хэцзо цзинци юй кэци [合作经济与科技]. Экономика и наука сотрудничества. 2016. № 6. С. 20–22. (на кит. яз.)
Nijati·Amunayimu, Zhang Li. Wulumuqishi chengshi gongneng dingwei fenxi [Analysis of the status and functions of Urumqi as a city]. *Hezuo jingji yu keji [Co-Operative Economy & Science]*, 2016, no. 6, p. 20–22. (in Chin.)
- Синьцзян тунци няньцзянь** (1988, 1992, 1996, 2000, 2001, 2002, 2007, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015). [新疆统计年鉴]. Статистический ежегодник Синьцзяна за 1988, 1992, 1996, 2000, 2001, 2002, 2007, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014 г. Пекин: Чжунго тунци чубаньшэ, [1989; 1992; 1996; 2000; 2001; 2002; 2007; 2009; 2010; 2011; 2012; 2013; 2014; 2015]. (на кит. яз.)
Xinjiang tongji nianjian (1988, 1992, 1996, 2000, 2001, 2002, 2007, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015). [Xinjiang Statistical Yearbook], Beijing: Zhongguo tongji chubanshe, [1989; 1992; 1996; 2000; 2001; 2002; 2007; 2009; 2010; 2011; 2012; 2013; 2014; 2015]. (in Chin.)
- Чжу Линлин, Тянь Шуся, Хэ Янь.** 1983 Нянь илай хэнаньшэн чэнши тиси гуймо цзегоудэ лиши яньгэ [朱玲玲、田淑霞、何艳。1983年以来河南省城市体系规模结构的历史沿革]. Историческая эволюция масштабной структуры городских систем в провинции Хэнань с 1983 г. // Шанцюй шифан сюэюань сюэбао [商丘师范学院学报]. Журнал Шанцюйского пед. ин-та. 2010. № 9. С. 110–115. (на кит. яз.)
Zhu Lingling, Tian Shuxia, He Yan. 1983 Nian yilai henan sheng chengshi tixi guimo jie gou de lishi yange [Historical evolution of the scale structure of urban systems in Henan Province since 1983]. *Shangqiu shifan xueyuan xuebao [Journal of Shangqiu teachers' college]*, 2010, no. 9, p. 110–115. (in Chin.)
- Юй Жунчунь.** Гуаньюй синьцзян чэнчжэнь чэншихуа вэньтидэ таньтао [于溶春。关于新疆城镇城市化问题的探讨]. Дискуссия по проблемам урбанизации городов и поселков в Синьцзяне // Синьцзян шэхуй кэсюэ [新疆社会科学]. Соц. науки в Синьцзяне. 1990. № 5. С. 32–38. (на кит. яз.)
Yu Rongchun. Guanyu Xinjiang chengzhen chengshihua wentide tantao [Discussion on the Problems of Urbanization in Xinjiang]. *Xinjiang shthui kexue [Xinjiang Social Sciences]*, 1990, no. 5, p. 32–38. (in Chin.)
- Юй Цзичжи.** Цзоу сян синьшицидэ синьцзян шихэцзы [余继志。走向新时期的新疆石河子]. Шихэцзы в Синьцзяне идет в новую эпоху // Элосы чжунъя дуньюу шичан [俄罗斯

中亚东欧市场]. Рынки России, Центральной Азии и Восточной Европы. 2005. № 8. С. 5–9. (на кит. яз.)

Yu Jizhi. Zou xiang xinshiqi de Xinjiang Shihezi [Shixenze in Xinjiang goes to a new era]. *Eluosi zhongya donggou shichang* [Markets in Russia, Central Asia and Eastern Europe], 2005, no. 8, p. 5–9. (in Chin.)

Материал поступил в редколлегию

Received

13.02.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Глазунов Дмитрий Александрович, канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой востоковедения, Алтайский государственный университет (пр. Ленина 61, Барнаул, 656049, Россия)

Dmitry A. Glazunov, PhD in History, associate Professor, head of the Department of Oriental studies, Altai state University (61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russia)

dm.glazunoff@yandex.ru

УДК 338.24 (004) + 327 (004)
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-107-114

Идеологические основания нового внешнеполитического курса КНР (1978–2001 годы)

А. Г. Трушкин

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В 1978 г. в Китае с началом политики «реформ и открытости» произошло изменение внешнеполитического курса страны. Причина преобразования заключалась в смене установок экономического развития государства: полное отрицание частной формы собственности и рыночных отношений, сопровождавшееся определяемым Мао Цзэдуном идеологическим курсом, сменилось постепенным включением капиталистических механизмов в экономику КНР и пропорциональными сдвигами в идеологии, выраженными в фактическом отходе от маоистских установок. Продвигаясь по пути «реформ и открытости», китайское руководство все сильнее использовало средства рыночной экономики, оправдывая очередные изменения новыми идеологическими корректировками политического курса. К 2001 г. значительную часть народного хозяйства Китая уже составлял частный сектор, а страна, вступив в ВТО, оказалась инкорпорирована в международные отношения в качестве представителя рыночной экономики. Превращение частного сектора в локомотив китайской экономики получило обоснование в виде концепции «тройного представительства», предложенной Цзян Цзэмином в 2002 г. Однако несмотря на преобразования политической и экономической деятельности руководством страны де-юре демонстрировалась преемственность по отношению к идеям предыдущих лидеров, фактически же действия правящей элиты исходили из потребностей экономического развития и шли вразрез с идеями Мао Цзэдуна. В статье анализируется взаимосвязь экономических потребностей КНР, ее идеологии и внешнеполитического курса.

Ключевые слова

внешняя политика КНР, экономика Китая, политика «реформ и открытости», «идти вовне», Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь

Для цитирования

Трушкин А. Г. Идеологические основания нового внешнеполитического курса КНР (1978–2001 годы) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 4: Востоковедение. С. 107–114. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-107-114

Ideological Foundations for the New Foreign Policy of the Peoples' Republic of China (1978–2001)

A. G. Trushkin

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

In 1978 with beginning of «reforms and opening up (to outer world)» the new foreign policy course of Chins was also started. The reason of its changes had its roots in new economic basis. When Mao Zedong was Chairman of the Peoples' Republic of China (PRC), international relations were regulated by ideological direction determined by Mao Zedong himself. After 1978 the basis of foreign policy formation had changed and a greater role was given to the economy and its necessities. Prior to the commencement of the «reforms and opening up» policy, the country suffered from large economic and social problems caused by maoist government's mistakes, such as «the Great Leap Forward» and «Cultural Revolution». Economic indicators showed that the country was moving towards economic collapse.

© А. Г. Трушкин, 2019

To solve the problem, PRC's leaders had to rethink the basis of country building and to put economy, instead of ideology, at the forefront. The appropriate changes were made by the market economy's mechanisms. Although the results of this new policy were outstanding, the Chinese ideological system still corresponded to Mao Zedong's ideas. This contradiction had to be corrected, therefore after the positive changes in China's economic situation caused by changes in its economic formation, Chinese leaders had to rethink both the country's ideological basis and its foreign policy course. Despite the fundamental transformation of the foreign policy basis and the fact that Chinese actions in fields of economy and international relations did not correspond the Maoist conceptions, the new generation of Chinese leaders formally demonstrated succession to the ideas of the late Chairman Mao. The article gives an analysis of the Chinese foreign policy course in connection with its economic and ideological systems.

Keywords

Chinese foreign policy, Chinese economy, the policy of «reforms and opening up», «go out» policy, Deng Xiaoping, Jiang Zemin

For citation

Trushkin A. G. Ideological foundations for the new foreign policy of the Peoples' Republic of China (1978–2001). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 4: Oriental Studies, p. 107–114. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-107-114

К 1978 г. экономика КНР обнаружила ряд серьезных проблем, вызванных неэффективностью производства, неэффективным расходом ресурсов и дефицитом бюджета. Темпы роста потребления энергоносителей в период 1970–1976 гг. превышали рост как ВВП, так и национального дохода, увеличивалась сумма убытков промышленных предприятий и дефицит бюджета [Гельбрас, 2007. С. 103–104]. Поворотным пунктом стал 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва (18–22 декабря 1978 г.), на котором произошло обсуждение смены политики партии и положено начало политике «реформ и открытости». В речи на пленуме Дэн Сяопин в качестве злободневной определил проблему «окаменения мышления» и призвал «открыть мышление, заставить свой ум работать, исходить из реальной действительности, сплоченно смотреть в будущее». Он указывал, что социализм призван улучшить положение людей, а «революция творится на основе материальной выгоды, [ведь] если рассуждать лишь о духе самопожертвования, но не уделять внимания материальным интересам, то получится идеализм». Параллельно с этим осуждалось «книгопоклонство» («если о чем-то не говорится в книге, не сообщается в документе, не упоминается руководством, то никто и не посмеет это ни озвучить, ни сделать – все способны [лишь] бездумно повторять и передавать») ¹. Единственным критерием истины признавалась практика [Делюсин, 2003. С. 67]. Начался постепенный переход формы собственности на средства производства от характерной для социализма общественной к частной: это перераспределение ознаменовано появлением в Китае подвального подряда. Установки и идеи, озвученные на декабрьском пленуме 1978 г., привели к отходу от социалистических идеалов, выраженному в фактическом появлении частной собственности и рыночных отношений. Несмотря на то, что официально частного сектора в 1980-х гг. еще не существовало, фактически происходила «приватизация государственных предприятий при негласной поддержке высшего руководства» и «формирование частного предпринимательства (1980 г. – 810 тысяч индивидуальных предпринимателей, 1984 г. – 3,4 млн, 1989 г. – 6,5 млн)» [Гельбрас, 2007. С. 159, 176]. Но эти тенденции контролировались правительством, однопартийная система при политическом главенстве КПК оставалась неизменной. Страна представляла собой механизм с выстроенной вертикалью власти и контролируемые ею экономическими рычагами.

При Мао Цзэдуне подобный переход мог классифицироваться только как отход от идей коммунизма и, соответственно, был бы признан контрреволюционным. Однако на практике он позволил улучшить экономическое состояние Китая, а, следовательно, отражал реальную

¹ Дэн Сяопин. Цзефан сысян, шишицюши, туаньцзе ичжи сянянь кань (1978 нянь 12 юэ 13 жи) [邓小平. 解放思想, 实事求是, 团结一致向前看 (1978年12月13日)]. Освободить мышление, основываться на фактах, сплоченно смотреть в будущее (13.12.1978) // Сайт газеты «Жэньминь жибао». URL: <http://www.people.com.cn/Gb/channel1/10/20000529/80792.html> (дата обращения: 09.01.2018).

ситуацию. Тем не менее, фактическое изменение курса КПК вызвало идеологический диссонанс и потребовало обоснования, которое было дано Дэн Сяопином в 1982 г.: «Ведущая для строительства модернизации социализма идеология нашей партии еще более отчетлива, партийное строительство в состоянии еще больше соответствовать требованиям нового исторического периода. Наша модернизация должна исходить из китайской специфики. Независимо от того, заняты мы строительством или революцией, мы во всем должны учиться у других стран и заимствовать их опыт. Однако слепой перенос опыта других государств, их образцов никогда не позволял добиться успеха. В этом у нас было немало уроков. Сочетая универсальные истины марксизма с собственными уникальными реалиями, идти своим путем, строить социализм с китайской спецификой – это основные выводы, которые мы получили из обобщенного длительного исторического опыта»². Здесь впервые упомянута формулировка «социализм с китайской спецификой», представляющая собой особый конструкт из двух составляющих. Причем оба компонента были фактически неизвестными; как говорил позднее сам Дэн Сяопин, «в то время у китайских руководителей не было понимания сущности социализма и путей его достижения». И уже после XIII съезда КПК в мае 1988 г. он еще раз повторил свою мысль: «Вопрос о том, что такое социализм, мы решаем только сейчас» (см.: [Делюсин, 2003. С. 82]). Отсутствие единого понимания сути социализма в среде китайского партийного руководства совместно с размытостью определения «китайской специфики» позволило легитимизировать действия КПК, направленные на привлечение в экономическую систему Китая элементов рынка.

Подобная идеологическая формулировка знаменовала фактический отход от идей Мао Цзэдуна в политическом и экономическом аспектах: от абстрактной задумки построения всеми силами идеального в представлении Мао Цзэдуна коммунистического общества руководство КНР перешло к реализации прагматичной задачи восстановления страны. Во главу угла было поставлено экономическое благополучие государства, и для его достижения КПК была готова проявить политическую гибкость, в том числе в международных делах. Как подчеркнул Дэн Сяопин во вступительном слове на XII съезде КПК, «интенсифицировать строительство модернизации социализма, бороться за воссоединение с Тайванем и объединение Родины, бороться с гегемонизмом и отстаивать мир во всем мире – это три великие задачи китайского народа в 1980-х годах. Основным в достижении этих задач является экономическое строительство, оно – основа для принятия решений по международным и внутренним вопросам»³.

Установка на интенсификацию экономического строительства подразумевала изменение внешней политики КНР, придание ей большей гибкости. Реализовывавшийся до 1978 г. внешнеполитический курс страны был противоположен текущим целям руководства КНР. Как отмечал один из экспертов, «к 1965 году в Пекине пришли к выводу о неизбежности новой мировой войны, о враждебном для КНР характере политики Советского Союза, о возможности сговора между СССР и США, направленного против Китая»⁴. Этот вывод имел за собой выраженные в конкретных концепциях последствия. К тому времени уже оформилась концепция «промежуточных зон»: к первой относились страны Азии, Африки и Латинской Америки, ко второй – страны Европы, Канада, Океания и Япония⁵. Эти зоны были выделены на основании идеологических, а не экономических интересов. Образование единого

² Дэн Сяопин. Цзай Чжунго гунчаньдан шиэрцы цюаньго дайбяо дахуй шан дэ каймуцы [邓小平. 在中国共产党第十二次全国代表大会上的开幕词]. Вступительное слово на XII Всекитайском съезде КПК // Сайт Комиссии ЦК КПК по проверке дисциплины. URL: http://www.ccdi.gov.cn/special/19da/lcddh_19da/12da_19da/201710/t20171013_108926.html (дата обращения 09.01.2018).

³ Там же.

⁴ Свешиников А. А. Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности // Науч. цифровая б-ка «Порталус». URL: http://portalus.ru/modules/politics/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1141857334&archive=1397901465&start_from=&ucat=& (дата обращения 10.01.2018).

⁵ Мао Цзэдун. Лянгэ чжунцзянь дидай [毛泽东. 两个中间地带]. Две промежуточные зоны // Сайт газеты «Жэньминь жибао». URL: <http://www.people.com.cn/GB/shizheng/8198/30446/30452/2195536.html> (дата обращения 11.01.2018).

фронта борьбы против империализма и ревизионизма стало одной из важнейших задач маоистского Китая. Другая характерная для правления Мао Цзэдуна концепция – «теория трех миров» – была озвучена в феврале 1974 г. во время встречи с президентом Замбии К. Каундой. Она предполагала деление мира на несколько частей: сверхдержавы (СССР и США), развитые страны (страны Западной Европы, Япония, Канада), развивающиеся страны (государства Азии [кроме Японии], Африки и Латинской Америки)⁶. Сама теория предполагала сплочение стран так называемого «третьего мира» под эгидой Китая в борьбе против гегемонизма и империализма, по существу она явилась продолжением концепции «промежуточных зон».

Указанные концепции имели целью противопоставить КНР сформировавшимся полюсам и заявить о своем статусе как отдельного центра силы, способного на противодействие как США, так и СССР. Однако Китай не был готов составить конкуренцию этим странам ни экономически, ни с позиции научно-технического развития. В духе классической стратагемы «вступать в союз с отдаленными странами и нападать на близлежащие», СССР предполагался большим злом, чем США: «Советский Союз поднимает шум на востоке, а наносит удар на западе, истинным стратегическим значением для него обладает Европа, а Запад в свою очередь хочет все невзгоды направить на Китай»⁷. Это высказывание Дэн Сяопина можно расценить как определенный намек на возможность сближения, адресованный Западу. Попытки определить образ врага и использовать противоречия между двумя сверхдержавами – одна из важных черт внешней политики Китая периода 1960-х – 1970-х гг. Однако после начала политики «реформ и открытости», когда основной акцент в развитии страны сместился с идеологии на экономику, данный подход к внешнеполитической деятельности оказался нежизнеспособным.

Начало изменениям внешнеполитического курса было положено в 1978 г., когда в рамках неоднократно упоминавшегося декабрьского пленума ЦК КПК была определена необходимость «на основе равенства и взаимной выгоды активно развивать экономическое сотрудничество со всеми странами, усердно внедрять передовые мировые технологии и оборудование»⁸. Преобразование мотивов внешнеполитической деятельности продолжилось и на XII съезде партии. Восьмого сентября 1982 г. Ху Яобан в своем докладе выделил несколько основных установок для осуществления международных контактов: 1. «Нам нужно следовать одним путем с народами всего мира, продолжать бороться против империализма и гегемонизма в защиту мира»; 2. «Осуществлять внешнюю открытость, на основании принципов взаимной выгоды и равенства расширять внешние связи в сферах экономики и технологии – это устойчивый и неизменный стратегический курс нашей страны»; 3. «Нам нужно стимулировать китайскую промышленность для выхода на международный рынок, энергично развивать внешнюю торговлю. Необходимо использовать, насколько это возможно, доступный зарубежный капитал»; 4. «Цель внешнеэкономического и технического обмена – в наращивании собственных способностей, стимулировании развития национальной экономики»; 5. «В процессе укрепления курса на внешнюю открытость обязательно нужно решительно остерегаться и противодействовать разлагающему [влиянию] капиталистической идеологии»⁹. Ставшие традиционными высказывания о необходимости борьбы с империализмом

⁶ Мао Цзэдун тичу хуафэнь саньгэ шицзедэ лилунь [毛泽东提出划分三个世界的理论]. Мао Цзэдун выдвинул теорию разграничения трех миров // Сайт газеты «Жэньминь жибао». URL: <http://www.people.com.cn/GB/historic/0222/7.html> (дата обращения 11.01.2018).

⁷ Дун Чжэньжуй. Дэн Сяопин «лянгэ чжуаньбянь» вайцзяо сысяндэ тичу личэн цзици чжунда ии [邓小平《两个转变》外交思想的提出历程及其重大意义]. «Два поворота» Дэн Сяопина: процесс возникновения внешнеполитических концепций и их большое значение // Сайт газеты «Жэньминь жибао». URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2015/0713/c69113-27296803.html> (дата обращения 11.01.2018).

⁸ Чжунго гунчаньдан дашици, 1978 нянь [中国共产党大事记, 1978年]. Хроника КПК за 1978 г. // Сайт газеты «Жэньминь жибао». URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64164/4416109.html> (дата обращения 11.01.2018).

⁹ Ху Яобан. Цзай чжунго гунчаньдан дишиэр цы цюаньго дайбяо дахуэй шан дэ баогао [胡耀邦。在中国共产党第十二次全国代表大会上的报告]. Доклад на XII Всекитайском съезде КПК // Сайт газеты «Жэньминь жибао». URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64565/65448/4526430.html> (дата обращения 11.01.2018).

и гегемонизмом в докладе Ху Яобана сопровождалось призывами к построению конструктивных связей со странами вне зависимости от принадлежности к какому-либо из «трех миров». Идеологический мотив международной деятельности Китая отошел на второй план, страна в своем поведении на внешнеполитической арене стала исходить из прагматичных целей развития экономических контактов, привлечения иностранного капитала и технологий с целью подъема собственного народного хозяйства. Вдобавок к этому Ху Яобан обрисовал перспективы выхода КНР на международный рынок: открытие страны для привлечения зарубежного капитала и опыта должно было перейти в стадию выхода китайской промышленности на конкурентоспособный уровень.

Вместе с тем, 3-й пленум 12-го созыва ЦК КПК, принявший решение об экономической реформе, фактически сделал инвестиционное открытие Китая и тем самым положил начало реализации политики «привлечения зарубежного капитала». Руководством КНР было инициировано создание благоприятных условий для постепенного улучшения инвестиционного климата: «Введены налоговые и таможенные льготы для совместных предприятий, учреждены районы льготного инвестирования в приморской полосе» [Чжан Бэйбэй, 2007. С. 82]. Следствием этих мер стал рост показателей: объем иностранных инвестиций в 1983 г. составил 900 млн долл. США, в 1985 г. – 2 млрд, в 1990 г. – 3,5 млрд, в 1995 г. – 37,5 млрд долл.¹⁰ Качественный рост показателей произошел и в сфере внешней торговли: общий объем экспорта-импорта в 1978 г. составил 20,6 млрд долл. США, в 1988 г. – более 100 млрд, в 1994 г. – более 200 млрд¹¹. Выросли также и показатели ВВП: 1978 г. – 364,5 млрд юаней, 1980 г. – 454,6 млрд, 1985 г. – 901,6 млрд, 1990 г. – 1,86 трлн, 1995 г. – 6,07 трлн¹².

Стремление к взаимовыгодному сотрудничеству в условиях мирного сосуществования выражал и Дэн Сяопин, который 21 августа 1982 г. на встрече с Генеральным секретарем ООН Х. Пересом де Куэльяром заявил о том, что «самой большой китайской надеждой является, по меньшей мере, 20 лет мира. Мы столкнулись с задачей развития и сокращения отставания. Первостепенной миссией для себя мы определили осуществление первого этапа модернизации к концу нашего века, это и есть достижение среднезажиточного уровня. Поэтому мы надеемся на мирную международную обстановку»¹³. Задача создания благоприятной внешней обстановки была концептуально реализована в виде указания из 24 иероглифов, адресованном Дэн Сяопином своим однопартийцам. «В конце 1980х – начале 1990х гг., столкнувшись с санкциями западных стран и серьезными переменами в Восточной Европе, Дэн Сяопин... твердо придерживался мнения, что дипломатическая работа должна быть подчинена основной цели модернизации, он выдвинул политический курс из 24 иероглифов: “невозмутимо наблюдать, стоять на своем, сдержанно реагировать, скрывать способности и ждать своего часа, никогда не высовываться, быть предприимчивым”»¹⁴.

Выдвинутая Дэн Сяопином установка указывала на необходимость концентрации на внутренней обстановке, ее воплощение вылилось в очередные шаги реформирования экономики страны и выработку новых мер стимулирования собственного развития: в 1992 г. предложена целевая модель построения системы социалистической рыночной экономики¹⁵

¹⁰ Тунцицизой: 1978 нянь илай вого цзинци шэхуэй фачжань дэ цзюйда бьяньхуа [统计局: 1978年以来我国经济社会发展的巨大变化]. Управление статистики: масштабная трансформация социально-экономического развития Китая с 1978 г. // Официальный сайт Госсовета КНР. 06.11.2013. URL: http://www.gov.cn/jrzg/2013-11/06/content_2522445.htm (дата обращения 14.01.2018).

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Дэн Сяопин. Чжунгодэ дуйвай чжэнцэ [邓小平. 中国的对外政策]. Внешнеполитическая стратегия Китая // Собр. избр. произв. Дэн Сяопина. Т. 2 (эл. изд.): Сайт газеты «Жэньминь жибао». URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64184/64185/66611/4488626.html> (дата обращения 11.01.2018).

¹⁴ Лю Сюйдун. Дэн Сяопин дэ чжиго линиянь юй чжиго чжэнцэ [刘旭东. 邓小平的治国理念与治国政策]. Концепции Дэн Сяопина и его политический курс по управлению государством // Сайт газеты «Жэньминь жибао». URL: <http://theory.people.com.cn/n/2013/0918/c40537-22961471.html> (дата обращения 11.01.2018).

¹⁵ Чжунго гайгэ кайфан 30 нянь цзуй цзюй инсянли дэ 30 цзянь даши [中国改革开放 30 年最具影响力的 30 件大事 // 人民网]. 30 больших дел с наиболее важными последствиями, совершенных за 30 лет политики реформ

и приняты решения о выработке мер по формированию экспортных мощностей китайской экономики. Государством искусственно создано несколько зон, в развитие которых шла большая часть всех инвестиций, как иностранных, так и внутренних. Основная часть сил Китая была направлена именно на форсированное развитие зон экспортного производства, которое обеспечивалось, в первую очередь, стремительно возрастающими инвестициями и не всегда соответствовало объективным возможностям китайской экономики. В результате, несмотря на то что объем инвестиций в период 1996–2000 гг. в 2,2 раза превысил показатели предшествующей пятилетки, он не смог обеспечить устойчивое повышение темпов роста экономики. Во второй половине 1990-х гг. произошло уменьшение темпов прироста конечного продукта и падение темпов экономического роста в большинстве отраслей. Для стимулирования экономического роста Китаю было необходимо решить ряд комплексных проблем. Во-первых, дисбаланс в развитии западных, центральных и восточных районов страны: на начальном этапе реформ «китайское правительство [...] признало объективный характер неравномерности экономического развития регионов в силу их специфики и общеэкономической целесообразности» [Семкина, 2007. С. 28]. Итогом этих рассуждений стало достижение приморскими районами наивысших темпов развития. Данную тенденцию отображает показатель доли регионов в ВВП КНР: в 1980 г. доля восточной зоны составила 55,4 %, центральной – 29,8 %, западной – 14,8 %; в 1990 г. доля восточной зоны – 62,2 %, центральной – 25,4 %, западной – 11,9 % [Там же. С. 176]. Во-вторых, для поддержания промышленности стране требовалось диверсифицировать источники импорта полезных ископаемых. В-третьих, политика стимулирования экспортного производства и накопления соответствующего потенциала привела к необходимости поиска новых рынков сбыта продукции.

Для решения этих проблем были выработаны новые концепции. Ключевым стал XV съезд КПК, после которого «в стране сформировалась группа руководителей, выступавших за создание новой стратегии развития, основанной на экспортной ориентации национальной экономики» [Иванов, 2007. С. 282]. Переосмысление стратегического курса Китая привело к созданию концепции «нового мышления в дипломатии», и выдвигению стратегии «идти вовне»¹⁶. «Цзян Цзэминь назвал осуществление этой идеи “главным полем битвы”, а лозунг “идти вовне” стал определять стратегию Китая. Однако само выступление не было опубликовано ни тогда, ни в последующие годы» [Иванов, 2007. С. 282].

Некоторые пояснения нового стратегического курса Цзян Цзэминь дал на совещании Политбюро 20 января 2000 г. Председатель КНР, во-первых, подчеркнул важность текущего политического курса страны в контексте экономических реалий и указал на изменение экономических условий, в которых пребывает КНР: «Эти 20 лет мы, опираясь на политику привлечения зарубежного, импортировали иностранный капитал, технологии, специалистов и управленческий опыт, это было полностью необходимо. [Если бы мы] изначально не занимались привлечением зарубежного, то наша продукция, технологии, уровень управления вряд ли бы стали лучше. [В тех условиях] если бы ты хотел выйти вовне, то не смог бы. Сейчас положение дел изменилось по сравнению с тем, что было 20 лет назад, уровень нашей экономики сильно вырос, следовательно, также появились условия для выхода вовне». Во-вторых, Цзян Цзэминь указал на необходимость редакции политического курса КНР: «Мы часто говорим, что Китай – обширная и богатая природными ресурсами страна, но население очень многочисленно, количество ресурсов на душу населения ограничено. Нам необходимо осваивать международный рынок и использовать иностранные ресурсы, чтобы увеличить движущую силу и эффективность экономического развития нашей страны». В-третьих, он обосновал стратегию «идти вовне» как единственно возможную в текущих реалиях: «Только смело и активно двигаясь вовне, можно компенсировать нехватку внутренних ресурсов

и открытости // Сайт газеты Жэньминь жибао. URL: <http://theory.people.com.cn/GB/41038/6757582.html> (дата обращения 18.09.2018).

¹⁶ Юй Сяо, Цзяо Лэй. «Цзоучущой» чжаньлюэ гайшу [于晓, 矫磊. “走出去” 战略概述 // 中华人民共和国国务院侨务办公室]. Краткий обзор стратегии «идти вовне» // Официальный сайт Канцелярии Госсовета КНР по делам хуацяо. URL: <http://qwgzzyj.gqb.gov.cn/yjyt/159/1743.shtml> (дата обращения 19.11.2016).

и рынков. Только тогда мы сможем экспортировать собственные технологии, оборудование и продукцию, а также сможем создать лучшие условия для ввоза более новых технологий, развития новых [отраслей] промышленности. Только тогда будет возможно шаг за шагом от малого к большому создавать наши собственные транснациональные корпорации (ТНК), чтобы еще активнее конкурировать [в условиях] экономической глобализации. [...] В этом вопросе нужно не только исходить из текущей действительности, но и фокусироваться на долгосрочном развитии и безопасности государства. [...] укрепление внешнего сотрудничества – это стратегия высшего порядка, [потому] необходимо, не упуская момента, основательно взяться за [ее] планирование и реализацию». В-четвертых, охарактеризовал основные направления движения вовне: «Надо продолжать непрерывно повышать качество наших товаров, старательно открывать европейский и американский рынки. В то же время необходимо усердно осваивать рынки развивающихся стран Латинской Америки, Азии и Африки. Уровень экономического развития этих государств сравнительно низок, уровень же наших товаров и техники для этих стран все еще подходящий, тем более что они [представляют собой] широкий рынок [сбыта] и [обладают] богатыми запасами природных ресурсов». В-пятых, указал на необходимость принятия политических и правовых мер для реализации новой государственной стратегии: «Необходимо усилить регулирование деятельности по развитию торговли и инвестированию в открытие заводов в рамках стратегии “идти вовне”. Надо основательно подойти к выработке соответствующих законов и постановлений и принятию политических мер»¹⁷.

Таким образом, в КНР выработана новая стратегия развития, которая легла в основу внешней политики страны в XXI в. К утверждению такого курса руководство КНР планомерно продвигалась с начала политики реформ и открытости. Этап восстановления экономики, продлившийся с 1978 по 1992 гг., сменился периодом формирования экспортных мощностей и вместе со вступлением во Всемирную торговую организацию в 2001 г. фактически перешел в стадию активной реализации экспортного потенциала. Все решения, принимаемые КПК с 1978 г., исходили из экономических потребностей страны, при этом в стране все более сильные позиции занимал частный сектор. Руководство партии, демонстрируя формальную преемственность по отношению к Мао Цзэдуну и его идеям, на деле все сильнее от них отдалялось. Расхождения теории и практики преодолевались «подстраиванием» первой: сначала Дэн Сяопином был предложен непонятный, но очень удобный для экспериментов в экономике термин «социализм с китайской спецификой», а затем схожим образом на укрепление роли частного предпринимательства в экономике страны вынужден был прореагировать Цзян Цзэминь, в 2002 г. провозгласивший концепцию «тройного представительства», идеологически обосновавшую присутствие бизнеса во власти¹⁸.

Аналогичные изменения произошли во внешнеполитической деятельности страны: Китай отказался от определяющей роли идеологии в международных отношениях. По сути, решив сложившиеся к 1978 г. проблемы средствами рыночной экономики, руководство Китая все большую роль в развитии страны отводило частному сектору и в итоге столкнулось с соответствующими трудностями – необходимостью поиска новых источников сырья и рынков сбыта, дополнявшей проблему технической отсталости. Это определило задачи внешней политики: формирование конструктивных отношений в целях заимствования новейших технологий, расширение экспортных возможностей и обеспечение стремительно растущего производства все новыми ресурсами. Неизбежным следствием этой ситуации стала выработка стратегий, направленных на усиление внешней активности и укрепления контактов со странами, независимо от идеологии.

¹⁷ Чэнь Яньюн. Цзян Цзэминь «цзоучуцзой» чжаньлюэ дэ синчэн цзици чжуньяо ии [陈扬勇. 江泽民«走出去»战略的形成及其重要意义]. Формирование и основное значение стратегии Цзян Цзэминя «идти вовне» // Новостное агентство КПК. URL: <http://theory.people.com.cn/GB/40557/138172/138202/8311431.html> (дата обращения 03.02.2018).

¹⁸ Шэньмэ ши саньгэ дайбяо? [什么是三个代表?]. Что такое «тройное представительство»? // Сайт центрального телевидения Китая. URL: <http://www.cctv.com/special/733/-1/46702.html> (дата обращения 23.08.2018).

Список литературы / References

- Гельбрас В. Г.** Экономика Китайской Народной Республики: Важнейшие этапы развития 1949–2007: Курс лекций. М.: Гуманитарий, 2007. Ч. 1. 428 с.
Gelbras V. G. Economica Kitayskoy Narodnoy Respublicy. Vazhneyshie etapy razvitiya 1949–2007. Kurs lektsiy [PRC' economy. The most important stages of development 1949–2007. Lections' course]. Moscow: Gumanitariy, 2007, part 1, 428 p. (in Russ.)
- Делюсин Л. П.** Дэн Сяопин и реформация китайского социализма. М.: Муравей, 2003. 208 с.
Delyusin L. P. Den Syaopin i reformatsiya kitayskogo sotsializma [Deng Xiaoping and the reformation of Chinese socialism]. Moscow, Muravey, 2003. 208 p. (in Russ.)
- Иванов А. В.** Программа Китая «идти вовне» и некоторые аспекты российско-китайских отношений // Общество и государство в Китае: XXXLII науч. конф.: к 100-летию со дня рождения Л. И. Думана. М.: Вост. лит. 2007. С. 280–286.
Ivanov A. V. Programma Kitaya «idti vovne» i nekotoryye aspekty rossiysko-kitayskikh otnosheniy [Chinese «go out» program and some aspects of Russian-Chinese relations]. Society and state in China: XXXLII science conference. Moscow: Oriental literature, 2007, p. 280–286. (in Russ.)
- Семкина А. П.** История экономического развития северо-западных районов КНР: Дипломная работа по каф. востоковедения ГФ НГУ / науч. рук. С. А. Комиссаров. Новосибирск, 2007. 198 с. // Текущий архив кафедры востоковедения ГИ НГУ.
Semkina A. P. Istoriya ekonomicheskogo razvitiya severo-zapadnykh rayonov KNR [The history of PRC's north-west regions' development]. Diploma thesis defended at the Department of Oriental Studies, Humanities' Faculty, NSU / supervisor of studies S. A. Komissarov/ Novosibirsk, 2007, 198 p. (in Russ.) // Current archive of the Department of Oriental Studies, Humanitarian Institute, NSU.
- Чжан Бэйбэй.** Привлечение иностранных инвестиций в экономику Китая: экономические условия тенденции развития // Финансы и кредит. 2007. № 12. С. 82–86.
Zhang Beibei. Privlecheniye inostrannykh investitsiy v ekonomiku Kitaya: ekonomicheskiye usloviya tendentsii razvitiya [Attracting foreign investments to the Chinese economy: economic conditions of development trends] // Finance and credit. 2007. № 12. P. 82–86. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
24.01.2019*

Сведения об авторе / Information about the Author

Трушкин Антон Георгиевич, ассистент кафедры востоковедения гуманитарного института НГУ (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Anton G. Trushkin, assistant of the Department of Oriental Studies, Humanitarian Institute, NSU (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

a.trushkin.1990@gmail.com

УДК 372.881.1

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-115-120

2018 年新西伯利亚国立大学孔子学院工作概述

毕新惠^{1,2}、王中俊^{1,2}、Yu. A. Azarenko²

¹ 新疆大学

中国新疆乌鲁木齐市

² 新西伯利亚国立大学

俄罗斯新西伯利亚市

摘要

新西伯利亚国立大学孔子课堂（现名为孔子学院）于 2008 年正式成立，现外方合作机构为新西伯利亚国立大学，中方合作机构为新疆大学。在国家汉办的领导下，2018 年度中俄双方精诚合作、砥砺奋进，注重提质增效，在汉语教学、本土师资培训、文化活动举办、中俄合作等方面做了大量工作，激发了当地人学习汉语以及了解中国文化的热情。经过 10 年的发展，孔子课堂于 2018 年 7 月正式晋升为孔子学院。

关键词

新西伯利亚、孔子学院、工作概述

Проект «Институт Конфуция» Новосибирского государственного университета в 2018 г.

Би Синьхуэй^{1,2}, Ван Чжунцзюнь^{1,2}, Ю. А. Азаренко²

¹ Синьцзянский университет

Урумчи, Китай

² Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

Аннотация

В результате признания успехов, достигнутых за десятилетие осуществления международного проекта «Класс Конфуция НГУ», и определения дальнейших перспектив китайско-российского сотрудничества в области образования и науки, в 2018 г. в структуре Гуманитарного института НГУ создан научно-образовательный и культурный центр «Институт Конфуция» (НОКЦ НГУ «Институт Конфуция», между НГУ и Штаб-квартирой Институтов Конфуция (г. Пекин) подписано соглашение о продолжении сотрудничества с повышением статуса проекта от «класса» до «института»). Китайским вузом-партнером НГУ по проекту остается Синьцзянский университет, ведущий вуз Северо-Запада КНР.

В 2018 г. продолжалась работа в области преподавания китайского языка, подготовки местных преподавателей, знакомства студентов и населения с культурой Китая и содействия развитию сотрудничества между Россией и КНР. Дополнительные общеобразовательные программы включали обучение китайскому языку на различных уровнях, курсы практической фонетики и разговорной речи, ускоренный лексико-грамматический курс для готовящихся к сдаче международных экзаменов по китайскому языку, программу китайской каллиграфии. В центре на начальном уровне обучения применяется модель сочетания занятий по общепринятой российской методике комплексного обучения и разговорного аспекта с преподавателем-носителем языка; занятия с обучающимися продвинутого уровня подготовки могут вести преимущественно китайские преподаватели по разработанным российскими специалистами программам. Стипендии Института Конфуция

для обучения в КНР в прошедшем году по рекомендации НГУ получил 21 человек (из них в магистратуру – четыре).

В 2018 г. центр отвечал за проведение регионального этапа и подготовку заданий муниципального этапа Всероссийской олимпиады школьников по китайскому языку; в жюри над составлением заданий вместе трудились китайские и российские коллеги, также совместно они проводили консультационные занятия для ребят, готовящихся к региональному этапу. Китайские преподаватели вносят важный вклад в подготовку обучающихся к языковым конкурсам, олимпиадам, выступлениям на китайском языке на конференциях. В 2018 г. ученик китайского преподавателя проекта «Класс Конфуция НГУ» А. Власовский стал победителем Всероссийского студенческого конкурса «Китайский язык – это мост» и участвовал в конкурсе в Китае; два старшеклассника из числа слушателей курсов приняли участие в аналогичном конкурсе для школьников в КНР. Ученики китайских преподавателей центра завоевали несколько призовых мест на конкурсах перевода в Новосибирске и Иркутске, слушательница курсов заняла 3-е место на региональном этапе Всероссийской олимпиады школьников.

Развивались связи с китайскими вузами. Так, в июле 38 обучающихся приняли участие в летнем языковом лагере на базе Даляньского университета иностранных языков; в сентябре по приглашению НОКЦ «Институт Конфуция» в НГУ состоялся курс лекций по программе Центра инженерных знаний и технологий ЮНЕСКО, прочитанный специалистами Сианьского университета Цзяотун; в октябре проведен концерт китайской классической музыки в исполнении ансамбля Сучжоуского университета по программе Штаб-квартиры институтов Конфуция «Три вида гастролей»; в ноябре организован визит делегации руководителей образовательных учреждений Новосибирской области в г. Харбин для знакомства с деятельностью трех вузов и одной школы.

Центр языка и культуры Китая, а затем НОКЦ НГУ «Институт Конфуция» сохранял активное взаимодействие с более чем десятком образовательных учреждений Новосибирска, Барнаула, Горно-Алтайска, на постоянной основе сотрудничающими с НГУ в сфере обучения китайскому языку, а также с ведущими китаеведческими центрами России. Пятнадцатого февраля совместными усилиями китайских и российских преподавателей, студентов и школьников разных учебных заведений был организован ежегодный праздничный концерт по случаю китайского Нового года; в марте для учеников шести школ проведен интеллектуально-спортивный конкурс «Знаток Китая»; в октябре состоялся V региональный студенческий конкурс по переозвучиванию китайских кинофильмов, собравший 26 команд от девяти вузов Сибири; в ноябре прошли городские конкурсы каллиграфии среди студентов и школьников. В январе на курсах повышения квалификации для преподавателей китайского языка (более 60 слушателей из девяти городов, в том числе европейской части России и Восточной Сибири) лекторами выступили известные китаеведы историк проф. В. Г. Дацьшен из Сибирского федерального университета и филолог доц. Т. В. Ивченко из Российского государственного гуманитарного университета; в апреле курс лекций «Идейные течения в современном Китае» для студентов НГУ и других вузов города читал заместитель директора ИСАА МГУ А. Н. Карнеев; в сентябре доцент Высшей школы экономики А. А. Сизова представила сибирским педагогам линию учебников издательства «Просвещение» по китайскому языку для школьников 5–9-х классов, вошедших в декабре в Федеральный перечень. В сентябрь-ноябре НОКЦ «Институт Конфуция» принимал активное участие в международном научном форуме Гуманитарного института НГУ «Наследие». В его рамках центр, в частности, выступил основным организатором сентябрьской научно-практической конференции «Культурное наследие Великого Шелкового пути: из прошлого в будущее», программа которой включала около 90 докладов исследователей и преподавателей из Новосибирска, Барнаула, Томска, Омска, Красноярска, Рязани, Москвы, Урумчи, Пекина и Шанхая; стал соорганизатором октябрьской научно-практической конференции «Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока»; в форме мастер-класса представил прикладное китайское искусство вырезания из бумаги, признанное частью нематериального всемирного наследия, участвовал в проведении интерактивной выставки «Процессуальные искусства Восточной Азии». При финансовой поддержке Штаб-квартиры Институтов Конфуция вышел из печати очередной китаеведческий выпуск «Востоковедение» в серии «История, филология» рейтингового журнала «Вестник Новосибирского государственного университета».

Ключевые слова

Новосибирск, Институт Конфуция, НГУ, обзор работы

Для цитирования

Би Синьхуэй, Ван Чжунцзюнь, Азаренко Ю. А. 2018 нянь синьсиболия голи дасюэ кунцзы сюэюань гунцзо гайшу [毕新惠、王中俊、I. A. Azarenko. 2018 年新西伯利亚国立大学孔子学院工作概述]. Проект «Институт Конфуция Новосибирского государственного университета» в 2018 г. // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 4: Востоковедение. С. 115–120. (на кит. яз.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-115-120

The 2018 Work Summaries of Confucius Institute at Novosibirsk State University

Bi Xinhui^{1,2}, Wang Zhongjun^{1,2}, Iuliia A. Azarenko²

¹ Xinjiang University

Urumchi, China

² Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russia

Abstract

Confucius Institute at Novosibirsk State University was founded as a Confucius Classroom in 2008. Its Chinese partner is Xinjiang University. Under the wise leadership of Office of Chinese Language Council International, Sino-Russia both sides have pressed ahead with their sincere cooperation. Confucius Institute focused on improving the quality and efficiency and made pleasant progress on Chinese teaching, local Chinese teacher training, holding Chinese cultural activities and Sino-Russian cooperation, which inspired local people to study Chinese and learn Chinese culture. Through 10 years' hardworking Confucius Classroom was updated to Confucius Institute.

There are 12 universities and schools in Novosibirsk, Barnaul and Gorno-Altai take active part in the project, it was above 1800 students, who studied Chinese with the teachers of NSU Confucius Classroom in 2018; the courses 21 students received scholarships awarded by Confucius Institute.

The important events in 2018 include: successful training program for more than 60 local teachers of Chinese in January; Chinese Lantern Festival Gala in February; 1st prize at the "Chinese Bridge" national student competition and a set of cultural activities conducted with visiting NSU by Xinjiang University students in April; Chinese Summer Camp program at Dalian Foreign Languages University for 38 students in July; Confucius Institute Day and scientific and practical conference "The Cultural Heritage at the Silk Road Routes" in September; 5th Regional students competition in Chinese films' dubbing in October; Novosibirsk region's educational principals and administrators' visit to Harbin in November. Besides, local libraries and museums also initiated CI for joint events for introduction Chinese culture repeatedly. Also we invited some famous professors from other Russian universities to deliver lectures for NSU students or teachers and in cooperation with Xi'an Jiaotong University conducted the Special training for Silk Road engineering and technological development sponsored by the UNESCO IKCEST.

Key words

Novosibirsk, Confucius Institute, work summaries

For citation

Bi X., Wang Zh., Azarenko I. A. The 2018 Work Summaries of Confucius Institute at Novosibirsk State University. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 4: Oriental Studies, p. 115–120. (in Chin.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-115-120

新西伯利亚国立大学孔子学院的前身为新西伯利亚国立大学孔子课堂，成立于 2009 年 7 月 5 日。2011 年被评为先进孔子课堂，2012 年隶属于俄罗斯新西伯利亚国立大学人文系（现为学院），现外方合作机构为新西伯利亚国立大学，中方合作机构为新疆大学 [王琳等，2018]。

目前，新西伯利亚国立大学孔子学院共有 12 个教学点：5 所高校和 7 所中（小）学。分别是：阿尔泰国立大学、戈尔诺-阿尔泰斯克国立大学、新西伯利亚国立经管大学、西伯利亚管理学院和新西伯利亚第一师范专科学校；新西伯利亚市 112 中学、179 中学，162 中学、121 中学、市第 6 高级中学、130 中学、科利措沃镇外语学校。

通过中俄双方工作人员的励精图治、共同努力，孔子学院在教学、科研、文化活动开展和合作交流等诸多方面取得了一定的成绩。

一、教学方面

1. 汉语教学

2018 年，中国国家汉办/孔子学院总部为孔子学院派遣公派教师 3 人、汉语教师志愿者 13 人、其中 2 名海外志愿者、新西国立大学为孔子学院配备行政人员 2 人、本土汉语教师 5 人。

2018 年孔子学院及下设教学点共有注册学员 1839 人，新注册学员 313 人，班级 195 个，共计 9140 学时。教师平均课时量为 575 学时。2018 年孔子学院针对中小学生和成人开设的课程有初级、中级、高级汉语、口语、语音、书法以及各级别 HSK 和 HSKK 汉语水平考试辅

导等课程。受新西伯利亚州教育厅委托，完成了本年度全俄市级中学生奥林匹克汉语竞赛出题任务，组织了区级中学生奥林匹克汉语竞赛的辅导、考试及阅卷工作。全年 HSK 和 HSKK 考试参加人数为 140 余人。全年孔子学院奖学金共录取 21 人（四周 2 人；一学期 6 人；一学年 9 人；硕士 4 人）。

2. 师资培训

为提升汉语教师传播中国语言文化的能力，孔子学院每年举办两到三场针对本土教师、新任汉语教师和志愿者的教师培训。1 月 25 日-27 日，孔子学院举办了以“汉语词汇和语法教学”为主题的第四届本土汉语教师培训，邀请了俄罗斯国立人文大学的汉语专家孔子学院院长易福成 (Ivchenko Taras) 和西伯利亚联邦大学历史博士达慈昇 (Datsishen Vladimir) 教授分别做了有关汉语教学和俄罗斯汉语教学史的系列讲座。来自布里亚特共和国、新西伯利亚、叶卡捷琳堡等 10 个城市的 62 名汉语教师参加了培训 [Азаренко, 2018]。8 月 31 日-9 月 2 日，新西孔院举办了为期三天的新任志愿者岗前培训。

3. 各类比赛

汉语桥：在乌拉尔区大学生组的比赛中，我院选手分别获得了第一名、第三名和第四名，其中 1 人（弗拉索夫斯基·阿尔乔姆）获得全俄大学生比赛冠军。中学生组 2 名学员分别获得比赛的第一名和第二名。其中 1 人还获得了全俄中学生个人“知识之星”。中学生汉语桥比赛选手获得去中国参加汉语桥比赛的资格，并在欧洲 33 支中排名第 11 名。

奥林匹克汉语比赛：2017 年 11 月，全俄市级中学生奥林匹克汉语竞赛中孔子学院共有 5 名学员胜出，获得参加区级竞赛的资格。2018 年 2 月，全俄区级中学生奥林匹克汉语比赛中全俄区级中学生奥林匹克汉语比赛中孔子学院 1 名学员获得第三名。

翻译比赛：12 月与新西伯利亚国立技术大学联合举办第六届新西伯利亚市大学生口译比赛，我院学生荣获一等奖和三等奖。我院学生参加了伊尔库茨克国立大学主办的第八届区际奥林匹克翻译大赛并荣获二等奖和三等奖。

二、科研方面

2018 年 9 月举办国际学术研讨会 1 次，孔子学院携手新西伯利亚国立大学、新疆大学和俄罗斯科学院西伯利亚分院考古与民族学考古所、新西伯利亚国立技术大学每年举办一届“丝绸之路”国际学术研讨会，有 60 名来自俄罗斯、中国新疆等 10 余所高校以及研究机构的专家学者和高校青年骨干教师出席会议并作报告¹；参加新西国立大学大学生研讨会汉语分场 1 次；协办新西伯利亚国立大学东方学教研室举办的“历史、国际关系、东方文化研究”国际学术论坛。

孔子学院发挥所在机构的科研优势，在 2018 年度出版国立大学学报 2 期：新西伯利亚国立大学学报 2018 年第 4 期和第 10 期，截止目前，孔子学院中俄方工作人员共发表 25 篇论文，其中中方教师 4 篇学术期刊论文，本土教师发表论文 21 篇。

4 月，莫斯科国立大学亚非学院副院长卡聂耶夫教授在新西伯利亚国立大学为各高校学生做了题为“中国现代哲学思想”的系列讲座。3-5 月，新西伯利亚国立大学东方学教研室教授弗·普拉斯顿做了题为：中国“一带一路”倡议所面临的中亚伊斯兰恐怖主义等问题。

三、文化活动与宣传

孔子学院根据自身条件，合理利用所在机构优势，全年举办约 60 场精彩纷呈的文化活动。辐射范围为新西伯利亚市、巴尔瑙尔市、戈尔诺-阿尔泰斯克以及托姆斯克市等。据统计 2018 年共有 12000 余人次参加了孔院活动，也创下了历史新高。孔院文化活动不仅让当地居民零距离接触到原汁原味的中华文化，也让他们感受到了中华文化的魅力，取得了良好

¹ См.: Междунар. науч. форум НГУ «Наследие»: Межрегион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. «Культурное наследие Великого Шелкового пути: из прошлого в будущее» (22-23 сент. 2018 г., Новосибирск): Сб. тез. /Отв. ред. С. А. Комиссаров, Ю. А. Азаренко; НОКЦ «Институт Конфуция». Новосибирск, 2018. 61 с. (эл. издание). На сайте НОКЦ «Институт Конфуция» Гум. ин-та Новосиб. гос. ун-та. URL: <https://www.nsu.ru/n/chinese-center/research/silk-road-conf/2018-silk-road-thesis.pdf> (дата обращения 10.01.2019).

的社会反响，激发了很多当地居民学习汉语、了解中华文化的热情。在做好自身工作的同时，孔院还走出去联合姐妹孔院举办活动，增进孔院间的联系，提升孔院在当地的影响力。

2018 年孔子学院常规文化活动有：开放日、孔院日、一年一度的春节联欢会、中国电影汉语配音大赛、俄汉会话俱乐部等。此外，新西孔院还开发了许多形式新颖、颇受欢迎的新项目，如：中学生中国语言文化知识竞赛及趣味运动会、玩转汉字、“快乐熊猫”城际运动会、“凤凰飞舞”毽子比赛、中国传统游戏、中俄文歌曲大赛、汉语口语比赛、汉语诗歌朗诵比赛等。孔院常规活动在举办的时候除了保留原有的活动项目以外，还增加了一些新的项目和新的中国元素，力争多展示一些中国的新发展、新面貌和新风尚。新开发的项目更加注重活动的趣味性和丰富性，让当地居民，尤其是当地儿童和青少年群体在参加活动的时候，有所得，更有所乐。孔院举办的这些文化活动既有助于俄罗斯居民了解中国文化，也有助于中俄学生增进友谊，促进两国文化交流和民心相通。

孔子学院的文化活动深受当地居民的欢迎，吸引了多家中俄新闻媒体的关注，并对其进行了积极报道。中国国家汉办官方网站 2018 年度投稿情况汇总表显示，我院投稿共计 63 篇，在俄罗斯排名第一。为了加大宣传力度，在继续运营微信公众号、VK、Facebook 等社交平台的基础上，2018 年孔院还更新了官方网站、开通了抖音和新浪微博公众号，不定期在各种平台发布孔院相关活动或相关的多媒体资料，通过各种渠道不断扩大孔子学院在当地的影响力。

四、中俄双方合作交流

2018 年 7 月，新西伯利亚国立大学代表团赴新疆大学和汉办。代表团由新西伯利亚国立大学国际处处长、人文学院院长和孔子课堂俄方院长 3 人组成。代表团在新疆大学召开了理事会，会上汇报了 2014 年-2018 年孔子课堂的各项工作，汇报并通过了 2017 年孔子课堂项目决算和 2018 年孔子课堂项目预算，明确了孔子课堂今后的发展目标，达成了将孔子课堂升级为孔子学院的共识。之后，新疆大学副校长孟凡丽与国际交流处处长陪同代表团前往北京国家汉办/孔子学院总部，孔子学院总部副总干事、国家汉办副主任赵国成接待了代表团，双方座谈并签署了总部和新西伯利亚国立大学合作建设孔子学院执行协议。至此，新西伯利亚国立大学孔子课堂成功升级为孔子学院。

2018 年 4 月新疆大学大学生代表团赴新西伯利亚国立大学、西伯利亚管理学院、新西伯利亚国立经济与管理大学、市第 6 高级中学、112 中学参观考察、179 中学举办文化交流演出；9 月中方合作院校新疆大学派出两位专家参加孔子学院举办的国际学术研讨会；9 月 17-19 日西安交通大学代表团一行参观访问了新西伯利亚国立大学孔子学院，并与孔院共同举办了“丝绸之路工程科学与技术”培训项目；此外，2018 年孔子学院还接待了来自俄罗斯国立人文大学孔子学院、托姆斯克国立大学孔子学院、新西伯利亚国立技术大学孔子学院，以及奥地利维也纳大学孔子学院的中外方院长以及老师来访，孔子学院之间的交流和互动，有效地提升了孔院的管理水平和教学水平。

2018 年 7 月 3 日-7 月 17 日孔子学院组织了各教学点学生赴华夏令营，共 38 人参加，营员们在北京和大连两地开展了汉语学习、中华文化体验、参观名胜古迹等活动。

2018 年 11 月 23 日-30 日孔子学院组织了教育官员代表团赴黑龙江省哈尔滨市访问，代表团共 9 人，哈尔滨师范大学作为接待院校，安排了一系列考察。代表团访问了哈尔滨师范大学、黑龙江大学、哈尔滨理工大学、哈尔滨第六中学。新西伯利亚市第 6 中学和哈尔滨第六高级中学签署了校级合作协议。教育官员们通过这次访问交流和文化体验，对中国的教育制度、管理理念等有了一定的了解，是一次富有成效的访华之旅。

此外，孔子学院总部与人民出版社每月定期为孔子学院及下属教学点免费提供期刊，分别是俄中、英中双语《孔子学院院刊》与《中国》。在孔子学院总部的资助下莫斯科远东研究所出版了系列有关中国哲学和国情的图书，我校孔子学院收到了其中部分赠书。新疆大学为孔子学院提供了大量中国文化活动相关的物品，包括：服饰、舞龙舞狮用品、月饼、元宵等。

当前，孔子学院抓住“汉语热”这一大时代背景，积极融入当地大学，严格按照汉办规章制度和当地法律，在扩大教学规模的同时更加注重“提质增效”，提升办学水平和办学质量。孔院下一阶段将继续利用各方资源，发挥自身优势，继往开来，为中俄两国文化交流作出更多更新的贡献。

参考文献 / Список литературы / References

Азаренко Ю. А. Преподавание китайского языка: опыт московских специалистов представлен в Новосибирском государственном университете // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 4: Востоковедение. С. 139–143. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-4-130-143

Azarenko In.A. Prepodavanje kitajskogo yazyka: opyt moskovskih specialistov predstavlen v Novosibirskom gosudarstvennom universitete [Teaching of Chinese: the experience of the Moscow colleagues introduced in Novosibirsk State University]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 4: Oriental Studies, p. 128–131. (in Russ.)

王琳、单秋燕、赵媛。 西伯利亚地区的中国语言文化窗口“新西伯利亚国立大学人文学院孔子课堂” (Ван Линь, Шань Цюянь, Чжао Юань. Класс Конфуция гуманитарного института НГУ – окно китайского языка и культуры в Сибири) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 4: Востоковедение. С. 128–131. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-4-128-131

Wang Lin, Shan Qiuyan, Zhao Yuan. Xiboliya diqude zhongguo yuyan wenhua chuankou “xinxiboliya guoli daxue wenxueyuan kongzi ketang” [Confucius Classroom of Humanitarian Institute of Novosibirsk State University as a window for Chinese language and culture in Siberia]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 4: Oriental Studies, p. 128–131. (in Chin.)

Материал поступил в редколлегию
Received
28.01.2019

Сведения об авторах / Information about the Authors

Би Синьхуэй, доцент Синьцзянского университета, преподаватель научно-образовательного и культурного центра Гуманитарного института Новосибирского государственного университета «Институт Конфуция», руководитель проекта «Институт Конфуция НГУ» с китайской стороны (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Bi Xinhui, Assistant Professor of Xinjiang University, Chinese director of «Confucius Institute at NSU» project (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; 666 Shengli Rd, Urumchi, 830046, Xinjiang, People’s Republic of China)
bixinhui27@163.com

Ван Чжунцзюнь, Синьцзянский университет, Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Wang Zhongjun, Xinjiang University, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
wang127@yandex.ru

Азаренко Юлия Анатольевна, старший преподаватель кафедры востоковедения, директор научно-образовательного и культурного центра Гуманитарного института Новосибирского государственного университета «Институт Конфуция» (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Iuliia A. Azarenko, senior teacher of the Chair of Oriental Studies, director of Research, Educational and Cultural Center “Confucius Institute” at the Institute for Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
ci@nsu.ru

УДК 372.881.1

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-121-132

来华留学生中级汉语听力学习情况调查——以复旦大学留学生为例

党瑞

新西伯利亚国立大学
俄罗斯新西伯利亚市
复旦大学
中国上海

摘要

20世纪70年代末80年代初,对外汉语教学经过几十年的发展,出现了一派改革的新形势。在这场改革中,按语言技能设课成为一种倾向,听力课由此成为一门独立的课型,关于听力教学的研究也逐渐多了起来。本文从实践出发,对2018年春季复旦大学来华留学生中39名中级水平学生的听力学习情况进行了调查,分别从学生对听力课的态度、对听力课的认知、对教材的使用体验、对教师的满意度以及练习题设置五个方面做了详细的调查和分析。为了提高中级汉语听力教学的效果,本文基于此次调查和分析的结果,拟从听力课本身、听力内容、练习题和教师等四个方面提出自己的一些想法和教学策略,以期为对外汉语中级听力教学提供参考。

关键词

来华留学生; 中级汉语听力; 学习情况; 调查分析; 策略。

Обследование отношения иностранных студентов к занятиям аудирования на среднем этапе изучения китайского языка (на примере Университета Фудань)

Дан Жуй

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
Университет Фудань
Шанхай, Китай

Аннотация

Как отдельная дисциплина в обучении китайскому языку как иностранному аудирование стало преподаваться в Китае с конца 1970-х – начала 1980-х гг., когда в результате реформирования учебного процесса за основу был взят принцип преподавания по аспектам речевой деятельности.

В данной статье представлены результаты анализа анкетирования 39 студентов, проведенного среди изучающих китайский язык на среднем уровне в Университете Фудань (г. Шанхай) весной 2018 г. Вопросы анкеты выявляли отношение студентов к занятиям по аудированию, их понимание сущности аспекта, опыт использования учебников, отношение к разным видам упражнений и удовлетворенность методами преподавателя. В целях повышения эффективности преподавания китайского языка на среднем этапе обучения, основываясь на результатах этого опроса и анализа, автор рекомендует некоторые практические методы и стратегии обучения.

Ключевые слова

иностранные студенты в Китае, аудирование, обучение китайскому языку на среднем уровне, учебная ситуация, исследование и анализ, стратегия

Для цитирования

Дан Ж. Лай хуа люсюэшэн чжунцзи ханьюй тинли сюэси цинкуан дяоча цзи цзясюэ цэлюэ – и фудань дасюэ люсюэшэн вэй ли [党瑞. 来华留学生中级汉语听力学习情况调查及教学策略——以复旦大学留学生为例] //

© Жуй Дан, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 4: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 4: Oriental Studies

Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 4: Востоковедение. С. 121–132. (на кит. яз.)
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-121-132

Investigation of Foreign Students' Attitude to Intermediate Chinese Auding Lessons (Taking the Students of Fudan University as an Example)

Dang Rui

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia
Fudan University
Shanghai, China

Abstract

In the late 1970s and early 1980s, after several decades of development of teaching Chinese as a foreign language, a new situation of reform was emerging. In this reform, the setting of classes according to language skills has become a tendency, and the listening class has become an independent class. The research on listening teaching has gradually increased.

Based on the practice, this paper investigates the listening learning of 39 middle-level students from Fudan University in the spring of 2018, from the students' attitude towards listening lessons, their understanding of listening lessons, and the experience of using textbooks. A detailed investigation and analysis of the teacher's satisfaction and the five aspects of the practice setting were made. In order to improve the effect of intermediate Chinese listening teaching, based on the results of this survey and analysis, this paper proposes some ideas and teaching strategies from the listening course itself, listening content, practice questions and teachers, in order to provide intermediate Chinese as a foreign language. Listening teaching provides a reference.

Key words:

international students, intermediate Chinese listening, learning situation, investigation and analysis, strategy

For citation

Dang R. Investigation and Teaching Strategies of Intermediate Chinese Listening Learning for International Students in China – Taking the students of Fudan University as an example. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 4: Oriental Studies, p. 121–132. (in Chin.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-121-132

引言

20世纪70年代末80年代初,对外汉语教学经过几十年的发展,出现了一派改革的新形势。在这场改革中,按语言技能设课成为一种倾向,听力课由此成为一门独立的课型,关于听力教学的研究也逐渐多了起来。尽管目前听力研究已经取得了很大的成就,但是“在看到成就的同时,我们也不得不承认,听力教学研究取得的进步与对外汉语教学飞速发展的形势是不相适应的,现状并不容乐观。”(刘颂浩,2001)我们作为教学实践者,应该充分发挥自己的主动性,不断探索更好的教学方式,以求在教学中取得更好的效果。

对外汉语教学的目的是培养和提高学习者运用汉语进行交际的能力,通过对汉语的基本知

识, 包括语音、词汇、语法等方面的学习, 并灌之以多种技能的训练, 最终实现顺利交际。汉语听力课便是由此产生的四种技能(听、说、读、写)课之一。吕必松(1996)从语言学习过程的角度和语言交际的角度分别阐述了听力的重要性。从语言学习过程的角度说, 听总是先于说, 听不懂说也无从说起。对第二语言学习者来说, 只有先听, 然后才能跟着模仿。听的能力越强, 学说话就学得越快。从语言交际的角度说, 听的能力总要大于说的能力, 这也就是我们通常所说的语言常规教学中的“输入”大于“输出”。在言语交际的过程中, “说”是“输出”, 是主动的行为; “听”是输入, 是被动的行为。如果听不懂听人说的话, 交际就无法进行。

可见, 听力技能学习在学习者学习过程中的重要性不言而喻。而中级汉语听力学习更是在整个听力过程中起着承上启下的重要衔接作用, 学生能不能巩固好初级阶段的基础知识, 又通过此阶段的学习, 听懂连贯对话、抓住话题的主要内容和观点、理解说话人的感情和态度、提高猜词、抓重点及掌握细节的能力, 如何在中级听力阶段顺利地过渡和提高, 这就对教师提出了要求。因此教师必须要清楚地了解中级汉语听力教学的重要性, 也要找到中级汉语听力教学过程中的难点及存在的问题, 并对此提出解决策略和方法。

本文坚持“以学生为中心”的教学观点, 从实践出发, 对 2018 年春季复旦大学来华留学生中 39 名中级水平学生的听力学习情况进行了调查分析, 拟从学生对听力课的态度、对听力课的认知、对教材的使用体验、对练习题的感知以及对教师的满意度以及五个方面进行分析并提出相应的策略。

一. 学生对听力课的态度

针对学生对听力课的态度, 我们主要设置了两个问题, 分别是 1. 你最喜欢什么课? 2. 你喜欢上听力课吗? 调查显示, 约有 57% 的学生最喜欢的课是精读课, 18% 的学生最喜欢口语课, 12% 的学生最喜欢的课听力课, 而只有 8% 和 5% 的学生最喜欢写作课和泛读课。这与“听、说、读、写”中把“听”放在首位的重要性截然不同。经过访谈, 笔者发现, 造成这一情况的原因是因为对于大多数学生来说, 精读课更能满足学生的求知欲, 他们在精读课上能学到更多的语法、生词等, 而听力课对于他们来说仅仅是一种练习。

	类别	人数	百分比
你最喜欢什么课?	精读课	22	57%
	口语课	7	18%
	听力课	5	12%
	写作课	3	8%
	泛读课	2	5%

但是，对于第二个问题，“你喜欢上听力课吗？”有30%的学生表示很喜欢，59%的学生一般喜欢，只有11%的学生不太喜欢。由此可见，大部分学生对于听力课的态度还是比较积极的，这一点最起码可以说明，在影响学生的听力学习中学生的态度首先不会起到制约作用。

	类别	人数	百分比
你喜欢上听力课吗?	很喜欢	12	30%
	一般喜欢	23	59%
	不太喜欢	4	11%
	完全不喜欢	0	0%

二. 学生对听力课的认知

任何形式的学习在很大程度上需要学生内在的动力和对此门课程的认可及认知程度。针对这一点，我们设计了两个问题来考察学生对听力的认知。包括：1. 你觉得听力课重要吗？2. 你觉得听力课对你学习汉语有没有帮助？调查显示，约有72%的学生觉得听力课很重要，28%的学生觉得一般重要，没有学生觉得不太重要或完全不重要。可见，对于听力课的认知度，或者说对于学生来说“听”的重要性，绝大部分学生还是认可的，这就为以后的听力学习打好了心理基础。

	类别	人数	百分比
你觉得听力课重要吗?	很重要	28	72%
	一般重要	11	28%
	不太重要	0	0%
	完全不重要	0	0%

对于第二个问题,“你觉得听力课对你学习汉语有没有帮助?”有66%的学生觉得很有帮助,26%的学生觉得有点儿帮助,8%的学生觉得不太有帮助,没有学生觉得没有帮助。两个问题的调查结果比较来看,学生对听力课认知的重要性和其学习效果是基本成正比的。这也充分说明了学生积极的心理因素对学习的促进作用。

	类别	人数	百分比
你觉得听力课对你学习汉语有没有帮助?	很有帮助	26	66%
	有点儿帮助	10	26%
	不太有帮助	3	8%
	没有帮助	0	0%

三. 学生对教材的使用体验

随着对外汉语教学的发展,汉语教材也相继蓬勃发展起来,从最初的以语法结构为主,到现在各种针对化、多样化的教材出现,极大地满足了国内大部分高校针对来华留学生的教材使用。复旦大学国际文化交流学院针对长期来华进修生选用的中级汉语听力教材是《发展汉语-中级听力 I》,关于学生对此教材的使用体检,我们也设计了两个问题:1. 你觉得现在的听力书难不难? 2. 你对听力书的内容感兴趣吗? 问题一主要想调查听力课本对学生来说是否合适,问题二的目的在于考察现用的听力课本能不能调动学生的学习积极性。通过调查发现,21%的学生觉得使用的教材很难,62%的学生觉得有点儿难,只有17%的学生觉得不太难,没有学生觉得不难。可见,我们选用的教材从总体来说是合适的,但对于少部分学生来说可能有些难。

	类别	人数	百分比
你觉得现在的听力书难不难?	很难	8	21%
	有点儿难	24	62%
	不太难	7	17%
	不难	0	0%

关于听力课本的内容,有3%的学生表示都感兴趣,56%的学生对大部分内容感兴趣,41%的学生仅对少部分内容感兴趣,没有学生对教材的内容完全不敢兴趣。不难看出,对教材内

容完全感兴趣或大部分感兴趣的学生所占百分比刚刚过半，还有近一半的学生只对少部分内容感兴趣，因此，关于使用什么样的听力教材也是个值得探讨的问题。

	类别	人数	百分比
你对听力书的内容感兴趣吗？	都感兴趣	1	3%
	大部分感兴趣	22	56%
	少部分感兴趣	16	41%
	完全不感兴趣	0	0%

四. 学生对练习题的感知

听力课不同于其他课，学生在课堂上的主要活动是听和做，听指听力文本，做指跟听力文本配套的练习题，所以听力教材中练习题的设置显得尤为重要。《发展汉语-中级听力 I》设计的练习题包括：判断对错、填写词语或句子、根据课文内容选择正确答案、排列顺序、填写表格、连线题等，学生对于这些练习题的反馈怎么样，我们设计了两个问题：1. 你喜欢那种练习题？（可多选）2. 你觉得哪种练习题最难？从下表可以看出，约有 69% 的学生喜欢判断题，26% 的学生喜欢填空题，59% 的学生喜欢选择题，18% 的学生喜欢排列顺序，38% 的学生喜欢回答问题，28% 的学生喜欢听后重复，15% 的学生喜欢填写表格，26% 的学生喜欢联系题。不难看出，判断题和选择题是比较受欢迎的，这充分说明了此种形式是比较适合学生的学习模式的，今后应继续坚持，而排列顺序和填写表格两类练习题所占的比例都没超过 20%，说明此类形式不受学生的欢迎，今后可以相应的减少。

你喜欢哪种练习题？（多选）								
类别	判断	填空	选择	排列顺序	回答问题	听后重复	填写表格	连线
人数	27	10	23	7	15	11	6	10
百分比	69%	26%	59%	18%	38%	28%	15%	26%

在实际的教学中笔者发现，有部分学生在上课时会选择性地做练习题，因此对于练习题的难易度，笔者也做了相应的调查，约有 15% 的学生认为判断题最难，13% 的学生觉得填空题最难，8% 的学生觉得选择题最难，21% 的学生觉得排列顺序最难，38% 的学生觉得回答问题最难，

23%的学生觉得听后重复最难，26%的学生觉得填写表格最难，3%的学生觉得连线题最难。可见，回答问题和填写表格的设计不太符合学生的学习心理或接受程度，而选择题和连线题相对来说所占比例很少，说明学生对此类题是比较容易接受的。

你觉得哪种练习题最难？（多选）								
类别	判断	填空	选择	排列顺序	回答问题	听后重复	填写表格	连线
人数	6	5	3	8	15	9	10	1
百分比	15%	13%	8%	21%	38%	23%	26%	3%

五. 学生对教师的满意度

尽管听力课相对于其他课来说练习比较多，我们也坚持“以学生为中心”的教学原则，但教师在课堂的主导地位仍然不可忽视，对此，我们专门设置了几个问题来考察学生对教师的满意度以及教师在课堂上的作用。主要包括以下几个问题：1. 在听力课上你觉得老师的重要性怎么样？2. 老师在听力课前会引导你们进行听力训练吗？3. 你对听力老师的满意度怎么样？关于教师在听力课上的重要性，62%的学生表示很重要，33%的学生觉得比较重要，只有5%的学生觉得不太重要，没有学生觉得不重要。

在听力课上你觉得老师的重要性怎么样？	类别	人数	百分比
	很重要	24	62%
	比较重要	13	33%
	不太重要	2	5%
	不重要	0	0%

可见，大部分学生能够意识到教师在听力课中的重要作用，这就说明学生在很大程度上还是很“依赖”老师的，老师的作用应该怎么发挥也是个重要的问题。

教师怎么发挥其主导作用，关于此问题，我们设置了“老师在听力课前会引导你们进行听力练习吗？”来考察，调查显示，约有49%的学生表示都会，41%的学生回答有时会，10%的学生回答不太会，没有学生表示教师不会。很显然，教师在课前引导方面做得不错，但怎么有效又有趣地引导也是个值得探讨的问题。

	类别	人数	百分比
老师在听力课前会引导你们进行听力训练吗?	都会	19	49%
	有时会	16	41%
	不太会	4	10%
	不会	0	0%

最后，关于学生对教师的满意度，我们也做了调查。结果显示，约有 62% 的学生对听力课的教师非常满意，33% 的学生对教师比较满意，仅有 5% 的学生对教师不太满意，没有学生不满意现在的教师。学生对教师的满意度直接关系到一门课的学习效果，怎么最大限度地提高学生教师的满意度，这与教师的教学状态、教学方法及技巧、教具、教学经验等都有密不可分的关系。

	类别	人数	百分比
你对听力老师的满意度	非常满意	24	62%
	比较满意	13	33%
	不太满意	2	5%
	不满意	0	0%

六. 一些思考

“我们应该清醒地认识到，任何学科领域，科学研究的最终目的都是为了应用。这是科学生命之所在。”（陆俭明 2005）下面结合本人对外汉语听力教学中的实践提出几点想法和大家交流。

（一）听力课不仅是练习课，更是技能课

前面我们提到，许多学生最喜欢的课是精读课，因为其更能满足学生的求知欲，而听力课对他们来说只是练习课。之所以会这样，一是跟课型本身的性质有关系，精读课更重注书面语的学习，而听力课主要是“听”；二是跟听力课怎么上有关系。吕必松先生说：“语言教学既是一门科学，也是一门艺术。”我们应该意识到，听力课不仅仅带着学生做练习，而是在做练习的过程中培养学生的听力技能。对于中级汉语听力来说，这些技能包括能捕捉话题或文章的主要内容和观点、会抓关键词或句子、猜词能力、领会对话者的意图等，除此之外，还

要引导学生区分汉语在语调、语气、句式上的差别。具体可采用以下几种方法:

(1) 对文章结构“心中有数”。在听文章前,教师可在课前进行引导,说出几种常见的文章结构,如总分总、分总、总分等,告诉学生主要内容或观点出现的大概位置,让学生有针对性的听,有选择的听,做到事半功倍。

(2) 学会捕捉关联词语。在现代汉语中有很多有特定意义的关联词语,如“因为……所以……”表原因,“只要……就……”表条件,“如果……就……”表假设等,在“听”前提醒学生注意这类词语,由此可以推断说话者的意图、态度等。

(3) 适当模仿。语言的学习在一定程度上就是一种模仿,无论是母语学习还是第二语言学习,最初都是先听,然后根据听进去的内容再说。要想让学生真正掌握汉语的语气、语调,最好的办法就是模仿。教师可带着学生模仿某些特殊的句型或语调,让学生亲身体会,做到熟能生巧,融会贯通。

听力水平的提高不仅仅是应试的需要,也是学生语言综合能力的重要部分,听、说能力提高了,读、写能力也就自然会得到提升。因此,在对外汉语教学中应该充分发挥“听”在汉语习得上的特殊作用,抓住这一关键环节来促进学生各项语言技能的全面提高。

(二) 听力内容不仅靠教材,还要靠其他

在文章的第三部分我们调查了学生对现用的听力教材的使用体验,结果表明,有超过一半的学生认为现在的教材有点儿难,对他们来说要听懂还是有一定压力的,这在一定程度上就减弱了学生的学习积极性。针对教材的内容,大部分感兴趣的人数和少部分感兴趣的人数各参半,这说明教材的内容不太符合学生的心理预期。这就给教师一个提示,在教学中我们不仅要靠教材,还应该补充其他的听力材料。

(1) 选择合适的教材。教材是老师上课的依据和工具,对于听力课来说,教材的难或易直接关系到听力教学效果。教师首先应该根据学生的实际听力水平准备听力教材。材料太容易,学生则没有动力;材料太难,学生则畏难不敢听;材料太枯燥,学生则不感兴趣;材料太活泼,学生又容易分心。鉴于此,教师在课前应花费很大的精力在材料的选取上,一定要准备出适合学生听且乐于听得课堂材料。

(2) 要适当补充其他材料。调查显示,有近一半的学生只对教材的少部分内容感兴趣,怎么样最大限度地提高学生的学习兴趣,就需要教师适时适当地补充其他材料。比如有节课的文章是跟相亲相关的,可以选取时下流行的节目《新相亲时代》的片段给学生看,采取视听结合的方法,让学生在看中听,乐中懂。

(3) 多调查,多听学生的建议。无论是教材内容还是课外材料,教师在课前都应跟学生商议,可采取调查问卷、访谈、课堂提问等方式来了解学生感兴趣的话题和希望听到的内容,再结合每个学院的教学大纲适时调整。

总之,教材是听力课教学的依据,但又不应该完全照搬教材,要在遵循教材基本内容和教学大纲的基础上,补充与时俱进的内容,让学生既能训练听力技能,又能通过听力课来了解当今中国的新发展、新变化、新思想等,坚持听力内容“从学生中来,到学生中去”。

(三) 练习题不仅要做,还要多变

针对练习题的形式和难易度我们也做了调查,对于中级汉语水平的学生来说,判断题和选择题的相对于其他形式的练习题来说是比较受学生欢迎的,其难度也是比较低的,排列顺序和填写表格的受欢迎度比较低,回答问题和填写表格的难度比较大。那么,不太受欢迎的练习题和难度较大的练习题到底做不做,怎么做才能符合学生预期心理,达到听力训练的效果?可以从以下几方面来试试:

(1) 练习题的数量可适当减少。对于中级汉语水平的学习者来说,学生大部分都经过了初期的汉语语音、语调等的训练,也有了一定的词汇基础,但对于练习题的数量,并不是越多越好。有些学生表示一篇文章里的练习题太多,觉得听得有点儿累。所以教师应灵活把控练习题的数量,选择重要的、有代表性的题让学生进行训练,力求少而精。

(2) 练习题的内容可适当改写。

对于练习题的内容,当然无外乎都是跟听力文本相关的,但这并不是说要针对文中出现的每句话每个小的内容都要设置练习题。在实际教学中发现,有些练习题的设置并没有什么实际的意义,只是在考察学生有没有听清这句话,笔者认为,练习题的内容应与文本的主要内容及观点相关,对于只掌握了 2000-2500 个常用词的中级汉语水平学习者来说,掌握文章的大概意思和主要观点就足够了,其他的可在高级阶段进行训练,这一方面有利于减轻学生

的心理压力，另一方面有助于教学的顺利进行。把握好这一点，教师在上课时就可以随机应变，因材施教。

(3) 练习题的形式可适当改变。

关于练习题的形式，上文我们也做了调查。对于学生受欢迎的应继续坚持，对于不太受欢迎和难度较大的我们可以适当改变。比如对于回答问题，可以变成讨论，这也是在调查中中学生提出的建议，毕竟客观地说，“听”与“说”的关系最为密切，“听”有助于“说”，“说”有赖于“听”。当然教师应把握好讨论的时间，不能把听力课变成了口语课。另外，对于填写表格的习题，可变成小组采访活动，采用团队活动的形式，让学生在合作中学习，而不只是单纯一个人听一个人答。

如果说教材是依据，练习题就是依据的重心，合适的练习题既能训练学生的听力技能，又能让学生学到有意义的内容，既能让学生由被动做题式的听变成主动获取信息的听，又能在听后锻炼学生的口语能力，从而提高各方面的技能。

(四) 教师不仅是引导者，还是合作者

关于学生对听力教师的满意度，我们也进行了调查，仅有 5% 的学生表示不太满意，这就说明教师的教学还是相对成功的，我们都知道“以学生为中心”的原则，但这并不是说教师不重要，相反，教师的角色更应该多样化，不仅是引导者，还是合作者。

(1) 注重课前的引导。教师应坚持讲课前的心理愉悦训练，调查结果也表明，大部分教师都会采用此种方法。教师可选择播放中文歌曲、广告、幽默故事、新闻等一些趣味性较强的听力材料。期间，教师可以适当提示其中精华语句，让学生边欣赏优美旋律，边跟唱中文歌曲，享受听力的乐趣，每次内容尽量新颖别致，让学生愉快地开始听力学习。以此来调节学生的心理状况，减轻其听力焦虑。

(2) 注意课中的合作。教师在引导学生进入正常的听力活动后，整个教学活动应以学生为中心，教师此时的角色应由引导者变为合作者、参与者。教师应换位思考，边听边和学生讨论、交流、互动，跟学生一起听，一起思考，一起找答案，在师生、生生相互探讨交流的过程中，形成新型的师生合作关系。使学生在和教师的交流中听有所得、听有所获。

(3) 注意听后共同复习。针对下课前学生的听力疲劳或焦躁，教师可安排一点时间和学生一起进总结复习，采用小组互动或全班互动的方式，总结练习题的形式、学生的错误、听

力文本的难点，复习听力文本的主要内容和观点，最后再结合本节课程的话题，播放精炼和富有趣味的音频或视频，既放松学生神经、减弱情感过滤，又使学习者在愉悦中真切体会语境，强化语感，并增强其对听力课的兴趣与认同。

随着对外汉语教学的发展，对教师的要求也越来越高，在中级汉语听力教学方面，现代的新型的教师不只是主导者、引导者，更应该是合作者和参与者，只有教师实质性参与到学生互动之中，真实了解学生对教学的意见与企盼，并及时与其交流，为其鼓劲，才能更好地激发学生克服困难、积极学习的积极性。

参考文献 / Список литературы / References

- Ху Бо.** Ханьюй тинли кэ цзяосюэфа [胡波。汉语听力课教学法]. Методика преподавания аспекта аудирования на занятиях китайского языка. Пекин: Бэйцзин юйянь дасюэ чубаньшэ, 2007. 173 с. (на кит. яз.)
Hu Bo. Hanyu tingli ke jiaoxuefa [Teaching method of Chinese listening course]. Beijing. Beijing Language and Culture University Press, 2007, 173 p. (in Chin.)
- Ли Сюэци.** Дуйвай ханьюй тинли цзяосюэ яньцзю [李晓琪。对外汉语听力教学研究]. Изучение преподавания аспекта аудирования при обучении китайскому языку как иностранному. Пекин: Шаньгу иньшугуань, 2006. 292 с. (на кит. яз.)
Li Xiaoci. Foreign Language Listening Teaching Research. Beijing: The Commercial Press, 2006, 292 p. (in Chin.)
- Ли Ян.** Дуйвай ханьюй цзяосюэ кэчэн яньцзю [李杨。对外汉语教学课程研究]. Изучение занятий китайского языка как иностранного. Пекин: Бэйцзин юйянь дасюэ чубаньшэ, 1997. 451 с. (на кит. яз.)
Li Yang. Duiwai hanyu jiaoxue kecheng yanjiu [Research on the teaching Chinese as a foreign language]. Beijing: Beijing Language and Culture University Press, 1997, 451 p. (in Chin.)
- Лю Сунхао.** Ханьюй тинли цзяосюэ лилунь юй фанфа [刘颂浩。汉语听力教学理论与方法]. Теория и методы преподавания аспекта аудирования в обучении китайскому языку. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2008. 234 с. (на кит. яз.)
Liu Songhao. Hanyu tingli jiaoxue lilun yu fangfa [The theory and method of Chinese listening teaching]. Beijing: Beijing University Press, 2008, 234 p. (in Chin.)
- Лю Сюнь.** Дуйвай ханьюй цзяоюйсюэ иньлунь [刘殉。对外汉语教育学引论]. Введение в преподавание китайского языка как иностранного. Пекин: Бэйцзин юйянь дасюэ чубаньшэ, 2000. 422 с. (на кит. яз.)
Liu Xun. Duiwai hanyu jiaoyu xue yinlun [Introduction to Teaching Chinese as a Foreign Language]. Beijing: Beijing Language and Culture University Press, 2000, 422 p. (in Chin.)

*Материал поступил в редколлегию
 Received
 06.02.2019*

Сведения об авторе / Information about the Author

Дан Жуй, преподаватель Института иностранных языков Университета Фудань, Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Dang Rui, teacher of Chinese as a foreign language at the Fudan University, teacher of the Institute for Humanities of Novosibirsk State University (1 Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
 dangrui309@163.com

Искусство Восточной Азии (Китай, Корея, Япония) (материалы к учебному пособию)

В. И. Ожогин

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Основная цель учебного пособия, призванного помочь студентам в освоении лекционного курса по искусству стран изучаемого региона (Китай, Корея, Япония), – дать слушателям концентрированное и в то же время достаточно полное представление об истории, теоретическом содержании, эстетическом и практическом значении видов и произведений восточного искусства на материале академических переводов сочинений философско-эстетического характера мыслителей стран Дальнего Востока, произведений искусства и их профессиональных исследований, выполненных отечественными и зарубежными востоковедами.

Широкий философско-искусствоведческий, историко-культурный и лингвострановедческий контекст, определяемый методологией курса и предлагаемого пособия, позволяет объективнее и точнее оценить общечеловеческое значение эстетических ценностей культур восточных народов.

В курсе и пособии предполагается показать сложный путь эволюции и трансформации трех национальных эстетических традиций – китайской, корейской и японской, их материальное воплощение в предметах и произведениях искусства разных областей от архитектуры, живописи и музыки до театра, садово-паркового и декоративно-прикладного искусства. При этом акцент делается как на, безусловно, общих типологических чертах этих традиций в силу их китаецентричной детерминации, так и на особенных, специфических, определяемых своеобразием их этнолингвистической природы и исторических судеб.

Большое внимание в курсе и пособии уделяется связям и взаимовлияниям искусства с мифологией, философией, традиционной наукой, литературой, языком и его специфике, обусловленной так называемым иероглифическим мышлением народов Дальнего Востока.

В данной публикации представлен краткий проект пособия, которое планируется к изданию несколько позже.

Содержание разделов и тем

Методологическое введение

Мировоззренческие и философско-эстетические основы традиционного искусства Китая

Феномен синкретизма видов и стилей китайского традиционного искусства

Теоретико-методологические принципы искусствознания в контексте востоковедения.

Проблема национального стиля в искусстве стран Дальнего Востока (Chinese Style, Japanese Style, Korean Style). Локальные стили в контексте национального стиля.

Синкретизм как типологическая специфика дальневосточного искусства (*хэ и: тянь жэнь хэ и, чжи син хэ и, сань цзяо хэ и*).

Основные философско-эстетические идеи *сань цзяо* (трех «великих учений» - даосизма, конфуцианства, буддизма) следующие.

Жу цзя: тянь (небо) – *хэ* (гармония) – *ли* (ритуал) – *фа ли* (не-нарушение норм).

Дао цзя: *дао* (путь) – *цзы жань* (естественность) – *у вэй* (не-деяние).

Фо цзя: *фа* (дхарма) – *кун* (пустота) – *у во* (не-Я) – *у нянь* (не-мыслие).

Общую интенцию трех учений как нельзя более точно передает даосская идея из трактата «Дао дэ цзин»: *жэнь фа ди, ди фа тянь, тянь фа дао, дао фа цзы жань*.

Классическое китайское искусство в аспекте нумерологии (*сян шу чжи сюэ*).

Геомантия *фэн шуй* – натурфилософская парадигма китайской традиции (экоискусство).

Следуя традиционной нумерологической методологии, можно обозначить пять (5) принципиальных и оригинальных основ (*у син*) традиционного китайского искусства: *шэнь хуа* (мифология), *хань цзы* (иероглифика), *фэн шуй* (геомантия), *сян шу чжи сюэ* (нумерология), *сань цзяо* (триединство философии). Все пять основ тесно взаимосвязаны и составляют единое синкретическое целое: *у син хэ и*.

Раздел I. Искусство Китая

Тема 1. Архитектура

Период II тыс. до н. э. Планировочные принципы городищ, конструктивные особенности сооружений, строительный метод *хан-ту*. Памятники: городище в Эрлитоу (пров. Хэнань); городище в Эрлигане (пров. Хэнань); комплекс «Иньское городище» (*Иньской*) вблизи г. Аньян (пров. Хэнань): «северный», «центральный» и «южный» дворцовый ансамбли.

Династия Чжоу (XI–III вв. до н. э.). Планировочный модуль *ло шу* («магический квадрат») и планы столиц Хаоцзин и Лои. Освоение новых материалов (черепица, кирпич), разработка и распространение консолей *доу-гун*, конструкция двухуровневых четырехскатных крыш, стена-экран *ин-би*. Правила строительства комплексов: *сыхэюань* (двор с четырьмя строениями по периметру) и *саньчао у мэнь* (три парадных здания и пять ворот). Формирование двухуровневой деревянной структуры строений на двухуровневой террасе.

Империя Цинь и Хань (конец III в. до н. э. – начало III в. н. э.). Великая китайская стена: ее оборонительное, геомантическое и художественное значение в последующие эпохи. Соединение локальных архитектурных традиций во дворцах и парках столичного г. Сяньян.

Технология строительства крепостных сооружений. Совершенствование конструкции китайской крыши и системы консолей *доу-гун*. Типология строений: павильон *дянь*, башенный павильон *тай*, беседка *тин*, башня *лоу*, галерея *лан*.

Династия Тан (618–907). Концепция буддистского деревянного храма как жилища для репрезентируемого скульптурой «тела» божества. Поиск национальной модели пагод. Тип высотной пагоды-хранилища (для реликвий, votивных предметов, свитков, монастырской казны) и тип малой мемориальной пагоды (с кремационной урной). Погребальные комплексы. Синтез архитектурных форм, монументальной скульптуры и живописи. Вопрос соотношения художественного качества и гигантизма императорских захоронений.

Династия Юань (1279–1367). Проникновение форм тибетской архитектуры.

Династия Мин (1367–1643). Общие градостроительные принципы и их региональные варианты. Архитектура жилой усадьбы. Универсальность принципа осевой зеркальной симметрии и принципа регулярности элементов. Продолжение традиций императорских погребений.

Тибетские и южно-азиатские влияния в буддийской архитектуре: новый тип храма из нескольких пагод, соединенных общей платформой. Мусульманские строения и утрата ими ближневосточной специфики.

Династия Цин (1644–1911). Диктат правительственных нормативных актов в сфере архитектуры и увлечение маньчжурского двора чрезмерной декоративностью. Демографический и колониальный факторы в развитии китайской архитектуры. Идеологические причины систематического использования некитайских форм и типов сооружений маньчжурским правительством и вопрос их художественного качества. Работы по реконструкции старых ансамблей и проблема привнесения в них «придворно-маньчжурской стилистики». Архитектурные

элементы садовых композиций. Виды и принципы расстановки камней и организации водоемов. Принципы отбора, селекции и экспозиции флоры и фауны.

Тема 2. Садово-парковое искусство

Северные императорские парки. Различие понятий «парк» и «сад». Официальный, публичный, государственно-церемониальный характер и огромные размеры парков. Примеры: Бэйхай (北海公园) в центре Пекина, Ихэюань (颐和园) в нескольких километрах от столицы. История и своеобразие обустройства парков. Сочетание природных и искусственных объектов, светских архитектурных и инженерных сооружений и религиозных.

Южные пейзажные сады. Приватный характер, небольшие размеры, наличие белых каменных стен, выполняющих функции экранов во время ночных прогулок. Замысловатые многочисленные тропинки, мосты, беседки, кабинеты ученых мужей, проходы из одного сектора в другие в форме луны, тыквы-горлянки и др. «Живопись в пространстве», «заимствованные» виды из соседних садов и диких окрестностей. «Мекка» садового искусства (или топиара) – города юга Китая – Сучжоу, Ханчжоу, Уси, Нанкин, Шанхай и др. Принципиальное отличие китайских парков и садов от западных – нерегулярность, естественность, использование природных «стихий» – водных объектов, необработанных камней, символических деревьев, кустарников, цветов и др.

Тема 3. Изобразительное искусство

В традиционной китайской живописи 国画 (*гохуа*) используются тушь и водяные краски на шёлке или бумаге. Сам термин *гохуа* – государственная (национальная) живопись был введен в конце XIX – начале XX в. как противопоставление 西洋画 (*сианхуа*), т. е. западной «заморской» живописи. Используется также название 水墨画 (*шуймохуа*), т. е. «живопись водой и тушью», в противопоставление 油画 (*юхуа*), т. е. «масляной живописи».

Традиционная живопись не заботится о формальном соответствии картины изображаемому предмету. Картина – это иной, символический мир, где трава может быть черной, а лица людей – красными. Но все вместе, в едином контексте, смотрится органично. Задачей живописи художник видит гармоничное слияние человеческого и природного, т. е. личности художника и окружающего мира. Большое значение уделяется чистому пространству, которое, по обстоятельствам, приобретает тот или иной выразительный смысл.

Китайские картины пишутся тушью, минеральными и растительными красками типа акварели на шёлке (иногда на хлопчатобумажной или пеньковой ткани) или на особой бумаге из мягкого тонкого волокна. Художники пользуются кистями разных размеров, от очень тонких до очень толстых. Штрих может быть легким, как облако, или мощным, как дракон.

Одной из отличительных черт китайской живописи является то, что образы в ней создаются посредством линейного рисунка, в то время как в европейской живописи образы выражаются с помощью объемов и форм, цветом и светотенью.

Издавна говорили о близости и родстве живописи и каллиграфии. И там, и там использовались одни и те же письменные принадлежности – тушечница, тушь, кисть, бумага, которые считались «четырьмя драгоценностями кабинета интеллектуала» (文房四宝 *вэнь фан сы бао*).

Для китайской живописи характерна многоточечная и рассеянная перспектива, лаконичная и ясная композиция из пятен локального цвета с выразительными и ритмичными контурами, а также плоскостная живопись без светотеневой лепки.

В образах китайской живописи часто воплощаются глубокие философские идеи. В различные периоды развития живописи на неё наложили свои отпечатки конфуцианство, даосизм и буддизм. Ещё одной особенностью китайских картин является пометка их личной печатью художника, заменяющей его подпись.

В традиционной китайской живописи установились определенные жанры: горы и воды – 山水画 (*шаньшуйхуа*), цветы и птицы – 花鸟画 (*хуаняохуа*) и портретная живопись.

В монохромной живописи бамбука 墨竹 (*мочжэ*, «бамбук, [нарисованный] тушью», «живопись бамбука») заключается смысл конфуцианской этики и даосской философии. На китайских картинах бамбук – это не просто растение, а символ человеческого характера. Изображая бамбук, художник воспеваает настоящего мужа высоких моральных качеств, порой сравнивая с ним свой характер.

В живописи существует два стиля письма: 工笔 (*гунби*) – «прилежная кисть» и 写意 (*сеи*) – «живопись идей».

Тема 4. Музыкальное искусство

Китайское музыкальное искусство формировалось на протяжении тысячелетий под воздействием различных направлений музыки как исконно китайской, так и соседних с Китаем регионов: Центральной Азии, Индии, Монголии. Кроме того в Китае проживают различные народности, которые также внесли вклад в развитие традиционного китайского музыкального искусства.

Как и всё в Китае, музыка неразрывно связана с китайской философией. Многие направления были сформированы буддийскими и даосскими монахами и развивались как часть религиозной доктрины. Последователи Конфуция считали, что музыка должна играть огромную роль в политической жизни страны, она содействует объединению нации, ее духовному обогащению и моральному совершенствованию. Об этом убедительно говорится в главе «Юэцзи» («Записки о музыке») канона «Лици» («Книга ритуала»). Даосы утверждали, что музыка способствует слиянию человека и природы, а буддисты с помощью музыки постигли суть мироздания.

В архаическом Китае существовало культовое действо, связанное с пением и танцем. Синтетический жанр, в котором слово, пение (музыка) и танец составляют единое целое, определило специфику музыкального искусства.

Что касается современной общей музыковедческой характеристики, то китайской музыке свойственны пентатоника и одноголосие с элементами гетерофонии. В инструментальной ансамблевой музыке обнаруживаются элементы многоголосия. Ритмика музыки проста, обычно в двудольных метрах преобладают повторяющиеся ритмы. Характерными для китайской музыки являются высокие звуки, а в пении – фальцетная, горловая манера пения.

Уже ко второй половине эпохи Чжоу, насчитывалось около 70 музыкальных инструментов. Тогда же была разработана и их типология, в которой они подразделяются на восемь групп исходя из материала: каменные, металлические, из глины, из дерева, из кожи, из тыквы-горлянки, из бамбука и из шелка (т. е. с шелковыми струнами). В наши дни насчитывается приблизительно около 500 инструментов, 80 % которых являются заимствованными.

Тема 5. Искусство театра и кино

Истоки традиционной китайской драмы и своеобразие, пожалуй, самой известной так называемой пекинской оперы уходят в глубину веков. Сюжеты пьес, герои которых раскрывают характер народа, нерасторжимо связаны с историей, литературой и культурой страны. Пекинская опера прошла долгий путь становления и формирования до современного классического (синкретического) вида от ритуальных и фольклорных песнопений, танцевально-музыкальных представлений артистов 优 ю и певцов 唱优 *чанью*, шутов и лицедеев 俳优 *пайю*, разнообразных театрально-цирковых зрелищ 百戏 *байси*, поэтического сказа 诸宫调 *чжугундяо*, музыкально-драматических пьес 杂剧 *цацзюй*, зарождавшихся с эпохи Юань (1271–1368), театральных направлений 北曲 *бэйцюй* и 南曲 *наньцюй* (соответственно, северных и южных), иянского и куньшаньского театров, простонародного театрального жанра 花

部 *хуабу*, наконец, – знаменитой музыкальной оперы 昆曲 *куньцюй* (которую, кстати, часто называют «матерью» пекинской оперы) и, в итоге, до появления полноценного и самостоятельного (самого известного) музыкально-драматического театра 京劇 *цзинцзюй* (пекинской или столичной драмы).

Появление кино как феномена мирового искусства относят, как правило, к XX в. и обуславливают достижениями науки и техники. Однако было бы ошибочно объяснять возникновение кинематографа только этими факторами. Его появление стимулировали и социальные тенденции Новейшего времени, и формирование новых эстетических потребностей.

Кинематография в Китае появилась в Шанхае еще в конце XIX в. (1896 г.) и получила наименование «электрические тени». Однако до 1917 г. демонстрировались фильмы исключительно иностранного производства, хотя первый китайский фильм был снят по мотивам пекинской оперы «Динцзюньшань» в 1905 г. (восходящей к знаменитому роману 三国演义 *Саньго яньи* – «Троецарствие»).

Как и многие другие виды искусства, кино в Китае выполняло воспитательную (дидактическую) функцию наряду с развлекательной. Первые десятилетия преобладали фильмы сентиментального, волшебного и авантюрного характера. В начале 20-х гг. появляются первые кинокомпании, стали сниматься полнометражные фильмы и уже на реальные социальные темы.

В истории китайского кино были и трагические страницы вплоть до полного его исчезновения (в период культурной революции). В последние годы отчетливо видно его возрождение. Широко в мире известны имена таких замечательных режиссеров, как Чжан Имоу или Ху Мэй (например, их картины «Герой» и «Конфуций») собрали большое количество наград и по праву уже считаются классикой современного кино).

Тема 6. Декоративно-прикладное искусство

В Китае, как и в других традиционных обществах, ювелирные дополнения костюма (飾 *ши*) играли особую семантическую роль, являясь знаками социального положения, пола и возраста их обладателя, но вместе с тем они имели важное эстетическое значение в декоре одежды.

Все камни минерального и органического происхождения считались «драгоценными», то есть достойными использования в украшении, помимо золота – *цзинь* 金 и серебра – *инь* 銀 при декорировании часто использовались такие материалы, как рог, кость, черепаховый панцирь, стекло, эмаль. Более близким к общепринятому был взгляд на драгоценность определенных металлов (金 и 銀).

В личных украшениях знати и двора обозначился особый круг материалов-фаворитов, к которым можно причислить любимые китайцами с древности нефрит (玉 *юй*) и перья зимородка (翠翎 *цуй-лин*), а также преобладавшие в средневековый период золото (*цзинь*), жемчуг (珠 *чжу*), коралл (珊瑚 *шань-ху*). Некоторые из этих материалов в разное время служили показателями рангов в украшениях аристократии и чиновных особ.

Нефрит (玉) занимает исключительное место в искусстве Китая, считаясь «национальным камнем», превосходящим все остальные природные драгоценности, включая благородные металлы. Об этом гласит крылатое выражение: «Золото имеет цену, нефрит же бесценен».

Нефрит выступает универсальной для китайской культуры эстетической категорией, служа метафорой внешнего совершенства предметов, явлений и облика человека.

История китайского искусства обращения с нефритом восходит к эпохе неолита. В пределах VI–III тыс. до н. э. на территории Китая установлено пребывание нескольких культурных общностей, представители которых настолько активно использовали нефрит для изготовления украшений и предметов ритуального назначения (в том числе погребального инвентаря), что некоторые ученые предлагают называть их «нефритовыми». Производство нефритовых изделий на северо-востоке Китая прослеживается приблизительно с VI тыс. до н. э. Местные

мастера на первых порах делали из этого камня примитивные духовые музыкальные инструменты (разновидности свирели); модели топоров или секир (высота до 5,2 см), т. е. орудий труда или оружия; считающиеся украшениями предметы в виде плоских колец с прорезью (диаметр 3,8–4 см). Почти все эти вещи выполнены методом шлифовки и практически лишены орнаментации. К V тыс. до н. э. номенклатура северо-восточных нефритовых изделий намного возросла, их формы и декор усложнились. Украшения дополнились подвесками, браслетами, наручными и ушными кольцами.

В китайской культуре нефрит исходно наделялся особыми свойствами и символическими значениями. Во-первых, он находился в нерасторжимой связи с институтом верховной власти: именно из нефрита делали важнейшие царские, а затем и императорские регалии, а также регалии высших сановников. Во-вторых, нефрит почитался божественным камнем, способным даровать бессмертие. Такое его осмысление отчетливо проявляется в даосской терминологии, передающей верования, теории и практики, связанные с идеей обретения бессмертия. В-третьих, с нефритом ассоциировались четыре основных морально-этических достоинства личности, сформулированные в конфуцианской типологии «пяти благих качеств».

Производство из бронзы (青銅) на протяжении I тыс. до н. э. оставалось ведущей ремесленной отраслью древнего Китая, а бронзовые изделия составляют самую значительную часть художественного наследия этих тысячелетий, позволяя выявить особенности всего древнекитайского искусства. Бронзовый сплав считался драгоценным металлом, изготовленные из него вещи составляли предметы роскоши, церемониальную и литургическую утварь, использовались в качестве погребального инвентаря знати, подношений храмам и подарков. Даже малообеспеченные семьи старались приобрести хотя бы несколько бронзовых сосудов, которые, став главными семейными ценностями, нередко передавались по наследству от поколения к поколению.

Традиция коллекционирования древних бронз наряду с другими антикварными редкостями возникла в Китае еще в конце II – начале III в., а к V в. такие коллекции превратились в неотъемлемую принадлежность дворцовых покоев императоров и принцев крови, домов знати и состоятельных образованных людей. В китайских мифах и легендах освоение бронзолитейной технологии возводится к предельно далекой древности, а ее авторами названы Хуанди и Юй.

Главной особенностью древнекитайской бронзы признано абсолютное преобладание в ней техники литья; другие способы обработки металла – ковка и чеканка – китайскими мастерами не употреблялись.

Согласно китайским летописям династии Восточная Хань, бумагу (紙) изобрел придворный евнух династии Хань – Цай Лун в 105 г. н. э.

В глубокой древности в Китае до появления бумаги для записей использовали скрученные в свитки полоски из бамбука, свитки из шелка, деревянные и глиняные таблички и т. д. Наиболее же древние китайские тексты были обнаружены на черепашьих панцирях, которые датируются II тыс. лет. до н. э. Найдены такие артефакты, как древний набивочный материал и упаковочная бумага, датируемые II в. до н. э. Самым старым образцом бумаги является карта из Фанматаня вблизи г. Тяньшуй.

В III в. бумагу уже широко применяли для письма вместо более дорогих традиционных материалов. Разработанная Цай Луном технология производства бумаги состояла в следующем: кипящая смесь из пеньки, коры тутового дерева, старых рыболовных сетей и тканей превращалась в пульпу, после чего ее растирали до пастообразного однородного состояния и смешивали с водой. В смесь погружали сито в деревянной раме из тростника, вычерпывали ситом массу и встряхивали, чтобы жидкость стекла. При этом в сите образовывался тонкий и ровный слой волокнистой массы.

Эту массу затем опрокидывали на гладкие доски. Доски с отливками клали одна на другую. Связывали стопку и укладывали сверху груз. Затем затвердевшие и окрепшие под прес-

сом листы снимались с досок и сушились. Изготовленный по такой технологии бумажный лист получался легким, ровным, прочным, менее желтым и более удобным для письма.

Изготавливалась как писчая бумага, сырьем для которой служили кора тутового дерева, водоросли, так и различные изысканные сорта бумаги, для изготовления которой использовалась, например, кора сандалового дерева, придававшая ей стойкий аромат. Для бытовых нужд бумага делалась из риса или пшеничной муки (например, бумажные обои или туалетная бумага). Поскольку китайская бумага хорошо впитывает тушь, она была идеальна для живописи и каллиграфии.

Особое значение в декоративно прикладном искусстве имели такие, сугубо китайские, материалы как шелк, лак, фарфор. И, конечно, наряду с ними, металлами, камнями, бумагой непреходящей ценностью считалось дерево и резьба по нему.

Тема 7. Чайное искусство

Чжао Хэтао, историк из Аньхой, выделяет пять этапов в истории развития китайской чайной культуры.

Первый – от эпохи Шэнь Нуна до Чунь Цю (эпохи Весен и осеней, 770–476 гг. до н. э.). В этот период использовали чайные листья, главным образом, в ритуалах.

Второй – от позднего периода Чунь Цю до начала Западной Хань (206 г. до н. э. – 8 г. н. э.), когда чайные листья начали использовать в пищу.

Третий – от начала до среднего периода Западной Хань, когда становятся известны целебные свойства чая.

Четвертый – от позднего периода Западной Хань до периода Троецарствия (220–280), когда чай пьют знать и аристократы при дворе императора.

Пятый – от Западной Цзинь (265–316) до эпох Суй (581–618) и Тан (618–907). Чай постепенно широко распространяется по всему Китаю и становится повседневным напитком китайцев. Это также период расцвета буддизма. Проповедовавшие учение Будды монахи во время своих бесед пили чай вместо вина и таким образом распространили его во всех областях Китая.

Самая ранняя запись о чае относится к 1115 г. до н. э. Чжоу Гун в словаре «Эр я», в тексте «Объяснение деревьев», пишет, что некое дерево *бяо* или *гу* есть *ту ча*, горький чай. В древнем трактате «Шэнь лун бэнь шу» («Изначальная книга божественного дракона») написано: «Чай по вкусу горький. Когда человек его пьет, то лучше мыслит, спать ему хочется меньше, тело приобретает легкость и зрение проясняется».

На основании «Хуа-ян го чжи» («Государственные хроники Хуа-ян») во времена чжоуского У-вана уже производили чай и преподносили его в качестве дара победителям в войнах. В «Истории китайских обычаев» говорится, что с начала и до середины эпохи Чжоу люди пили вино, настойки, отвары, в ряду которых чай был самым распространенным. В «Записках о ритуале» в главе «Ди гуань» («Земные чиновники») говорится, что чиновники использовали чай в траурных ритуалах.

К эпохе Хань мода на чай уже широко распространилась, чай стал товаром и начал циркулировать на рынке. Сюй Лян в тексте «Ча хуа» («Чайные беседы») указывает, что истоки употребления чая восходят в район юго-запада, и до эпохи Цинь чай, главным образом, пили в зоне современной провинции Сычуань. Принято считать, что там зародилось и учение даосизма. После эпохи Тан чайное искусство развивалось очень быстрыми темпами. Появились новые технологии выращивания и обработки чайного листа. Причиной было отношение к чаю как к чудесному снадобью, питающему жизнь. Буддийские монахи распространяли чайное искусство вместе со своим учением. Появилось множество произведений, посвященных чаю, – песни, стихи, рисунки, оды. Особенным ценителем чая в эпоху Цинь (1644–1911) был император Цянь Лун (1736–1796), которому принадлежат знаменитая фраза «Государь даже один день не может обойтись без чая» и стих «Созерцай сбор чая, пишу песню».

По мере развития технологий чай становится известным и за пределами Китая.

Раздел II. Искусство Кореи

Тема 1. Искусство древней Кореи периода *самгук* – Когурё, Пэкче, Силла (I в. до н. э. – VII в.)

Чосон, «Страна утренней свежести», периода *Самгук* («Троецарствия»). Архитектура каменных погребений (например, близ современного Пхеньяна, где находился центр области Лолан). Жанровая живопись монументальных усыпальниц знати (например, усыпальница в Санъён-чон – «Двухколонная»).

Тема 2. Искусство эпохи государства объединенного Силла (651–935)

Столица – Кёнчжу. Градостроительные и планиметрические аспекты столицы Кёнчжу.

Памятники светского монументального зодчества (например, Башня звезд, сооруженная около Кёнчжу (632–647) и являющаяся древнейшей обсерваторией на Дальнем Востоке).

Распространение буддизма (с VI в. стал государственной религией и вытеснил конфуцианство) и строительство культовых сооружений (храмы в окрестностях Кёнчжу – Бондэк-са, Камын-са, Пулькук-са на горе Тхохамсан VIII в.).

Четырехугольные каменные пагоды около Кёнчжу (VII–VIII вв.).

Архитектоника буддийских пещерных храмов (например, Соккул-ам на склоне горы Тхохамсан 752 г.).

Храмовая буддийская каменная и деревянная скульптура (статуи и барельефы Будды, бодхисатвы Канным-сан, буддийских божеств).

Мастера храмовой живописи (например, Сор Ге, VII в.).

Прикладное искусство периода Силла (неглазурованная керамика, изделия из голубого стекла, бронзовые зеркала, ювелирные украшения из золота и серебра, богато украшенное оружие).

Тема 3. Искусство эпохи государства Корё (918–1392)

Столица – Сондо. Светская архитектура периода Корё (например, дворец в столице Сондо (современный Кесон) недалеко от Сеула).

Строительство культовых зданий (например, постройки буддийских монастырей Цзанань-са, Секван-са (1308) в Кьшгансане (Алмазных горах); и др.).

Синтез архитектурных форм и скульптуры (например, пагода Ханмё-тхап (высотой 7 м.), выстроенная из мрамора в 1085 г. около храма Попчён-са в Сеуле).

Развитие в XIII–XIV вв. реалистической портретной и жанровой живописи на шелке и бумаге в форме свитков (например, самый известный художник Ли Нэн, XII в.).

Прикладное искусство: керамика, инкрустированный и глазурованный фарфор *сангам* (селадон), ювелирные украшения, бронзовые зеркала.

Тема 4. Искусство эпохи государства Чосон (1392–1910)

Столица – Сеул, династия Ли. Конфуцианское светское зодчество (дворцы Сеула – Кёнбок-кун, Чандэк-кун и Чанке-кун).

Особенности культовых сооружений (например, павильон храмового ансамбля Чанан-са (X в.) в Кымгансанских горах).

Живопись периода династии Ли (специальное королевское учреждение – Тэхвасе; развитие ксилографии, в том числе для иллюстрирования книг).

Крупнейший художник реалистического направления Ким Хон До (род. в 1760 г.) – портреты и пейзажи, а также сцены из народной жизни.

Творчество художников-реалистов Юн Ту Чжо и Син Юн Бок (XVIII в.), Чжан Син Оп (XIX в.).

Художественные бытовые изделия закрепощенных мастеров (*кончжанов*) – изделия из лака с росписью и инкрустацией перламутром (комода, столики, ширмы, подносы, коробки и проч.), искусство резьбы из ценных пород дерева (статуи, художественная мебель, архитектурные украшения), вышивки.

Национальный костюм *ханбок*.

Традиционная корейская кухня – ингредиенты, технологии, блюда, напитки, сервировка, трапеза, обстановка и атмосфера.

Раздел III. Искусство Японии

Тема 1. Архитектура

В архитектуре Японии заметны заимствования из китайской архитектуры. В отличие от китайских и созданных в Японии под влиянием китайского стиля зданий, для типично японских сооружений характерна асимметрия и стремление к простоте. Постройки светлые и открытые, в основном состоят из прямоугольных элементов.

Вплоть до периода Мэйдзи основным строительным материалом являлось дерево. Причинами использования деревянных конструкций были доступность и простота изготовления. Кроме того, деревянные конструкции лучше подходили для японского климата, позволяли обеспечить естественную вентиляцию помещений, а также позволяли легко переместить сооружение, разобрав его и собрав на новом месте.

Традиционные деревянные жилые дома простых японцев, называемые *минка* (民家), максимально приспособлены к климату страны. Одно- или двухэтажная *минка* имеет прочную каркасную конструкцию из толстых балок с несущей колонной в центре дома и раздвижными дверями. Стены не являются несущими, внутреннее пространство делится на отдельные помещения с помощью передвижных ширм. В таких домах жили крестьяне, ремесленники и торговцы. В настоящее время *минка* сохранились только в сельской местности.

Сохранившиеся образцы архитектуры древней Японии до IV в. практически отсутствуют. Сведений об архитектуре этого периода в древних японских текстах «Кодзики» (712 г.) и «Нихон сёки» (720 г.) очень мало. Внешний вид строений ранней Японии обычно воссоздают по найденным глиняным моделям жилых домов *ханива* и рисункам на бронзовых зеркалах.

Раскопки и исследования показывают, что сооружения раннего периода японской истории, называемые *татэ-ана дзюкё* («жилища из ям»), представляли собой землянки с крышей, покрытой соломой и ветками. Крыша поддерживалась с помощью каркаса из деревянных опор. Позже появляются постройки на сваях *такаюка*, используемые в качестве зернохранилища. Конструкция помогала предотвратить порчу запасов зерна от наводнений, сырости и грызунов. Такого же типа дома строили для старейшин племён.

В III в. с наступлением периода *Кофун* в районах Осаки и Нары в большом количестве сооружались огромные курганы, служившие гробницами для правителей и местной знати. В настоящее время в Японии обнаружено более 10 тыс. курганов. Эти сооружения имели круглую форму, позднее – форму замочной скважины и часто окружались рвами с водой по периметру. Один из самых известных сохранившихся курганов находится в городе Сакаи, преф. Осака, считается, что это усыпальница императора Нинтоку. Это самый крупный курган в Японии, его размеры составляют 486 м в длину и 305 м в ширину.

В I–III вв. складывается традиция сооружения синтоистских святилищ, представляющих собой комплекс симметрично расположенных строений. Собственно синтоистский храм представляет собой деревянное неокрашенное сооружение прямоугольной формы на сваях с массивной двускатной крышей. Стили – *симмэй* (Исэ), *тайся* (Идзумо) и *сумиёси* (Сумиёси).

Особенностью синтоистских храмов являются ворота (鳥居 *тории*) при входе в храм. *Тории* не имеют створок, по форме напоминают букву «П» с двумя верхними перекладинами. Перед святилищем могут быть расположены одни или двое ворот *тории*.

В соответствии с принципом всеобщего обновления синтоистские храмы регулярно перестраиваются с использованием тех же материалов. Так, святилище Исэ-дзингу, основная синтоистская святыня Японии, посвященное богине Аматаэрасу, полностью перестраивается каждые 20 лет.

Начиная с середины VI в. в Японии распространяется буддизм, завезённый из корейского государства Пэкче. Буддизм оказал сильное влияние на архитектуру этого периода. Одним из важнейших изменений стало использование каменного фундамента. Первые буддистские религиозные постройки представляли собой практически точные копии китайских образцов. Расположение строений производилось с учетом гористого ландшафта, постройки располагались асимметрично, в расчёт бралась больше совместимость с природой. Влияние буддизма на архитектуру синтоистских храмов выразилось в увеличении декоративных элементов, строения окрашивали в яркие цвета, дополняли металлическими и деревянными украшениями.

Одной из самых древних из сохранившихся деревянных построек в мире считается буддийский храм *Хорю-дзи* (法隆寺) в г. Нара, построенный принцем Сётоку в 607 г.

Строения выполнены в архитектурном стиле китайской династии Тан, комплекс состоит из 41 отдельных строений. Важнейшие из них – главный или Золотой зал (Кондо) и пятиярусная пагода высотой 32 м. Храмовый комплекс *Хорю-дзи* внесён в список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО.

Примером храмовой архитектуры VIII в. служит буддистский храм *Тодай-дзи* в городе Нара, построенный в 745 г. Храм считается самым крупным деревянным строением в мире.

Тема 2. Садово-парковое искусство

Японский сад прошел долгий и сложный исторический путь. Его истоки восходят к временам возникновения государственного образования Ямато и принятия буддизма (VI в.). Облик древних и средневековых садов свидетельствует о существовании политического и культурного диалога с Китаем и странами Корейского полуострова, а также демонстрирует, как в периоды относительной изоляции Японии на основе заимствованных достижений художественной и инженерно-технической мысли складывались собственные традиции садового искусства. В Новое и Новейшее время, когда Япония стремилась встать в один ряд с западными державами, формирование сада уже шло через синтез культур Востока и Запада.

Сад в Японии во все времена играл исключительную роль в жизни человека, был отражением статуса владельца в социально-экономической структуре общества, предметом гордости и почитания, а также нес в себе различные функции (церемониальные, декоративные, утилитарные и т. д.). Перемены в социально-политической жизни страны создавали предпосылки для зарождения новых типов сада.

В эволюции сада отчетливо прослеживается пять этапов.

Первый этап (VI–VII вв., период Асука) характеризуется воспроизведением моделей древнекорейских садов.

Второй этап (VIII–XII вв., периоды Нара – Хэйан) связан с формированием эстетических основ пейзажного искусства и созданием базовой модели сада на основе китайских заимствований.

Третий этап (XIII–XVI вв., периоды Камакура – Муромати) знаменует переход от чувственного восприятия пейзажных композиций к духовному восприятию – внутреннему диалогу между человеком и садом, вследствие чего происходит трансформация рукотворных пейзажей от природных к «сухим». Этот этап отмечается возникновением садов *карэ-сансуй*, отражающих идеи дзэн-буддийского учения.

Четвертый этап (вторая половина XVI – середина XIX в., периоды Момояма – Эдо) – период наивысшего расцвета садового искусства: с одной стороны, сады *родзи* и *цубонива* отражали замкнутый и «закрытый» мир чайной церемонии и городского дома, а с другой – многофункциональные сады *даймё*, величественные по масштабу со сложной планировкой, демонстрировали желание феодалов выделиться и показать свое могущество.

На пятом этапе (конец XIX – начало XXI в., период Мэйдзи – наст. вр.) сады обретают качества, продиктованные социально-экономическими условиями Нового и Новейшего времени: японские садовые традиции впитывают в себя западные идеалы; под сильным влиянием интернациональных модернистских течений сады больше походят на произведения современного искусства, а не природные творения, выражают мировоззрение и настроение отдельно взятой личности, идеалы искусственной красоты, а не традиционные религиозные ценности. Основными факторами, определившими вектор развития японского сада, были политический и религиозный.

Идейно-образный строй садовых объектов формировался на основе сложной религиозно-философской системы, которая складывалась из элементов синтоизма, буддизма, даосизма и конфуцианства.

На протяжении своей истории сад был тесно связан с архитектурой, живописью, литературой и эстетикой. Сад являлся неотъемлемой частью архитектуры: ландшафт и архитектурные сооружения были слиты в единое гармоничное пространство.

Влияние китайской культуры на садовое искусство Японии сохранялось практически на протяжении всей истории вплоть до середины XIX в.

Тема 3. Изобразительное искусство

На рубеже XVI–XVII вв. бурный расцвет переживала японская жанровая живопись на ширмах – так называемые картины нравов и обычаев (*фудзоку-га*). Такие картины были предшественниками знаменитой гравюры *укиё-э*, которые дословно переводятся как «картины изменчивого мира», эта гравюра гораздо менее известна даже среди специалистов. Понятие *укиё-э*, так же как и само слово, прошло значительную эволюцию. Возникнув в древности в терминологии буддизма и обозначавшее вначале «бренный, суетный» мир, в его противопоставлении высшей действительности, оно приобрело впоследствии оттенок «современный», или «модный». Искусство *укиё-э* свидетельствовало о стремлении народа к творческому самоопределению: художники отражали его веру в будущее, умение радоваться простым жизненным ценностям – поэзии будней и привлекательности женщин, праздничному веселью и красоте театральных зрелищ.

Связанное с буддизмом религиозное искусство опиралось на иконографический канон, сложившийся за пределами Японии и лишь частично видоизмененный на местной почве, особенно в связи с ассимиляцией синтоистских верований. И все же общерегиональный канон был определяющим в формообразовании архитектуры, скульптуры и большей части живописи, начиная с VII и до XV в.

XVI в. не был временем зарождения или первоначального развития жанровой живописи, как таковой. Жанровые сцены на ширмах или на настенных росписях предшествующих столетий обычно передавали назидательные сюжеты из китайской истории, служившие основой конфуцианских притч. Собственно японская традиция повествовательной живописи, восходившая к VII–X вв., зарождалась и развивалась как иллюстрация определенного текста. В этом состояла ее самая главная особенность. В повествовательной живописи *ямато-э*, *эмаки* – изображенные люди, были героями литературных произведений (романов, эпопей), и воспроизводилась ситуация не реальная, литературная, а обозначенная в соответствующем сюжете.

Самостоятельность жанровой живописи XVI в. проявилась в переходе к независимому сюжетосложению и в переходе от формы свитка к картине-ширме.

Наиболее разностороннее развитие городская художественная культура получила во второй половине XVII – XVIII в., когда достигла высшего расцвета цветная гравюра. Но на раннем этапе наряду с городскими повестями ее наиболее ярким выражением стала жанровая живопись на ширмах. Композиционно все известные ныне ширмы, расписанные на этот сюжет, представляют собой вариации одной схемы: центральная часть столицы - это основная тема, главный мотив, на периферии живописной плоскости размещаются изображения окрестных холмов, загородных резиденций храмов. Таким образом, реальная топография города переносится на картину (обычно это две шестистворчатые ширмы).

В картинах с изображением прославленных своей красотой мест (*мэйсё-э*) стали появляться изображения человеческих фигур, сначала просто как элемент определенной местности, а затем и с элементами сюжета. Несмотря на обращение к новым сюжетам, японский художник продолжал мыслить «в терминах природы» как организующего начала любой деятельности человека

Сложение своего тематического круга жанровой живописи прослеживается с первой половины XVII в. и впервые получает ясно выраженные черты в таком типологическом подразделении, как «Виды Киото и окрестностей» (*Ракутю ракугай дзу*). Сохранились изображения и других городов, например Осака и Нагасаки.

Перед художником, изображавшим известный каждому город, стояла задача как можно точнее передать его главные достопримечательности, что вело к значительной конкретности в воспроизведении городского пространства, обозначении главного и второстепенного в нем.

Мелкий масштаб не мешает тщательной точности деталей и совмещению в одной картине огромного множества эпизодов. Их объединению, а также декоративной организации плоскости служат стилизованные облака – прием, традиционный для японской живописи.

Японский художник не работал с натуры.

В повествовательной живописи поощрялся курс на конфуцианские нравоучительные сюжеты. Постепенно изображение человека в жанровой живописи претерпело существенные изменения: от концепции подчиненности человеческой жизни природным ритмам она пришла к осознанию возможности собственного бытия человека

Тема 4. Музыкальное искусство

Японская традиционная музыка в современном понимании этого слова формировалась, как и многие другие культурные формы, под влиянием Китая, Индии, государств Корейского полуострова, стран Юго-Восточной Азии. Первобытная музыка, существовавшая в древней Японии до начала широкого заимствования культуры китайской цивилизации, не сохранилась и может быть восстановлена лишь по археологическим свидетельствам. Поэтому можно сказать, что традиционная музыка Японии – синтез заимствованных явлений, которые с течением времени приобрели японскую специфику и сформировали самобытную музыкальную культуру.

Гармония в японской музыке отсутствует в европейском понимании этого слова, поскольку ее структура основана на звукоряде, заимствованном из китайской музыки и состоящем из 7 тонов (шкалы *рицу* и *рё* в музыке *гагаку*) или из 5 тонов (в музыке для *сямисэна* или *кото*), а также может быть основана на трех опорных нотах (как в музыке театра *Но*). Поэтому в японской музыке нет ни мажора, ни минора, ни гармонических аккордов, как в диатонической структуре европейской музыки. Звукоряд японской музыки построен на отличных от европейского ряда интервалах, что лежит в основе ее характерного для восточной музыки звучания, которое может противоречить представлению европейского слушателя о гармонии.

В японской музыке может отсутствовать размер, доля, постоянно меняться ритм. Это происходит в народных песнях и музыке для *сякухати*, что трудно представить европейскому слушателю, поскольку в европейской музыкальной системе размер и доля четко опреде-

ляются. То же самое можно сказать относительно темпа, который часто стремительно меняется в одном произведении.

Нотная запись по европейской системе появилась в Японии только с проникновением западной музыки в эпоху Мэйдзи, до этого нотной записи как таковой не существовало. Использовалась система, заимствованная из Китая из значков, линий и разнообразных фигур справа или слева от текста для обозначения струны, табулатуры, ритма, темпа и оттенков. При этом, поскольку, в отличие от европейской системы, обозначалась не конкретная нота, а струна или расположение пальцев на флейте, а ритм прописывался не полностью (задавался только ритмический рисунок), то, не зная мелодии заранее, сыграть по нотам было невозможно. Кроме того, значки и фигурки различались в зависимости не только от музыкального инструмента, но также от школы в рамках одного жанра.

Большая часть японской музыки исполняется с умеренной силой звука (кроме танцев или некоторых произведений в рамках театральной музыки). Поэтому эффект достигается не за счет чередования *forte* и *piano*, а за счет тонкого регулирования звука одного оттенка, где имеют значение любые малейшие колебания.

Большинство произведений японской музыки гомофонично, то есть аккомпанирующий инструмент сопровождает основную мелодию, но существует и полифония, где каждый инструмент ведет свою линию (например, в пьесах для *кото* и *сямисэна*) и гетерофония (отступление от основного напева), и даже какофония в музыке *гагаку*, когда все инструменты вступают один за другим со своей мелодической линией и не по правилам классического канона.

Среди особенностей жанра японской музыки необходимо выделить абсолютное преобладание вокальной музыки: она составляет 90% всех музыкальных произведений. Помимо знакомых для европейского слушателя песенных, инструментальных и танцевальных жанров, существует также песенно-сказовый жанр (*дзёрури*).

Японская музыка приближена к звукам природы и часто передает дуновение ветра, шум дождя, течение реки.

Сущность японской музыки, как и всей японской культуры, можно выразить через понятие *ва-кэй-сэй-дзюку* (和敬静寂), то есть четыре принципа: «гармония», «уважение», «чистота» и «тишина» или «простота».

Тема 5. Театральное искусство

Бугаку – это музыкально-танцевальное представление. Танцы *бугаку* в некоторых случаях представлялись при дворе, куда иногда допускалась избранная публика. Эти танцы исполнялись на открытом воздухе, на квадратном возвышении сцены. Представление *бугаку* начинается с воинственного танца (*энбу*) и заканчивается просто слушанием музыки без сопровождения танца (*хокэйси*). Лютня (*бива*) и арфа (*сё*) дополняют своим волнующим звучанием оркестр, в состав которого входят духовые и ударные инструменты. Эти танцы когда-то пришли из Кореи (*Санкан-гаку*) и королевства Бохай.

Театр *Но* происходил из пантомим, которые исполнялись во время больших праздников придворными в эпоху Хэйан, потому он сохраняет медлительность, цветистую пышность и простонародность своих истоков.

Театр *Но* имеет только двух главных актеров: «исполнитель» (*ситэ*), который является певцом и танцором и ведет действие драмы, и «помощник» (*ваки*), который подает ему реплики или, противостоя ему, начинает действие. Другие персонажи сопровождают главных действующих лиц (спутники).

Между ритмическим речитативом и пением актеры исполняют медленные танцы, которые, несомненно, имеют символическое значение. Танцы занимают много места, хор и оркестр сопровождают события на сцене.

Актер театра *Но* становится человеком-символом. Его костюм сам по себе является произведением искусства. Существует также более сотни масок.

Свои переживания и реакции актер выражает в движении (*ката*), которое он детализирует в своей индивидуальной манере в соответствии с установленными правилами и условностями.

Пьесы театра *Но* имеют несколько определенных сюжетов. Истории богов (*ками-моно*), которые почерпнуты из мифологических сказаний, легенды об основании храмов. В «пьесах о современности» (*гэндзай-моно*) на сцену выводились персонажи с драматической судьбой. Были популярны динамичные истории о демонах (*они-моно* или *фэйри-но-моно*), которые рассказывают о жестоких, нарушающих покой духах.

Все актеры, певцы и музыканты театра *Но* только мужчины.

В спектаклях и фарсах символически использовались в качестве реквизита лишь несколько предметов.

Театр *Но* принял свою современную форму, полную условности и церемониальности, в эру Гэнроку.

Театр *Кабуки* (буквально «поющий и танцующий»). Располагался «Театр кабуки» (*Кабуки-дза*) на пересечении оживленных кварталов Гиндза и Цукидзи г. Токио.

Кабуки – жанр, который в свое время считался простонародным. Он зародился из ярмарочного балагана.

Театр *кабуки* – это, прежде всего, театр формы, представления, это мир позы, жеста, но не активного действия. Иногда говорят, что *кабуки* – это театрализованная живопись.

Зал и сцена представляют в нем единую сценическую площадку.

В спектакле есть определенный канонический сюжет и точно установленные сцены. В исторические пьесах (*дзидай-моно*) рассказывается о жизни благородных воинов и их подвигах. Существуют пьесы, посвященные трагическим историям из жизни знаменитых людей прошлого или родовым столкновениям между домами вельмож. Со временем появился интерес к историям о привидениях или жизни разбойников.

Обязательно использовали грим (*кэсё*), приносящий необходимую стилистику в образ персонажа, делая его легко узнаваемым.

Расцвет театра *кабуки* относится к концу XVII в.

Важный элемент театра *кабуки* – музыка, которая служит основой для драмы с танцами или является контрапунктом в драме с диалогами. Главным инструментом здесь является *сямисэн*, струнный инструмент, нечто вроде мандолины с меланхоличным звуком. Флейта и ударные инструменты сопровождают пение, подчеркивают повороты действия и воссоздают звуки природы – ветер, дождь, глухой шум потока.

Тема 6. Декоративно-прикладное искусство

В Японии тесно переплетены между собой те виды искусства, которые считаются основными, и виды искусства, считающиеся декоративными.

Декоративно-прикладное искусство имеет определенную направленность. Создаются различные изделия не только для того, чтобы эстетически наслаждаться их созерцанием, но и применять в повседневной жизни.

Тематика произведений декоративно-прикладного искусства в большей степени представлена сюжетами растительного и животного миров, что говорит об особом отношении японцев к естественной природе.

Всегда особо ценились простота материала и сдержанность в его использовании.

Поскольку форма во многом определяется характером вещества, то в Японии качество материала всегда было объектом самого внимательного исследования. К нашим современным материалам – металлам и пластмассам – здесь прибавляется богатая гамма, которой на протяжении сотен лет было придано благородство: бархатистость мягко мерцающих лаков, гладкая или выразительная текстура дерева, тонкая зернистость или деликатная шершавость литья, керамическая масса, тонкая или густая, но всегда доставляющая удовольствие при прикосновении, легкая или тяжелая роскошь шелка, жизнерадостные цвета фарфора.

Из всех японских произведений искусства именно фарфоровые изделия благодаря своим драгоценным качествам и великолепию приобретают пышность, которая мало сочетается с естественной простотой японского дома.

Самые известные прекрасные образцы японской ремесленной традиции – это чайные подносы и чашки.

Самая обычная чашка (даже одна-единственная чашка) вполне способна выразить талант художников целой эпохи.

Произведения искусства легко становятся (и всегда становились) предметами обихода: традиционная картина, например, вначале представляла собой свиток, который любитель должен был разворачивать руками. Предмет в Японии никогда не был статичным. Открывается он или закрывается, можно ли его рассматривать со всех сторон, он во всей своей полноте и объеме (который может быть и чрезвычайно малым) сохраняет мощь эстетического и эмоционального воздействия, которая властвует над формой, материалом и мастерством. Украшение комнаты и всего дома обычно составляет только одно-единственное *токонома* или вид, который открывается на примыкающий к дому сад.

Все строго соотносено с ритмом времен года и напоминает, несмотря на простоту бытия, о преходящем времени и вечности природы в процессах смены времен года. Характерные для японцев религиозные обычаи и склонность к аллегории в сочетании с несомненным мастерством ручной техники благоприятствовали развитию интереса к скульптуре, к созданию произведений малых форм.

Больше всего в искусстве ценится форма и красота, гораздо больше, чем принадлежность к школам и жанрам.

*Материал поступил в редколлегию
Received
15.02.2019*

Сведения об авторе / Information about the Author

Владимир Ильич Ожогин, кандидат философских наук, доцент кафедры востоковедения Гуманитарного института НГУ (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Vladimir I. Ozhogin, PhD in Philosophy, professor of the Department of Oriental Studies, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russia)

ozhogin.vlad@gmail.com

Информация о спецкурсах приглашенных профессоров на отделении востоковедения Гуманитарного института НГУ

Е. Э. Войтишек

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

В соответствии с возможностями реализуемой в НГУ с 2012 г. программы 5-100, направленной на повышение конкурентоспособности ведущих университетов РФ среди ведущих мировых научно-образовательных центров, в последнее время в учебном процессе Новосибирского государственного университета принимают активное участие зарубежные исследователи.

Так, по приглашению руководства отделения востоковедения Гуманитарного института НГУ в октябре-декабре 2018 г. по этой программе на отделении и кафедре востоковедения со своими спецкурсами успешно работали три приглашенных профессора: Борджигид Алтангараг из университета национальностей Внутренней Монголии КНР (Тунляо, Китай), Масатика Сиотани из университета Тохоку (Сэндай, Япония), Альфред Герстл из Венского университета (Вена, Австрия). Проф. Б. Алтангараг на китайском языке прочитал спецкурс «История кочевых народов Северного Китая», где сосредоточился на анализе происхождения, обычаев и хозяйственного уклада этносов, обитающих во Внутренней Монголии и Маньчжурии. Проф. М. Сиотани на японском языке прочитал спецкурс «Экономическая история Японии (1868–2018)», где осветил особенности японской экономики в различные периоды ее развития – с конца XIX в. и вплоть до настоящего времени. Подробно охарактеризовав японскую экономику военного и послевоенного периодов, экономику «мыльного пузыря», он дал оценку особенностей современной экономики Японии. Несколько его занятий были посвящены сравнительным характеристикам японской и российской экономики.

Что касается проф. А. Герстла из Венского университета, то в период своего пребывания он прочитал два спецкурса – «Современные традиционные и нетрадиционные риски безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе» и «Китайская инициатива “Один пояс – один путь” в Евразии», где сосредоточился на анализе современных геополитических процессов в странах АТР. Особое внимание было уделено анализу общемировых событий середины XX в., когда динамика экономико-политических процессов переместилась из Западного полушария в Восточное. За время занятий проф. А. Герстл подробно охарактеризовал политико-экономическое положение в Азии, обусловленное быстрым ростом Китая, дал оценку возросшим рискам безопасности в отношениях между ведущими странами Восточной Азии, а также в их партнерских отношениях с США. Несколько его занятий были посвящены сравнительным характеристикам азиатской и российской геополитической ситуации. Занятия профессора А. Герстла проходили на английском языке, поэтому посещать его спецкурс могли студенты всех курсов и уровней, включая бакалавров, магистров и аспирантов.

Все занятия проходили в формате лекций и семинаров, с использованием презентаций, текстов и проверкой домашних заданий. Пребывание зарубежных профессоров на отделении востоковедения решало и другие важные учебные задачи: студенты и аспиранты, прикрепленные для их сопровождения в различные музеи, институты и организации Новосибирска, имели возможность совершенствовать необходимые навыки межкультурного общения.

© Е. Э. Войтишек, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 4: Востоковедение
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 4: Oriental Studies

Спецкурс проф. Б. Алтангарага (КНР)
The course of prof. B. Altangarag (China)

Проф. М. Сиотани (Япония) читает открытую лекцию
Prof. M. Shiotani (Japan) read a public lecture

Семинар на кафедре востоковедения
с участием проф. А. Герстла (Австрия),
доктора О. Рокпло (Франция), доктора А. ван Вейнгардена (Нидерланды)
Seminar at the Department of Oriental Studies
with the participation of prof. A. Gerstl (Austria),
Dr. O. Roqueplo (France), Dr. A. van Wijngaarden (Netherlands)

Международный научный студенческий семинар с гостями из университета Тохоку (Япония)
International scientific student seminar with guests from Tohoku University (Japan)

Руководство кафедры востоковедения
и Гуманитарного института НГУ с зарубежными гостями
Leaders of the Department of Oriental Studies
and Institute for the Humanities of the NSU with foreign guests

Визиты зарубежных специалистов на отделении и кафедре востоковедения ГИ НГУ можно оценить как весьма продуктивные. В итоговых заседаниях были намечены конкретные шаги по формированию совместных исследовательских планов и задач, а также участию в ближайших международных проектах.

В продолжение этих контактов на отделении востоковедения ГИ НГУ в течение нескольких месяцев весеннего семестра 2019 г. проходит спецкурс специалиста в области политических и географических наук, доктора Оливье Э. Рокпло из Национального французского института восточных языков и цивилизаций (Сорбонна, Париж). Французским ученым подготовлен курс лекций, посвященный геополитической и экономической проблематике в исторической ретроспективе регионов Сибири и Дальнего Востока России в контексте истории их отношений с соседними странами – Монголией, Китаем, Кореей, Японией. При этом геополитика рассматривается как тройственная комплексная взаимосвязь власти, населения и территории – с учетом решающего значения территориального фактора в процессе анализа:

именно геополитика интегрирует как внутреннее, «домашнее», измерение (политико-культурная география), так и внешнее («международная политика» применительно к территории). Спецкурс доктора О. Рокпло, обозначенный как «Центр, периферия, ультра-периферия? Внутренний и внешний геополитический анализ статуса азиатской части России», читается на английском языке.

В ближайшие планы отделения востоковедения ГИ входит приглашение на следующий академический год ряда известных специалистов из Европы и Азии, а также организация конференции, посвященной 20-летию кафедры востоковедения, с участием ведущих отечественных востоковедов и зарубежных ученых. Это будет возможно при условии дальнейшей поддержки международных мероприятий со стороны программы 5-100, действующей в НГУ.

Материал поступил в редколлегию

Received

16.02.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Войтишек Елена Эдмундовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. кафедрой востоковедения и руководитель направления Востоковедение Гуманитарного института НГУ (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Elena E. Voytishек – Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russia)

orient@lab.nsu.ru

УДК 903'1(510.2) + 069.1
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-152-156

Археологическое наследие Тайваня

Рецензия на книгу: **Tsang Cheng-hwa, Li Kuang-ti. Archaeological Heritage in the Tainan Science Park of Taiwan. Taitung: National Museum of Prehistory, [2015]. 359 p.**

С. А. Комиссаров^{1,2}, Ю. А. Азаренко²

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН

² Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Благодарности / Acknowledgments

Обзор выполнен при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-59-52002

This review is prepared with financial support of RFBR, project No. 18-59-52992

Для цитирования / For citation

Комиссаров С. А., Азаренко Ю. А. (Рец.) Археологическое наследие Тайваня // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 4: Востоковедение. С. 152–156. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-152-156

Komissarov S. A., Azarenko Yu. A. (Rev.) Archaeological Heritage of Taiwan. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 4: Oriental Studies, p. 152–156. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-152-156

В книге, написанной ведущими тайваньскими археологами¹, объединены два блока: описание и анализ археологических материалов, выявленных на территории Тайнаньского научного парка, и методики спасения, сохранения и использования культурного наследия народов, населявших (и населяющих) остров. Именно последнее обстоятельство, мы полагаем, привлечет к рецензируемой монографии внимание со стороны не только археологов, но также музееведов и культурологов, поскольку исследование проблем культурного наследия относится к числу ведущих направлений современной гуманитарной науки (см., напр.: [Falser, 2015]), в том числе и в Новосибирском государственном университете, где осенью прошлого года состоялся многоаспектный Международный научный форум «Наследие»².

¹ Цзан Чжэньхуа (Tsang Cheng-hwa, 藏振华), действительный член Академии Синика; Ли Куанги (Li Kuang-ti, 李匡悌), зав. отделения археологии Института истории и филологии (ИИФ) Академии Синика. Сведения о них (включая краткую библиографию) см. на сайте ИИФ, соответственно, URL: <https://www2.ihp.sinica.edu.tw/en/staffProfile.php?TM=3&M=3&sM=2&uid=5> и URL: <https://www2.ihp.sinica.edu.tw/en/staffProfile.php?TM=3&M=1&D=2&uid=35> (дата обращения 10.01.2019).

² Международный научный форум «Наследие» // Сайт Гуманитарного институт НГУ. URL: http://nasledie_nsu.tilda.ws (дата обращения 10.01.2019).

Благодаря тропическому климату скорость осадконакопления на Тайване очень велика; многие памятники даже относительно недавнего прошлого буквально в течение нескольких лет оказываются глубоко под землей, без видимых признаков своего присутствия на поверхности (некоторые памятники были перекрыты более чем двухметровым слоем аллювия. Отдельные артефакты были найдены на глубине 7–8 м от дневной поверхности. Поэтому при планировании парка ориентировались на раскопки менее десятка выявленных памятников, однако начавшиеся вскрышные работы выявляли все новые объекты – 55 основных (а всего 82, с учетом небольших стоянок и случайных находок), различных по содержанию, культурной принадлежности и хронологии, которые пришлось раскапывать в жестком режиме спасательной археологии. В составе памятников выявлены жилища, рвы, зольники, колодцы, а также более 2 000 погребений с обильным инвентарем. Следует отметить, что это были не только разрозненные объекты, но и в ряде случаев – целые поселения с достаточно четкой планировкой.

Плотная концентрация на ограниченной площади (1043 га – собственно парк и еще примерно столько же – его окрестности, также обследованные специалистами) разновременных памятников – от раннего неолита до этнографической современности – может, на наш взгляд, послужить основой для их изучения с помощью концепции археологического микрорайона (AMP), понимаемого как комплекс различных памятников, включающий историко-культурное и географическое содержание. Такой подход, успешно применяемый российскими археологами на протяжении последних двух десятилетий (см.: [Археологические микрорайоны..., 2009]), дает возможность не только выстроить диахронную последовательность развития культур в рамках выделенного пространства, но и дать синхронные срезы для каждого из этапов и сопоставить их с материалами других культурных традиций.

Согласно имеющимся на сегодня данным, человек впервые появляется в данной местности (юго-западный Тайвань) в эпоху неолита³, представленную (в том числе и в других районах) культурой Дабэнькэн (5000–4200 лет до н. д.)⁴ [Азаренко и др., 2016]. Носители этой культуры вели комплексное хозяйство, где значительную роль играли сбор моллюсков и рыболовство (причем, судя по видам рыб, определенных по костным остаткам, не только прибрежное, но и океанское). Однако не меньшее значение имело земледелие. На опорном памятнике Наньгуаньли найдены карбонизированные зерна риса и проса, причем последнее абсолютно преобладает. Поскольку прососеяние плохо соответствует экологическим особенностям тропиков, то приверженность ему (при наличии выбора в пользу более адаптированного и к тому же более урожайного риса) можно объяснить только устойчивой традицией, связанной с происхождением культуры (например, из долины Хуанхэ, где просо было самым ранним и распространенным злаком).

Данная ситуация, как и многие типы орудий и керамических сосудов, сохраняются и в эпоху позднего неолита, представленного двумя фазами культуры Нючоуцзы⁵: более ранняя фаза Соган (4200–3800 лет до н. д.) выявлена на о-вах Пэнху, а более поздняя фаза Нючоуцзы (3800–3300 лет до н. д.) – на побережье, в верхних слоях памятников культуры

³ В настоящее время большинство палеолитических находок сконцентрировано на противоположной, юго-восточной стороне острова. Это прежде всего памятники культуры Чанбинь в пещерах Басяньдун, раскопки которых также ведет акад. Цзан Чжэньхуа (см.: [Tsang Chen-hwa, 2000; Дервянко и др., 2018]). Но такое заключение нельзя считать окончательным, поскольку береговая линия острова в целом и его юго-западного побережья в частности в эпоху плейстоцена и раннего голоцена неоднократно менялась, и поселение Наньгуаньли, например, размещалось на болотистой поверхности древней лагуны. Возможно, многие памятники, в том числе самые ранние, ушли на дно морское. Свое слово здесь должна сказать подводная археология.

⁴ Все даты в обзоре приводятся так, как они даны в рецензируемой монографии (ввиду ее обобщающего характера); в этом они могут расходиться (впрочем, незначительно) с другими публикациями.

⁵ Авторы дают два варианта названия этой культуры: Нючоуцзы и Нючоуцзы (Niuchouzi/Niuchouzi). Однако известные нам словари дают лишь один общепринятый вариант чтения второго иероглифа в названии (稠) – чоу (chou2; и как очень редкие – tiao2 и tiao4) [Цы юань, 2006. 午 293]. Поэтому мы будем придерживаться второго варианта чтения, хотя авторы книги в основном используют первый.

Дабэнькэн. Количество рисовых зерен на данном этапе заметно увеличивается, к рису добавляются бобовые, однако сохраняется и просо. Рис полностью заменяет просо только на следующем этапе, который представлен двумя десятками памятников культуры Даху (3300–1800 лет до н. д.). Впрочем, рисовых зерен среди пищевых остатков обнаружено немного; при этом возрастает количество костей диких животных (особенно оленей и кабанов), а также рыбы. На вновь возросшую роль присваивающего хозяйства указывают многочисленные раковинные кучи (кьёккенмёдинги) и множество различного вида наконечников (в том числе поворотных гарпунов) в составе каменного инвентаря. По датам культура должна относиться к эпохе палеометалла, однако ни одного металлического изделия в ее составе пока не обнаружено⁶. Металл, очевидно, был слишком дорог, его передавали из рук в руки и старались не терять. Железные ножи, крючки, наконечники стрел появляются в материалах следующего хронологического этапа – культуры Няосун (1800–500 лет до н. д.). Ее многочисленные погребения группировались в кластеры, объединявшие могилы родственников. Судя по сходству ряда элементов материальной культуры (прежде всего керамики), создатели Няосун были, в свою очередь, предками туземного народа сирайя⁷, позднесредневековые (500–300 лет до н. д.) памятники которого, вкупе с поселками китайских (ханьских) переселенцев периода династий Мин и Цин, завершают хронологическую последовательность памятников Тайнаньского АМР.

Раскопанные объекты частично музеефицировались на месте, частично перемещались в здание специально для этого построенного местного филиала Национального музея доистории, которому предстоит занять достойное место среди других 150 лабораторий и институтов научного парка. Из общего числа свыше 8 млн полученных артефактов будут отобраны самые представительные для создания экспозиций в соответствии с выделенными периодами. Материальные объекты будут дополнены рисунками-реконструкциями, отражающими различные аспекты образа жизни древнего населения. Такими рисунками щедро украшена рецензируемая книга. В ней также по ходу изложения даются пояснения археологическим терминам и понятиям, поэтому она сама по себе может служить готовым учебным пособием для школьников и студентов, изучающих историю острова.

Подобные реконструкции послужат основой для создания популярных фильмов и слайд-программ, которые обычно демонстрируются посетителям. Музей в Тайнани только в апреле 2019 г. будет официально открыт для широкой публики; пока же состоялось только частичное («мягкое») открытие в конце декабря прошлого года [Morgan, 2018]. Но уже по предварительным описаниям⁸ известно, что предполагается создание на его базе крупного образовательного центра, где для посетителей (конечно, прежде всего детей и подростков) подготовлены: мультимедийное шоу, в котором предстоит путешествие в лодке вдоль древнего побережья; интерактивное посещение лаборатории для камеральных археологических исследований; собственноручная (в буквальном смысле) реконструкция каменных орудий и керамических сосудов и т. д. Эти планы обречены на успех. Можем по собственному опыту посещения тайваньских музеев (в том числе «головного» Национального музея доистории в г. Тайдун) утверждать, что каждый день в залах таких «древлехранилищ» постоянно находится несколько школьных групп, для которых прямо на месте проводятся занятия с использованием экспонатов в качестве наглядных пособий. Таким образом, целенаправленно, но

⁶ Ситуация, характерная для так называемых неолитических культур (по датам и ряду культурных признаков соответствующих эпохе поздней бронзы – раннего железа) и из других районов острова [Азаренко и др., 2016. С. 742].

⁷ Согласно письменным источникам, в то время племена сирайя уже проживали на юго-западном побережье, в районе нынешнего Тайнани. См.: Силяцзю дэ чуаньтун вэньхуа [西拉雅族的传统文化]. Традиционная культура народа сирайя // Сайт Института этнологии Академии Синика: Digital Archives. URL: <http://ianthro.ioe.sinica.edu.tw/西拉雅族的傳統文化/>

⁸ National Museum of Prehistory's Tainan branch kicks off soft opening // Taiwan Today (эл. изд.). 27.12.2018. URL: <https://taiwantoday.tw/news.php?unit=2,6,10,15,18&post=147911> (дата обращения 10.12.2019).

ненавязчиво решается важная задача приобщения молодежи к далекому прошлому региона и, шире, всего государства⁹.

В целом можно согласиться с авторитетным мнением проф. Р. Пирсона [Pearson, 2018] в том, что осуществленный авторами книги исследовательский проект стал важным вкладом в многоаспектное изучение древней истории Тайваня.

Список литературы / References

- Азаренко Ю. А., Лаптев С. В., Комиссаров С. А.** Тайвань // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. М.: Вост. лит., 2016. Т. 1: Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): от палеолита до V в. до н. э. С. 742–750.
- Azarenko Yu. A., Laptev S. V., Komissarov S. A.** Tajvan' [Taiwan] // Istorija Kitaya s drevnejshih времен do nachala XXI veka [A History of China from the most ancient times up to beginning of XXI century]. Moscow, Vost. lit., 2016, vol. 1: Drevnejshaya i drevnyaya istoriya (po arheologicheskim dannym): ot paleolit do V v. do n. eh. [Ancient and the most ancient history of China (according archaeological data): from Paleolithic to V century BC], p. 742–750 (in Russ.)
- Азаренко Ю. А., Лаптев С. В., Комиссаров С. А.** Неолитические памятники Тайваня: культура Дабэнькэн // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, №. 4: Востоковедение. С. 18–28.
- Azarenko Yu. A., Laptev S. V., Komissarov S. A.** Neoliticheskie pamyatniki Taivanya: kul'tura Daben'ken [Neolithic sites of Taiwan: Dabengkeng Culture]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2016, vol. 15, no. 4: Oriental Studies, p. 18–28. (in Russ.)
- Археологические микрорайоны Северной Евразии: Материалы науч. конф. / отв. ред. С. С. Тихонов. Омск: Апельсин, 2009. 168 с.
- Arkeologicheskie mikroraiony Severnoi Evrazii: Materialy nauch. konf. [Archaeological micro-regions of Northern Eurasia: Proceedings of sci. conf. / Ed. by S. S. Tikhonov. Omsk, «Apel'sin» Publisher, 2009, 168 p. (in Russ.)
- Деревянко А. П., Азаренко Ю. А., Комиссаров С. А.** Культура Чанбинь на Тайване: история изучения и основные характеристики // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 17, №. 5: Археология и этнография. С. 21–29.
- Derevyanko A. P., Azarenko Yu. A., Komissarov S. A.** Kul'tura Chanbin' na Tayvane: istoriya izucheniya i osnovnye kharakteristiki [Changbin Culture of Taiwan: history of investigation and main characteristics]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2016, vol. 17, no. 5: Archaeology & Ethnography, p. 21–29. (in Russ.)
- Falser M.** Cultural heritage as civilizing mission: methodological consideration. *Cultural heritage as civilizing mission: from decay to recovery*. Heidelberg, Springer, 2015, p. 1–32.
- Morgan S.** National Museum of Prehistory's newest branch enjoys soft opening in southern Taiwan. *Taiwan News*, 29.12.2018.
- Pearson R.** Archaeological Heritage in the Tainan Science Park of Taiwan by Cheng-hwa Tsang, Kuang-ti Li (review). *Asian Perspectives*, 2018, vol. 57, no. 1, p. 177–179.
- Tsang Cheng-hwa.** The archaeology of Taiwan. Taipei, Council of cultural affairs, Executive Yuan, 2000, 103 p.
- Vickers E.** History, identity, and the politics of Taiwan's museums. *China Perspectives*, 2010, no. 3, p. 92–106.
- Цы юань: сюдинбэнь [辞源: 修订本]. Словарь «Источник слов»: испр. изд. Пекин: Шаньгу иньшугуань чубань, 2006. Т. 2. 453 с. (на кит. яз.)
- Ci yuan: xiudingben [«Words' origin» dictionary: revised edition]. Beijing, Shangwu yinshuguan chuban, 2006, vol. 2, 453 p. (in Chin.)

Материал поступил в редколлегию
Received
25.12.2018

⁹ О роли музеев в формировании национальной (и региональной) «идентичности» и политических противоречиях вокруг такой их деятельности см.: [Vickers, 2010].

Сведения об авторах / Information about the Authors

Комиссаров Сергей Александрович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, доцент кафедры востоковедения ГИ НГУ (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Sergey A. Komissarov, Cand. of Science (History), senior research associate of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of Russian Academy of Science, associated professor of the Chair of Oriental Studies, Humanitarian Institute, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

sergai@mail.ru

Азаренко Юлия Анатольевна, старший преподаватель кафедры востоковедения, директор научно-образовательного и культурного центра Гуманитарного института Новосибирского государственного университета «Институт Конфуция» (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Yuliia A. Azarenko, senior teacher of the Chair of Oriental Studies, director of Research, Educational and Cultural Center “Confucius Institute” at the Institute for Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

ci@nsu.ru

IX Международная научная конференция «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая»

А. В. Варенов

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Благодарности

Поездка автора на конференцию и написание данного отчета осуществлены при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00557: «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)»

IX International Scientific Conference “Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China”

A. V. Varenov

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Acknowledgements

The author has attended the conference and prepared this paper with the financial support of the RFBR, project 18-09-00557: “The Study of Rock Art Monuments in the Archaeology of China (Periods of Antiquity and Middle Ages)”

С 10 по 14 сентября 2018 г. в г. Улан-Удэ прошла IX Международная научная конференция «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая». На открытии конференции участники поприветствовали директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, научный руководитель Бурятского научного центра СО РАН, академик РАН Борис Ванданович Базаров, директор Института археологии северных народов Китайского народного университета, профессор Вэй Цзянь (Китайская Народная Республика, Пекин), заведующий кафедрой археологии Улан-Баторского государственного университета, профессор Эрдэнэбаатар Диймаажавын (Монголия, Улан-Батор) и директор Института археологии им. А.Х. Халикова Академии Наук Республики Татарстан профессор Айрат Габитович Ситдиков (г. Казань).

Затем прозвучали пленарные доклады Н.Н. Крадина и Е.И. Гельман «Города в средневековых империях Центральной Азии и Дальнего Востока», Д. Эрдэнэбаатара, Э. Миждидоржа и Б. Галбадраха «Preliminary Results of the Excavation of Twelve Sattellite Burials of 189th Royal Tomb, Gol Mod 2A», Пань Лин «On the Evolution of Belt Items of Northern China and Mongolia Through 1 to 2 Century A.D.», П. Марсона «The Sacrifices by the Khitan and the Sacred Mountains in Khitan Culture» и Б. К. Миллера «In search of “Commoners” in the Xiongnu Empire». Далее заседания проходили в пяти секциях: «Каменный век Центральной, Восточной и Северной Азии», «Бронзовый и ранний железный века Центральной, Восточной и Северной Азии», «Центральная, Восточная и Северная Азия в эпоху кочевых империй», «Естественнонаучные и междисциплинарные исследования в археологии» и «Этнология Центральной, Восточной и Северной Азии».

Получилось так, что большая часть иностранных докладов (в первую очередь, докладов китайских коллег) была заявлена во вторую секцию, посвященную проблемам бронзового и раннего железного веков. Прозвучали доклады А. И. Бураева «Новые палеоантропологические материалы с территории Бурятии», А. В. Варенова и Д. В. Черемисина «Петроглифы

«в стиле оленных камней» на территории Китая», Вэй Цзяня и Тээрбаир Нага «Archaeological overview of “kereksurs” from Xinjiang (stone kurgans of round shaped fence)», П. В. Мандрыки «Влияние тагарской археологической общности на культуры таежной зоны Средней Сибири», Пань Лин «On the Evolution of Northern System Belt Objects During the Period of Han dynasties (3 b.c. –2 a.d.)», М. В. Константинова и Т. А. Константиновой «Известия горных инженеров и литераторов о древностях Забайкалья», П. Б. Коновалова «Образ крылатых фантастических и бегущих реальных лошадей в изобразительном творчестве хунну и сяньби», А. М. Клементьева, Д. А. Миягашева и Б. А. Базарова «Фаунистическая составляющая из раскопок Нижнемангиртуйского поселения (материалы 2017 года)», А. И. Симухина «Химический состав бронзовых изделий из плиточных могил Западного Забайкалья (по материалам Музея БНЦ СО РАН)», Со Минцзе «Study on the Human Bones of the Xiongnu Tomb of Lijianaosi in Tongxin County, Ningxia», В. И. Ташака «К вопросу о хронологии верхних культурных горизонтов Барун-Алана-1», Улзийбаяр Соднома и Б. Хасархуу «Some Questions of Interrelation of the Tile Graves and Culture of Deer Stones», А. В. Харинского «Верхнекудинские городища-святилища».

Значительная часть китайских участников прибыла в Улан-Удэ только во второй половине заключительного дня работы конференции, когда заседания большинства секций уже завершились, и зачитали свои доклады фактически на объединенном заседании всех секций: Хуан Сяофэнь «A Comparative Study of Han Tomb and Ancient Tombs of Northeast Asia», Тянь Ликунь «Study on the Bird Form Cheek Piece», Шао Хуйцю «Research on Several Kinds of Animal Style Decorations in Northern China and Eurasian Steppe», Ян Цзяньхуа «The Origin and Early Development of the Belt Decoration In China Northern Zone», Бай Баинтала «Ляо улсын үедэх киданы булш оршуулгын тухайд (язгууртны оршуулгын зан үйл ба булшны зохион байгуулалтын хувирал)», Ч. Ц. Цыренов и Е. В. Сундуева «К вопросу о чжурчжэньских почтовых станциях в период правления Нурхаци (по материалам хроник «Дай цин тайцзу шилу» и «Аньчунь гурун»)», Ван Лисинь и П. Себиллауд «New discoveries and perspectives on early pottery in Northeast Asia – filling the gap of the northeast China plain». Зарубежные авторы еще целого ряда заявленных на конференцию докладов так и не добрались до места ее проведения. Это Икуе Отани (Япония, г. Киото), Ма Ин (КНР, г. Хух-Хото), Анни Чан (США, г. Филадельфия), Шао Хуйцю (КНР, г. Чанчунь), Шуй Тао (КНР, г. Нанкин), Эрдэнэ Мягмар, Ганхуяг Сумьяа (Монголия, г. Улан-Батор), Эрдэмт Осор, Бай Или (КНР, г. Хух-Хото), Вэй Чжэн, М. А. Кудинова (КНР, г. Пекин), Вэнь Лянь (КНР, г. Хух-Хото), Фэн Эньсюэ и У Сун (КНР, г. Цзилинь). Слишком позднее прибытие половины (или даже чуть более) китайских участников не дало возможности провести полноценное обсуждение их очень интересных докладов и тем более организовать развернутую дискуссию. Впрочем, тексты всех докладов, даже тех авторов, кто не смог принять очное участие в заседаниях секций, опубликованы в материалах конференции, изданных к моменту начала ее работы [Древние культуры, 2018].

Список литературы / References

Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: Материалы IX Международной науч. конф.: В 2 т. / Отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. Т. 1. 242 с.; Т. 2. 232 с.

Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China. Materials of the IX International Scientific Conference. In 2 vols. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2018, Vol. 1, 242 p.; Vol. 2, 232 p. (in Russ.)

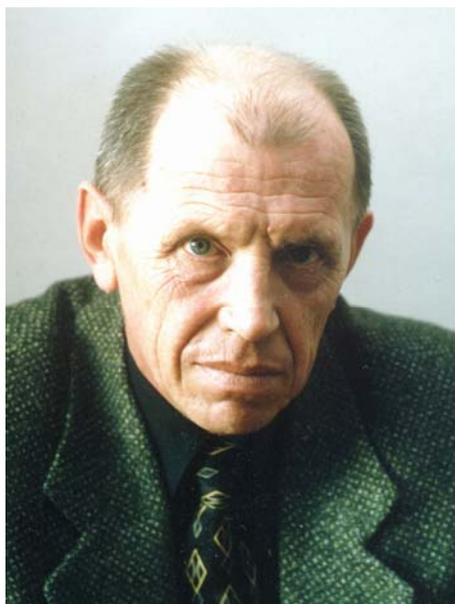
Сведения об авторе / Information about the Author

Варенов Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения Гуманитарного института НГУ (ул. Пирогова 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Andrey V. Varenov – Candidate of Science (History), Associate Professor, Chair of Oriental Studies, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

avvarenov@mail.ru

**Памяти
Александра Владимировича
Старцева
(2.05.1956 – 23.01.2019)**

Этой небольшой заметкой мы хотим почтить память замечательного ученого и прекрасного человека, профессора А. В. Старцева. Мы не можем претендовать на звание его близких друзей, поскольку встречались в основном, как говорится, «по работе» и обсуждали главным образом вопросы, с этой работой связанные.

Но мы знали и ценили Александра Владимировича как крупного специалиста – историка, востоковеда, краеведа, как общественного деятеля и просветителя. Нельзя было не заметить его «многопрофильность», деятельный интерес и к сегодняшним реалиям, и к историческому прошлому, его преданность исследовательской и преподавательской стезе.

Он родился и вырос на Алтае, был горячим патриотом своего края. Не удивительно, что его первые научные работы были посвящены региональным проблемам, хотя выбор конкретного направления – история торговли и предпринимательства – был нетипичным для того времени. И сам облик сибирского купечества, воссоздаваемый благодаря трудам А. В. Старцева и его коллег, очень отличался от хрестоматийного, увековеченного в пьесах А. Н. Островского. Были тогда, конечно, и загульные «Титы Титычи» (куда без них!), но вектор развития с конца XIX столетия определяли другие люди – целеустремленные, хорошо образованные, снабжавшие сибирским маслом пол-Европы, участвовавшие во Всемирных выставках.

Однако не менее важны были для сибирских предпринимателей восточные рынки, на которые, помимо традиционной пушнины, во все возрастающих объемах поставлялась продукция российской промышленности. Поэтому детальное изучение региональной коммерции естественным образом привели А. В. Старцева в русло востоковедения. Его докторская диссертация была посвящена русской торговле в Монголии во второй половине XIX – начале XX веков. А поскольку в тот период монголы в основном контролировались Цинской империей, то потребовалось овладеть и базовыми принципами синологии. О том, что опыт этот для А. В. Старцева был очень успешным, свидетельствует, помимо прочего, его статья «Торговое предпринимательство в старом Китае: культурно-цивилизационный аспект», опубликованная в рейтинговом журнале «Восток» (Oriens) (2011, № 5. С. 34–45) и имеющая важное методологическое значение.

В этом развороте на Восток Александр Владимирович был нашим единомышленником. В качестве одного из создателей, а затем председателя Алтайской краевой общественной организации «Общество российско-китайской дружбы» он внес важный вклад в развитие связей края с КНР, за что был награжден почетным знаком Центрального правления ОРКД. В 2011 г., благодаря инициативе профессора А. В. Старцева, в то время заведующего кафедрой востоковедения Алтайского государственного университета, были установлены тесные связи между НГУ и АлтГУ в области преподавания китайского языка и культуры, которые сохраняются и в настоящее время. Его увлеченность восточным направлением связей России,

интерес к Китаю передавались не только студентам университета; востоковедение и китайский язык стали профессиональными интересами его дочери Александры, под руководством которой была создана линейка учебников китайского языка для школьников «всёя России» (см.: Сизова А. А. Предметная линия учебников «Время учить китайский!». 5–9 классы: Учеб. пособие для общеобразоват. орг. М.: Просвещение, 2018. 221 с.; и др.)

Но, уделяя все большее внимание востоковедной тематике, А. В. Старцев никогда не прекращал работы в сфере регионоведения – удивительной науки, возникшей на стыке истории, географии и экономики. Поскольку именно эта дисциплина наиболее тесно связана с жизнью людей, проживающих в данном регионе, то здесь особо важна популяризация полученных знаний. Хорошо понимая это, профессор А. В. Старцев опубликовал в местной периодике немало популярных статей по истории городов Барнаула и Бийска, всего Алтайского края; входил в состав редколлегии историко-культурного альманаха «Бийский вестник». Он участвовал в создании многих энциклопедических изданий («Энциклопедия Алтайского края», «Историческая энциклопедия Сибири», «Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири», энциклопедии «Югория», «Барнаул», «Бийск»). Те, кто имел возможность испытать себя в этом жанре, знают, насколько напряженной и не слишком благодарной является такая работа. Пока автор пытается решить нерешаемую в принципе задачу: как втиснуть в ограниченный размер заметки огромный объем привлеченных данных, – подходит очередь писать заметки для следующего тома, а также вносить правку в уже сданные материалы. Причем правка предполагается многоаспектная и многократная, чтобы исключить в энциклопедии любые неточности – ведь по ней будут сверять свои данные другие исследователи. Поэтому иная небольшая по объему энциклопедическая заметка отнимает времени и сил не меньше, чем большая научная статья. А профессор А. В. Старцев написал сотни таких заметок!

Такая многоплановая работа требовала огромной эрудиции – как профессиональной, так и общекультурной. Конечно, любое знание в конечном счете способствует форсированию специалиста, но отнюдь не всегда такое воздействие носит узко направленный, прагматический характер. Так, в одной из последних (увы!) – бесед с А. В. Старцевым открылось, что он со студенческих лет знает и любит поэзию Феогнида Мегарского (вероятные даты жизни 570–485 гг. до н. э.) – автора очень непростого, для понимания которого необходимо хорошо знать литературу и историю античной Греции. Вряд ли это пригодилось автору при изучении пушной торговли Западной Сибири; а вот для создания обобщающих исторических курсов для студентов и, конечно, для выработки методологических основ исследований, скажем, роли предпринимательства в традиционном Китае – стало существенным подспорьем.

Ему удалось многое сделать в жизни. Список опубликованных трудов профессора А. В. Старцева превышает 550 позиций – и продолжает пополняться, что свидетельствует об их востребованности. Как отмечал столь ценимый им Феогнид (в переводе В. Вересаева):

...Добрые помнят дела и благодарны за них.

Мы помним тебя, Александр Владимирович! Покойся с миром.

*С. А. Комиссаров, Ю. А. Азаренко
В. Г. Дацышен, В. В. Демидов, В. А. Козлов*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Авторы представляют статьи на русском языке объемом до 1,0 печатного листа (40 тыс. знаков, шрифт Times New Roman, кегль 12, аннотации – кегль 10, межстрочный интервал 1,5), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190×270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить:

- 1) сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы;
- 2) контактный телефон, электронный и почтовый адреса автора.

Обязательным требованием является наличие *ключевых слов* (не более 15) и *резюме статьи* на русском (не менее 1 000 знаков без пробелов) и английском (240-270 слов – не более 1 800 знаков с пробелами) языках, а также авторский перевод названия статьи на английский язык, индекс УДК (Универсальной десятичной классификации).

Образец оформления статьи

УДК 902.694

**Корейский полуостров и Японские острова:
сложение особенностей и заимствование культурных традиций**

И. С. Гнездилова, А. Л. Нестеркина, Е. А. Соловьева, А. И. Соловьев

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация (на русском языке)
Ключевые слова (на русском языке)
Благодарности (на русском языке)

**Korean Peninsula and Japanese Islands:
Forming Features and Borrowing Cultural Traditions**

I. S. Gnezdilova, A. L. Nesterkina, E. A. Solovieva, A. I. Soloviev

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract
Keywords
Acknowledgements

**Основной текст статьи
Список литературы / References**

*Материал поступил в редколлегию
Received*

Сведения об авторах / Information about the Authors

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются фамилия автора или первые слова названия публикации без автора, год, номер страницы, например: [Алексеев, 1976. С. 2] или [Энциклопедия игр, 1989. Т. 1. С. 184].

В конце статьи помещается список литературы (всего не менее 15–20 публикаций, включая размещаемые подстранично интернет-источники) в алфавитном порядке (сначала блок публикаций на русском, затем на европейских и в конце на восточных языках). Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа, для восточных авторов фамилия и личное имя полностью), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи).

Образцы составления библиографического описания

Ким Бусик. Самгук саги: Летописи Силла / Пер. и вступ. ст. М. Н. Пака. М.: Вост. лит., 2001. Т. 1. 384 с.

Черемисина М. И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. 896 с.

Kakar H. The Fall of the Afghan monarchy in 1973. *Int. J. of Middle Eastern Studies*, 1978, vol. 9, no. 2, p. 195–214.

Ан Чхольхва. Маджак пэуги [마작 배우기]. 서울: 넥서스 부그스]. Обучение игре маджак. Сеул: Нэксос бук, 2001. 176 с. (на кор. яз.)

Гакусю: дзиммэй дзитэн [学習人名事典. 東京: 富士教育] Учебный словарь имен. Токио: Фудзи кёйку, 1983. 400 с. (на яп. яз.)

Ма Гоцзюнь, Ма Шуюнь. Чжунхуа чуаньтун юси дацюань [麻国钧, 麻淑云. 中华传统游戏大全. 北京: 农村读物出版社]. Все о китайских традиционных играх. Пекин: Нунцунь дуу чубаньшэ чубань, 1990. 610 с. (на кит. яз.)

Сато Сэкико. Гэндзи-моногатари-но буцукан – хо:бэн-но оmoi-ни сокуситэ [佐藤勢紀子. 『源氏物語』の仏観 —方便の思いに即して— // 日本文学. 京都: 日本文学教会]. Буддийское мировоззрение в романе «Гэндзи-моногатари»: о принципе хо:бэн // Японская литература. Киото: Нихон бунгаку кё:кай, 2002. № 51–12. С. 1–11. (на яп. яз.)

Чэнь Сяньдань, Чэнь Дэань. Шиси саньсиндуй ичжи шандай ихао кэн дэ синчжи цзи югуань вэньти [陈显丹, 陈德安. 试析三星堆遗址商代一号坑的性质及有关问题 // 四川文物]. Предварительное изучение характера ямы № 1 шанского времени на памятнике Саньсиндуй и связанных с ней вопросов // Сычуань вэнью. 1987. № 4. С. 27–29. (на кит. яз.)

Чэнь Хунхай, Ван Гошунь, Мэй Дуаньчжи, Су Нань. Цинхай тундэ сянь цзунжи ичжи фацзюэ цзяньбао [陈洪海, 王国顺, 梅端智, 素南. 青海同德县宗日遗址发掘简报 // 考古] Краткий отчет о раскопках памятника Цзунжи в уезде Тундэ, пров. Цинхай // Каогу. 1998. № 5. С. 1–14. (на кит. яз.)

Образцы составления списка литературы в транслитерации (References)

Voytishkek E. E., Bordjigid A., Karpova T. K., Izmailova M. V. Traditsionnyi prazdnik kalligrafii v Pavil'one Orkhidei i sud'ba sovremennykh intellektualov [Traditional Calligraphy Festival at the Orchid Pavilion and the Destinies of Modern Chinese Intellectuals]. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2012, vol. 12, no. 10: Oriental Studies, p. 163–173. (in Russ.)

Voytishkek E. E. Igrovye traditsii v dukhovnoi kul'ture stran Vostochnoi Azii (Kitai, Koreya, Yaponiya) [Game tradition in the culture of East Asia countries (China, Korea, Japan)]. Novosibirsk, 2011, 312 p. (in Russ.)

Sun Yuxiang. Xiandai wenren de yin yu tong [孙玉祥. 现代文人的隐与痛. 广州市, 中国友谊出版公司]. The Secret and Pain of the Modern Man of Culture. Zhongguo youyi chuban gongsi, 2010, 158 p. (in Chin.)

Ссылки на архивные документы, а также источники и труды, опубликованные в Интернете и не поддающиеся библиографическому описанию, как и авторские примечания, оформляются в виде сносок внизу страницы¹. Иллюстрации (рисунки, фотографии) следует предоставлять в форматах .jpg, .tif, .cdr. Допускается создание таблиц и диаграмм в Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Подписи к иллюстрациям и таблицам обязательно предоставляются и на русском, и на английском языках.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе электронной переписки в строго определенные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи.

Требования к содержанию публикуемых материалов

В «Вестнике НГУ» публикуются материалы, соответствующие основным рубрикам журнала, а также учебно-методические материалы, переводы, рецензии; дискуссии.

Рабочие языки выпуска «Востоковедение» – русский, английский, китайский, японский и корейский. Статьи на иностранных языках публикуются с кратким изложением содержания на русском языке. Для статей, цитат и терминов на восточных языках следует придерживаться следующих рекомендаций: китайский язык – палладиевская транскрипция, шрифт SimSun; японский язык – поливановская транскрипция, шрифт MS Mincho; корейский язык – транскрипция «Новая романизация корейского языка» (2000), шрифт Gulim. В списке литературы в конце каждой статьи следует указывать язык, на котором выполнена публикация: (на рус. яз. / кит. яз. / яп. яз. / кор. яз.) и (in Russ. / Chin. / Jap. / Kor.).

Недопустимо представление в редакцию ранее опубликованных статей, а также рукописей, скомпилированных из ранее опубликованных научных работ. Редакция оставляет за собой право редактирования, сокращения (по согласованию с автором) и адаптации публикуемых материалов к рубрикам журнала.

Все статьи проходят **обязательное двойное слепое рецензирование**. По итогам рецензирования принимается решение о возможности публикации представленной статьи. Плата за публикацию не взимается, гонорары не выплачиваются.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (каб. 2211, новый корпус НГУ), переслать по электронной почте или обычной почтой.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Востоковедение» серии «История, филология»:

Новосибирский государственный университет
Гуманитарный институт, отделение востоковедения
ул. Пирогова, 1, каб. 2211, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363 42 37
E-mail: orient@lab.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке, подписной индекс 18288
в каталоге ОАО «Роспечать»

¹ Гасюк А. Обама убил двух зайцев. США сохраняют присутствие в Афганистане как минимум до 2024 года // Рос. газета. URL: <http://www.rg.ru/2012/05/02/afghanistan-site.html> (дата обращения 03.05.2016).